

НОВАЯ ПОЛЬША

№1 (38)

2003

НА ВОПРОСЫ «НОВОЙ ПОЛЬШИ» ОТВЕЧАЮТ:
СТАНИСЛАВ ЛЕМ, МАРШАЛ СЕЙМА МАРЕК БОРОВСКИЙ, ЯН НОВАК-
ЕЗЁРАНСКИЙ, АРХИЕПИСКОП ЮЗЕФ ЖИЦИНСКИЙ, ПРОФ. ГЖЕГОЖ ВУЙТОВИЧ

Михал Зелинский: Есть ли у поляков «предпринимательская жилка»?

Ханна Краль: САГА РОДА КУЛЕРСКИХ

Копалинский — энциклопедист-одиночка

ДАНИЭЛЬ ОЛЬБРЫХСКИЙ О СВОЕЙ РЕКЕ

О. МИХАЛ ХЕЛЛЕР О ПОИСКАХ ТЕОРИИ ВСЕГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1(38)
2003
ЯНВАРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»	3
	Михал Зелинский ЕСТЬ ЛИ У ПОЛЯКОВ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЖИЛКА»?	6
	РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВО <i>Беседа с Лешком Бальцеровичем</i>	10
	Ежи Помяновский К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА	13
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	16
	Ханна Краль ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ	22
	НАШИ ЛЮДИ Иоанна Щенсна ЭНЦИКЛОПЕДИСТ-ОДИНОЧКА	32
	Ежи Ятшембовский КОМПОСТ ИСТОРИИ	34
	Анджей Титков СТИХОТВОРЕНИЯ	39
	Анджей Завада БРЕСЛАВ	41
	Александр Вирпша ВРОЦЛАВСКИЙ МИКРОКОСМОС	50

	Даниэль Ольбрыхский МОЯ РОДИНА — НА БУГЕ	52
	Петр Мицнер МЕСТЬ ВРЕМЕНИ	56
	Анна Мицнер ФРЕДРОВСКИЕ ВЫСТАВКИ	57
	Казимеж Ст. Михалевиц ПАНОРАМА КИНО, УВИДЕННАЯ ИЗ ПОЛЬШИ	58
	Анджей де Лазари РУССКАЯ МЕЧТА О «ВСЕСОБОРНОСТИ»	60
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	62
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	65
	Катажина Гардзина ЗВЕЗДЫ БОЛЬШОЙ МУЗЫКИ В ВАРШАВЕ	68
	Наталья Будзан ТРИУМФ СПЕКТАКЛЯ ИЗ НОВОСИБИРСКА	70
	В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ВСЕГО <i>Беседа с о. проф. Михалом Хеллером</i>	71
	ОСОБОЕ МНЕНИЕ Андрей Буровский ПОЛЬСКИЙ СОБЛАЗН СЕГОДНЯ	76

Переводчики: А. Багилевский, А. Бондарев, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Г. Погожева, А. Пустынцева, К. Старосельская, Ст. Филиппак, Е. Штманская.
 Фото ©: Archiwum (стр. 22, 23, 26), A.Loś (стр. 41, 45, 47), T.Późniak - „Polityka” (стр. 52, 53, 54, 55), Free-Internet (стр. 56), J.Certowicz (стр. 57), Д.К (стр. 71).

Редационный совет

Стефан Братковский
 Хенрик Возняковский
 Наталья Горбаневская
 Ежи Клочовский
 Кароль Модзелевский
 Януш Тазбир
 Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
 Никита Кузнецов
 Виктор Кулерский
 Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
 Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кашпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
 02-086 Warszawa
 Ал. Неподлеглосци, 213
 02-086 Варшава
 тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
 факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
 e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
 ул. Большая Переяславская,
 д.15, кв. 49
 тел: 280-83-52
 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
 Министерства Культуры
 Республики Польша
 тираж: 4800 экз.

АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»

Редакция «Новой Польши» обратилась к нескольким десяткам представителей польской общественности с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Что, по вашему мнению, еще мешает существенному улучшению польско-российских отношений?

2. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с независимой Украиной, отношениям с Россией?

3. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с Россией, отношениям с Украиной?

4. Если возникает противоречие между безопасностью государства и его стратегическими интересами, с одной стороны, и экономической выгодой — с другой, следует ли отдавать предпочтение экономическим интересам?

Публикуем первые полученные ответы. Продолжение — в ближайших номерах «Новой Польши».

Мы обращаемся также к нашим российским читателям и сотрудникам с просьбой присылать в редакцию ответы на эти вопросы.

Станислав Лем,
писатель:

1.

Вообще говоря, любая система способна рухнуть быстро, но общественные унастроения, особенно в верхах власти, всегда обнаруживают немалую инертность. Сегодняшнее отношение русских к Польше сформировано пропагандой советских времен, то есть они считают нас отступниками, которые презрели имперскую опеку. Такой тип мнения преобладает в кругах власти, особенно военных. Путин избрал скорее западный курс, но до нормализации отношений с Россией нам по-прежнему далеко.

2-3.

Я считаю, что вопрос польско-украинских отношений вряд ли мешает установлению добрососедских отношений с Россией. Как России, так и Украине предстоит решать несравнимо более важные и срочные проблемы, чем выяснять отношения с нами.

4.

Мне не кажется, что можно оценить плюсы и минусы, связанные с выдвиганием на первое место безопасности государства или экономических интересов. Слишком много неизвестных тяготеет над всей этой территорией, включающей и Польшу, и Россию, и Украину. Позволю себе добавить, что нам необходима очень разумная и долгосрочная политическая линия по отношению к обоим восточным государствам, однако нам мешает груз собственных внутренних трудностей, обременяющий нашу государственность.

Марек Боровский,
маршал Сейма:

С огромным удовольствием отвечаю на ваши вопросы, касающиеся моих взглядов на возможное развитие отношений Польши с нашими восточными соседями. Недавно я был в Москве с официальным парламентским визитом по приглашению председателя Государственной Думы, а за несколько недель до этого принимал в Варшаве две представительных делегации украинских парламентариев, возглавлял конференцию в Сейме об экономических преобразованиях, и мы откровенно беседовали на эту тему с видными российскими экономистами-реформаторами. Поэтому хочу заверить: несмотря на то что мы, разумеется, сосредоточили наши усилия на проблемах европейской интеграции, мы не забываем и о сотрудничестве с восточными соседями.

Первый вопрос касается препятствий в нормализации польско-российских отношений. Я уверен, что польско-российские отношения сегодня выглядят вполне нормально. Более того, я считаю, что в них наступает существенное потепление, как, впрочем, и вообще в отношениях России с Западом. Меня это очень радует. Отношения между лидерами наших государств хорошие; развивается, хоть и не без некоторых трудностей, экономическое сотрудничество, расширяются контакты между научными и культурными кругами обеих стран. Лично мне хотелось бы, чтобы у нас были добрососедские и гораздо лучшие, чем сейчас, отношения с Россией. Она очень важная участница исторического процесса перемен на нашем континенте. Я уверен, что в будущем Польша как член Евросоюза будет постоянно выступать за то, чтобы ЕС был более открыт к Востоку.

Конечно, в наших двусторонних отношениях с Россией немало спорных и даже трудноразрешимых вопросов. В международных отношениях это, пожалуй, нормально. Два самых трудных вопроса — это двустороннее экономическое сотрудничество (особенно снижение дефицита в товарообороте и «газовая проблема») и преодоление тяжелого наследия истории: для меня речь здесь идет прежде всего о компенсации польским гражданам — жертвам сталинских репрессий. Мне кажется, что в обоих вопросах мы двигаемся вперед, хотя, конечно, это должно происходить гораздо быстрее.

Ваш второй вопрос касается того, не препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с Украиной, польско-российским отношениям, тогда как в **третьем** подразумевается, что наши усилия в деле взаимопонимания с Россией могут мешать отношениям с Украиной. Признаюсь, что я не усматриваю здесь серьезных конфликтов. Это проблема скорее публицистическая, чем практическая. Польша была первой в мире страной, признавшей независимость Украины; мы постоянно поддерживаем реформы в этой стране и ее обращение к европейским ценностям. Польско-украинское стратегическое партнерство выгодно Польше, оно подчеркивает ее роль в Центральной и Восточной Европе и положение в НАТО. Мне кажется, это выгодно и Украине. Я не вижу никакой заинтересованности Польши в том, чтобы отношения Украины с Россией были плохими, или заинтересованности Украины в ухудшении польско-российских отношений. Невозможно представить себе, чтобы столь близкие нам народы, как русские и украинцы, после нашего вступления в ЕС оказались отделены от нас своего рода новым «железным занавесом».

Последний вопрос касается «противоречия» между безопасностью государства и его стратегическими интересами, с одной стороны, и экономической выгодой — с другой. В этом вопросе Польша сделала свой выбор уже довольно давно. Он был для нас очевиден, так как и политически, и экономически нам, несомненно, были выгодны контакты с Западом, то есть участие в оборонно-политическом трансатлантическом сообществе и европейской интеграции. Сегодня Польша — член НАТО, которое гарантирует нашу безопасность; мы закончили переговоры о вступлении в Евросоюз, что в дальнейшем обеспечит Польше стабильное экономическое развитие и цивилизационный скачок. Таковы были и есть главные стратегические цели Польши, и ни о какой попытке «торговать» ими ради какой-то корысти я не слышал. Сегодня 70% польского товарооборота составляет торговля со странами Евросоюза, что, вероятно, больше, чем у «15-ти» между собой. Разносторонность источников снабжения нашей страны энергетическим сырьем остается по-прежнему важной целью нашей политики. И, как я замечаю, это находит понимание у наших российских партнеров.

**Архиепископ Юзеф Жицинский,
митрополит Люблинский:**

1. Главная помеха — политический фольклор, в котором Брежнев и Жириновский преподносятся как типичные русские, а для симметрии факт изгнания поляков из Москвы в 1612 г. используется в целях демагогического формирования исторической памяти.

2-3. Усилия, направленные на взаимопонимание с Украиной, не могут мешать отношениям с Россией — и наоборот, ибо дружба народов, строящаяся на дипломатии и предубежденности по отношению к другой стране, всегда оказывается иллюзорной и непрочной.

4. Нельзя допустить, чтобы экономические соображения стали высшим принципом нашей культуры. Этика, подчиненная экономике, — это мнимое решение на очень короткое время.

**Ян Новак-Езёранский,
публицист, бывший многолетний директор польской секции радио «Свободная Европа»:**

Улучшение отношений с Россией и, более того, сближение и дружба обоих народов отвечает жизненным интересам Польши. Примирение Польши как с Россией, так и с Германией было бы достижением в масштабе тысячелетия. Правда, если немцы в большинстве своем смирились с нынешними границами и отказались от империалистических устремлений, то в сознании российской политической верхушки эта мысль (обрести, если позволит ситуация, господство над соседями) по-прежнему сидит. Упрочение независимости Украины, Белоруссии, Прибалтийских государств — гарантия безопасности Польши. Новая зависимость этих государств, навязанная Москвой, была бы равносильна возрождению великорусского империализма, представляющего угрозу Польше.

Выход России из ее нынешней экономической депрессии может дать экономическому развитию Польши неповторимую историческую возможность. Однако обретение этой возможности не может достигаться в ущерб интересам наших соседей...

Стремясь наладить добрососедские отношения с Россией, Польша должна на многие годы запастись терпением и при этом сохранять решимость.

**Гжегож Вуйтович,
член Совета монетарной политики:**

1. Нормализации отношений с Россией мешает недоверие, но здесь поможет время. Источник трудностей — запутанная история, причем не вычитанная из книг, но скорее известная из трагического личного и семейного опыта. Польша быстро определила свое место в мире и Европе. Я думаю, что Россия тоже будет принараиваться к современным реалиям. Сегодня оптимистические сценарии более вероятны.

2. Россия и Украина — очень важные друг для друга стратегические партнеры. Этот вопрос должен стать исходной точкой в формировании наших отношений с Украиной.

3. Не думаю, чтобы хорошие отношения Польши с Россией мешали Украине. Как раз наоборот.

4. Безопасность государства или его стратегические интересы — это вопрос времени, тогда как экономическая выгода — явление обычно кратковременное, поэтому она не может быть приоритетной.

Михал Зелинский

ЕСТЬ ЛИ У ПОЛЯКОВ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЖИЛКА»?

Приезжий иностранец, не задумываясь, ответит: «Да еще какая!» И действительно, с какой стороны ни въедешь в Польшу, сразу бросается в глаза обилие магазинов, ресторанов и забегаловок, предприятий бытового обслуживания и рынков. Статистические данные подтверждают это первое впечатление.

В Польше, где численность населения — около 38 млн. человек, в секторе так называемого малого предпринимательства действует 1,55 млн. фирм, основанных физическими лицами в порядке регистрации хозяйственной деятельности. Кроме того (это уже высший пилотаж), в стране насчитывается 60 тысяч компаний, являющихся юридическими лицами. И, наконец,

около миллиона человек занято в «теневой экономике», то есть ведет хозяйственную деятельность, нигде незарегистрированную и непосредственно не облагаемую налогами. Это означает, что около 4,5 млн. человек — не считая единоличных крестьянских хозяйств — зарабатывают себе на жизнь, занимаясь мелким частным бизнесом. Это четверть всего работающего населения страны, что превышает соответствующие показатели не только для соседних с Польшей стран, но и для значительной части стран Евросоюза.

Каковы корни и специфические особенности этого феномена? Первопричину следует искать в истории — не только довоенной, когда

доля частного сектора в экономике существенно превышала долю, приходящуюся на государственные предприятия. Парадоксально, но стимулом, привлечшим к непосредственной хозяйственной деятельности совершенно новый контингент граждан, стала немецкая оккупация.

Заккрытие школ (кроме начальных), высших учебных заведений и культурных учреждений привело к пополнению рядов безработных немалым числом представителей интеллигенции. Чтобы выжить, они оказались вынуждены что-то производить или чем-нибудь торговать. Легендарными стали примеры Марии Домбровской, одной из крупнейших польских писатель-

На польских телевизионных экранах, эстрадах и в молодежных клубах последнее время бешеным успехом пользуется одна скромная песня. Текст и музыку к ней написали двое молодых близнецов — братья Голец. Они родом с Подгалья, и там, на юге Польши, они организовали свой оркестр. Их песня «В чистом поле» стала настоящим шлягером, или, как говорит теперь молодежь, хитом. И не только в Польше: 10-миллионная польская диаспора в Америке приняла этих ребят с таким энтузиазмом, что в конце концов даже президент США Буш процитировал этот простой текст в своем выступлении, приведя польский дух предпринимательства и оптимизм в качестве примера для тех, кто везде видит прежде всего трудности и препятствия. — *Ред.*

ниц, которая зарабатывала на жизнь кустарным изготовлением и продажей сигарет, или выдающихся польских актрис, работавших официантками в частных кабачках. Впрочем, это явление было еще более масштабным: даже те, у кого была более или менее постоянная работа, были вынуждены в дополнение к ней заниматься еще чем-то. В подавляющем большинстве случаев их деятельность была — с точки зрения законов, установленных оккупантами, — нелегальной, но для выживания нации необходимой и морально приемлемой. Именно тогда — к сожалению, на срок, превысивший продолжительность оккупации, — в польский язык вошли такие слова, как «ле-

вый товар» или «черный рынок». Разумеется, они означали обыкновенное воровство, но раз при этом похищалась собственность врага (во многих случаях ранее награбленная у самих поляков), воровство это приобрело ранг патриотического поступка.

Следующим толчком к развитию частного предпринимательства стало послевоенное восстановление страны. Этот период, однако, надолго не затянулся. Уже в апреле 1947 г. на IV Пленуме Польской рабочей партии (ППР) стоящие у власти коммунисты выступили с программой «битвы за торговлю», суть которой заключалась в ограничении и ликвидации

частного сектора (особую роль здесь сыграла «экономическая ЧК» — Специальная комиссия по борьбе со злоупотреблениями и экономическим вредительством). Пик этой «битвы» пришелся на период выполнения так называемого шестилетнего плана (1950-1955). За эти годы число небольших частных фирм (крупные предприятия, где работали более 50 человек, были ликвидированы еще в 1946 г., в рамках кампании «национализации промышленности») сократилось с 437 тысяч в 1948 г. (при численности населения около 27 млн. человек) до 87 тысяч в 1955-м. Впрочем, правильнее было бы сказать иначе: в течение первой половины 50-х, получившей в Польше название

«эпохи сталинизма», несмотря на юридические, экономические и политические преследования (например, детей частных предпринимателей не принимали в вузы, а в армии они сразу попадали в штрафные подразделения), сумели уцелеть целых 87 тысяч частных предприятий.

Потом пришли времена полегче. «Частникам» по-прежнему мешали работать, но по сравнению с тем, что происходило до 1956 г., это были уже «мелочи жизни», ограничивающиеся, как правило, высокими налогами и всевозможными поборами. Поскольку, однако, частный сектор производил товары (чаще все-

го мелкие запасные части), выпуск которых госпредприятия не могли освоить, обойтись без него «социалистическая экономика» была совершенно неспособна. С другой стороны, частная предпринимательская деятельность позволяла получать более высокие доходы, чем в государственном секторе, так что, несмотря на связанный с этой деятельностью риск (от штрафов вплоть до уголовного преследования), число «частников» увеличивалось. В 1970 г. частных фирм было уже 265 тысяч, в 1980 г. — 373 тысячи, а в 1988-м — 700 тысяч, то есть даже больше, чем перед началом «битвы за торговлю», закончившейся Пирровой победой (хотя при этом нужно отметить, что в среднем это бы-

Братья Голец НЕДАЛЁКО-БЛИЗКО

В голом поле в лысом поле
Выполняю план
Потихоньку-полегоньку
Всё построю сам
Над макетом я тудился
Много долгих лет
Но зато глазеть на чудо
Будет целый свет

Привет: Недалёко-близко
Будет Сан-Франциско
В лысом поле склизко
А я строю банк

Я работать обожаю
Я силен как бык
Двигать фуры с кирпичами
Я давно привык
Рою грунт таскаю гравий
За десятерых
Мне до фени что соседи
Называют — псих

Привет: Недалёко-близко...

Я не жлоб решаю быстро
Где и что сказать
Приглашу я бургомистра
Ленту разрезать

Привет: Недалёко-близко...

Перевод Андрея Базилевского

же оно не всегда было легальным, но власть фактически закрывала на это глаза). Это были сравнительно широкие (более широкие, чем в любой другой стране «соцлагеря») возможности поездок на Запад, а также почти неограниченная свобода передвижения по социалистическим странам.

Первый из этих факторов был связан со значительным числом (около 10 млн.) поляков, живущих в эмиграции. Поэтому выезжавшие из ПНР граждане нередко уже имели родственные связи за границей, что снижало расходы на пребывание за рубежом и помогало найти временную работу. Хотя и без этой «родственной помощи» тысячи поляков ежегодно выезжали за границу «на заработки» — то есть на временную, как правило, нелегальную работу (в 1981 г. «на заработки» на Запад выехало около 1,25 млн. человек, то есть более 5% трудоспособного населения). Власти делали вид, что и эти поездки, и контакты с родственниками, живущими в странах «вражеского лагеря», — в порядке вещей, потому что они стали важным источником валютных поступлений. Годовой объем продаж в польских валютных магазинах сети «Певэк» [польская «Березка»] составлял около 0,5 млрд. долларов, что было вполне ощутимой прибавкой к доходам от государственного экспорта, составлявшим около 7 млрд. долл. в год. Разумеется, люди тратили не все деньги, привезенные ими из-за границы. Какая-то их часть оседала на валютных счетах или просто «в чулках», что послужило базой частных капиталовложений после 1990 года.

В свою очередь, свобода передвижения по социалистическим странам, где наблюдались весьма существенные ценовые контрасты и серьезный дефицит основных товаров широкого потребления (различных в разных странах), привела к тому, что поляки превратились в главных «челноков» Восточной Европы.

Однако подлинная революция произошла на рубеже 80-х и 90-х. Она происходила в два этапа. Сначала, еще при правлении коммунистов, в 1988 г., был принят весьма либеральный закон о хозяйственной деятельности, который ликвидировал все ограничения на ее ведение частными лицами и отменил обязательную выдачу концесий (лицензий) — за исключением нескольких от-

раслей, к которым относились производство оружия, горнодобывающая промышленность и т.п. Приход к власти некоммунистического правительства (в июне 1989 г.) и введение конвертируемости национальной валюты (1 января 1990-го) существенно уменьшили политический риск занятия частным предпринимательством и расширили экономические возможности использования свобод, предоставляемых законом 1988 года. В течение двух лет число частных хозяйствующих субъектов почти удвоилось: к концу 1990 г. их было уже 1,29 млн.

Ради объективности следует упомянуть об еще одном, менее возвышенном факторе развития частного предпринимательства, каковым стало экономическое принуждение. Этот фактор функционировал двояким образом. Во-первых, ширилась волна банкротств государственных предприятий, и по мере роста безработицы людям становилось все труднее найти новое место работы. Поэтому многие из них решились попытать счастья в бурных водах частной инициативы и конкуренции. Банкротства государственных предприятий иногда даже облегчали принятие подобного решения, так как создавали возможность дешево приобрести бывшие в употреблении оборудование и материалы. Аналогично обстояло дело и с приватизацией магазинов и мелких предприятий бытового обслуживания, где приоритетное право приобретения или аренды основных средств было предоставлено самим работникам.

Другой вид принуждения был связан с новым явлением, по-английски именующимся «outsourcing», когда крупным фирмам оказывалось выгоднее прибегать к «внешним» услугам мелких третьих фирм, чем самим заниматься соответствующими видами деятельности. Сначала в приватизированных фирмах, а затем и в тех, которые продолжали оставаться государственными, многие работники (особенно вспомогательный персонал, как уборщицы или вахтеры, но также и специалисты, услуги которых предприятие использовало «нерегулярным образом», — юристы, проектировщики, информатики и т.п.) получали «предложения, от которых невозможно отказаться». Им говорили: «Либо вы вообще потеряете работу, либо уволитесь по собственному желанию и зарегистрируетесь как индивидуальные хозяйствующие субъекты — тогда ваш прежний работодатель за-

ключит с вами контракт о предоставлении услуг». Во многих случаях подобная замена трудового договора на контракт о предоставлении услуг имела под собой вполне очевидное экономическое обоснование. В силу того, что постоянный, штатный работник обходится в Польше работодателю почти вдвое дороже, чем выплачиваемая ему зарплата (за счет чрезвычайно высоких налогов, обязательных отчислений на социальное страхование и другие цели), то заключение таких «контрактов с независимыми хозяйствующими субъектами» для работодателя чрезвычайно выгодно. Это привело к ситуации, зачастую абсурдной и ущемляющей права многих работников, которых вынуждали менять свой статус без какой-либо конкретной причины. Например, в небольших магазинах сейчас практически нет состоящих в штате продавцов, а несколько десятков тысяч занятых там работников было вынуждено зарегистрироваться в качестве «индивидуальных хозяйствующих субъектов» и теперь «оказывает внешние услуги» своему фактическому работодателю.

До настоящего момента мы использовали здесь термин «частное предпринимательство» как синоним «зарегистрированной частной хозяйственной деятельности». Однако пример «вынужденных предпринимателей» показывает, что далеко не каждый «предприниматель» обязательно обладает «предпринимательской жилкой». И далеко не каждый из них ведет легально зарегистрированную хозяйственную деятельность, о чем свидетельствует наличие около миллиона человек, занимающихся бизнесом в «теневой экономике», уклоняясь от уплаты налогов. Ну что ж, как я уже говорил, в польском языке слова «левый товар» и «черный рынок» имеют давнюю традицию.

Однако по сути своей термин «предпринимательство» предполагает нечто большее, чем юридический статус, — это скорее определенное состояние духа. Это способность идти на риск и нести ответственность за его последствия, это склонность самостоятельно принимать

решения, от которых зависит твоя судьба, стремление быть свободным — даже если эта свобода требует от тебя непрерывной борьбы с жизненными обстоятельствами. Если понимать «дух предпринимательства» именно так, то стоит отметить, что эта черта все чаще ценится у все большего числа наемных работников. Фирмы с мудрым и дальновидным руководством принимают на работу все большее число сотрудников, в обязанности которых входит принятие решений, на основе так называемых «менеджерских контрактов», предоставляя им широкие возможности принимать ответственные решения и зарабатывать большие деньги — но лишь при условии достижения успешных результатов.

Чтобы картина сегодняшнего польского предпринимательства не показалась слишком розовой, следует упомянуть и о некоторых негативных явлениях. Число безработных в Польше составляет 3,5 млн. человек. Это люди, которые потеряли работу и не сумели найти новую. Не сумели они и начать трудиться «на самих себя». Среди них — довольно значительное число бывших работников так называемых госхозов (в СССР они назывались совхозами). Когда эти госхозы становились банкротами, в их гаражах по-прежнему стояли машины, в амбарах хранились запасы семенного зерна, а земля оставалась необработанной. Все это можно было брать в аренду практически за бесценок. Этого, однако, не произошло, а эти люди скатились до состояния нищих, живущих в ожидании пособий от государства.

И, наконец, еще одно сравнение. В ходе социологических опросов выпускникам польских средних школ задавали вопрос: «Как ты представляешь себе свое будущее?» 30% опрошиваемых отвечали: «Я намерен начать самостоятельную хозяйственную деятельность». И вот теперь вопрос: означает ли это «целых 30%» (потому что 20 лет назад такой ответ дали бы лишь несколько процентов учащихся) или «всего лишь 30%»? В США, отвечая на тот же вопрос, «самостоятельную деятельность» выбрали почти 90% молодых людей.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

С Лешеком Бальцеровичем беседует в Петербурге Павел Яблонский

Петербург посетил знаменитый польский реформатор Леше́к Бальце́рович, положивший начало реформам во всех странах бывшего соцлагеря. Многие, в том числе и Гайдар, в той или иной мере заимствовали его опыт. А известный сподвижник Бальцеровича Ма-рек Домбровский

входил в число главных иностранных консультантов российской администрации.

Много воды и денег утекло с тех пор. Бальцерович побывал у власти ещё раз: когда в 1997 г. на выборах победили правые, он занял пост первого вице-премьера в правительстве Ежи Бузека. Но правая коалиция распалась, и незадолго до новых парламентских выборов 2001 г. Бальцерович покинул правительство и стал президентом Польского национального банка.

У многих поляков не хватило сил взвалить на свои плечи ещё четыре крупные реформы либералов, и на выборах они прокатили правых коалиционеров так, что те вовсе лишились мест в парламенте.

Пути реформ неисповедимы. Что такое хорошо и что такое плохо в экономике и жизни — об этом в беседе с журналистом Павлом Яблонским рассуждает всемирно известный экономист-«хирург» Леше́к Бальце́рович.

— Господин Бальцерович, глядя из сегодняшнего дня на реформы Бальцеровича начала 90-х, изменили бы вы что-нибудь?

— Я сделал бы больше, чтобы осуществить более быстрый переход к рыночной экономике.

— Но когда в середине 90-х, после первого поражения реформаторов на парламентских выборах, я спросил вас, видите ли вы какие-либо ошибки в том, как осуществлялись реформы, вы ответили, что, пожалуй, переоценили готовность западных рынков открыться перед польскими товарами, и недооценили негативные последствия разрыва экономических связей из-за развала СЭВ.

— Я бы сказал, что тогдашний разрыв торговых и экономических связей оказался столь стремительным отчасти потому, что их уровень был искусственно завышен, поскольку и Польша, и Россия были изолированы от Запада. К тому же уровень снижения това-рооборота между нашими странами невозможно было оценить сколько-либо точно. Тогда невозможно было сделать точные расчёты, прогнозы. Суть была в том, чтобы оправдаться прогнозы по направлениям. И они оправдались. Например, после устранения контроля над ценами, дефицит исчез.

— Почему на прошлогодних парламентских выборах те политические силы, которые вы представляете, потерпели столь серьёзное поражение, что даже не вошли в парламент?

— Я теперь вне политики, и мне неудобно комментировать. Я бы сказал, что на этот счёт есть разные теории. Например, говорят, будто выборы показали, что поляки против рыночной экономики. Это неверно. Просто если внутри правительственной коалиции возникают конфликты, то она проигрывает выборы. Так что никакой концептуальной интерпретации этих выборов я бы не давал.

— Как вы оцениваете курс реформ в России за эти 10 с лишним лет? Тем более что «российский Бальцерович», Гайдар, уже несколько лет как ушёл в тень — его голоса не слышно.

— Я слишком мало бываю в России, чтобы дать развёрнутую оценку. Могу лишь сказать, что положение моего друга Егора Гайдара было гораздо более сложным. Во-первых, у меня было для реформ два года, а у него намного меньше. Во-вторых, хотя в стратегии реформ есть универсальные подходы, в то же время можно говорить и об особых российских условиях. С одной стороны, быстрыми темпами должно уменьшаться вмешательство государства в экономику, с другой же государство должно обеспечить, например, юридические, налоговые условия для эффективного функционирования экономики. Я не хочу давать оценок; скажу лишь, что у обоих наших народов появились шансы. И Польша очень заинтересована в успехе России.

— Можете ли вы, крупный эксперт по восточноевропейским странам с переходной экономикой, отметить какие-то российские особенности, отличия, которые делают путь реформ в России иным, нежели в Восточной Европе? Возможно, дело может быть в структуре экономики, в социально-политических условиях, в психологическом или даже религиозном факторе.

— Конечно, у России есть много отличий. Но вряд ли из этого можно сделать вывод, что российская экономическая стратегия должна быть совершенно иной. Это как в медицине. Поляки и китайцы отличаются друг от друга, но если болезнь у людей одна, то одна должна быть и терапия. Скажем, болезнь — нехватка товаров на рынке. Что делать? Нужна либерализация. Надо отменить контроль над снабжением, над ценами. Если болезнь «коррупция», то надо ограничить произвол чиновников, политиков. Кроме того, важно наличие по-настоящему профессиональных и в то же время свободных СМИ. Думаю, что при проведении экономической политики не стоит переоценивать роль российских особенностей. Экономика — это универсальная наука.

— Однако у России есть ещё одна важная особенность — это страна с огромными природными ресурсами. И она занимает в мировом экономическом пространстве именно такое место, как бы кто к этому не относился. А в странах Восточной Европы нет серьёзных ресурсов, и расценивают они себя иначе. Например, как страны производственных и трудовых ресурсов. Отсюда и разная экономическая стратегия. Что вы об этом думаете?

— Такая особенность действительно существует. Но как она отражается на различиях в экономической политике? Если гиперинфляция была и в России, и в Польше, то обуздать ее и в России, и в Польше можно было только с помощью дисциплины, бюджетной дисциплины. Независимо от ресурсов, стратегия стабилизации одна и та же. Если госпредприятия неэффективны, то лучший способ повысить их эффективность и таким образом обеспечить экономический рост — это профессионально проведённая приватизация. Здесь избыток природных ресурсов не при чём.

Но, конечно, если у страны много нефти и газа, то, с одной стороны, это даёт большие возможности, а с другой — таит опасность. И тогда надо решать, какой вид реформ применить к этой огромной отрасли. Когда имеется много ресурсов и идёт большой экспорт нефти, возникает зависимость от цен на неё на мировом рынке. В страну поступает много иностранной валюты, это искусственно укрепляет курс национальной валюты, что вредит другим отраслям экономики.

И здесь нужна мудрая макроэкономическая политика.

В таких случаях следует создавать финансовые резервы — именно так поступила богатая природными ресурсами Норвегия. Тогда можно стабильно и надёжно планировать бюджет.

— К сожалению, похоже, что в своей экономической политике, касающейся выхода на мировые рынки, Россия слишком увлечена получением доходов от эксплуатации природных ресурсов, а не организацией производства высококачественных товаров и услуг. Между тем другие страны Восточной Европы связывают перспективы своего развития с тем, чтобы работать над производством товаров, создавать предприятия, привлекать иностранные инвестиции для создания на своей территории филиалов иностранных фирм. Россия не видит в этом насущной выгоды — ведь можно делать деньги, просто вывозя ресурсы. Такая лень и неповоротливость в сочетании с особыми интересами новорусской «могучей кучки» делают из России сырьевой придаток передовой мировой экономики. В результате страна расценивает себя не как высокоэффективный хозяйствующий субъект с высоким уровнем производства и производственных отношений, но как территорию с недрами. А следовательно, и не как гражданское общество, складывающееся в условиях высокоразвитых производственных отношений, но как толпу людей, живущих не по законам, а по понятиям, не по демократической а по упрощённо-либеральной модели. Мол, не в праве сила, а у силы право.

— Но ведь есть и другие примеры стран с богатыми природными ресурсами — хотя бы США или та же Норвегия. Они же не становятся вторым Кувейтом (Который распределяет доходы от продажи нефти между гражданами страны. — П.Я.). Мне кажется, что лучший путь — это употребить доходы от своих ресурсов, скажем, на развитие инфраструктуры, на создание физических предпосылок для развития других отраслей и секторов экономики. Природные ресурсы могут быть и шансом, и опасностью. Просто экономическая политика должна быть рациональной, и тогда природные ресурсы будут служить источником финансирования инфраструктуры для развития экономики.

— И тут серьёзная роль отводится государству?

— В том смысле, чтобы налоговая политика в стране была стабильной и последовательной, чтобы были созданы финансовые резервы, используемые для

стабилизации, для финансирования инфраструктуры, но не текущих издержек. Когда развивается инфра-структура, появляются предпосылки для развития не сырьевых отраслей.

— *У нас же значительная часть дохода от ресурсов идёт в личные «финансовые резервы» олигархов. Говорят, что фантастически разбогатевшие на сырье российские олигархи не заработали деньги усердным трудом, но оказались в нужный момент в нужном месте, когда власть раздавала скважины.*

— Да...

— *А ведь природные-то ресурсы, как принято считать, — общенародные, из общей земли. И оказалось, что кучка людей имеет с этого личные миллиарды долларов, тогда как масса народа, живущего на богатой родной земле, бедствует. Ничего поговаривают, что надо серьёзно делиться с обществом. Что вы думаете об этом, как строитель капитализма?*

— Повторяю, я не эксперт по России... Вообще, то что типично для вашей страны, в Польше не имеет места. У нас нет нефти, газа, поэтому нет и людей с такой крупной концентрацией капитала. Есть предприниматели, которые считаются по польским меркам крупными, но и их слишком мало. И они стали такими, работая в других отраслях экономики, не в сырьевых, конечно. У нас понимают, что их успех — следствие хорошей, умной работы. Поэтому у нас и нет таких дебатов в обществе по поводу крупных предпринимателей, как в России. Но всё же о ситуации в России я не берусь судить.

— *Но как наблюдатель, высокопрофессиональный наблюдатель?*

— Ну, если не вдаваться в подробности... Мне кажется, что в России имеются, с одной стороны, экономические проблемы, а с другой — социально-политические. И с точки зрения общества очень важно, чтобы эти природные ресурсы были максимально эффективно использованы. Однако при этом надо посмотреть, насколько эффективно они использовались в условиях госсобственности? Как я знаю, не очень эффективно. Госсобственность — далеко не лучший способ использования природных ресурсов в интересах общества. Она себя не оправдала. Эффективная частная собственность исправно

платит хорошо продуманные налоги и таким образом работает в интересах общества, его граждан. Например, в США, при всем богатстве природных ресурсов, никогда не было госсобственности на них, а были предприниматели, которые путём налогов делились с обществом. И сегодня там сложилась мощная экономика.

Но я, конечно, понимаю эмоции по этому поводу в России. Тут не обойтись без эмоций.

— *Как финансист номер один в Польше, скажите: как строятся отношения польского банковского сектора с промышленностью? Есть ли у него какие-то приоритеты?*

— У нас нормы банковского надзора обеспечивают стабильность системы, а не то, чтобы какая-то отрасль получала больше кредитов, чем другая. Отраслевых приоритетов нет. В то же время есть определённая правительственная политика и есть льготные ставки. Прежде всего это касается сельского хозяйства. И тогда из бюджета банки получают разницу.

Надо сказать, что у нас, в отличие от России, нет банков, которыми владеют не финансовые структуры, а финансово-промышленные конгломераты. Были подобные опыты, однако рано или поздно наступал конфликт интересов, так как промышленное предприятие не в состоянии вести банки профессионально, при этом ещё и будучи клиентом собственных банков. Кроме того, в отличие от Германии, наши банки не владеют крупными промышленными предприятиями. Поэтому у нас банки и клиенты существуют отдельно.

Более 70% польских банков частные, и у большинства из них есть зарубежные инвесторы. Это помогает профессионализации нашей банковской системы. Они и по закону, и фактически абсолютно независимы от государства, поэтому не выделяют кредитов под давлением государства. Ведь, как показывает жизнь, под давлением государства обычно даются плохие кредиты.

Конечно, не все фирмы довольны нашими банками, но ведь и не все должны непременно получить кредит. Однако мы должны решить ситуацию с лучшим доступом малых предприятий к кредитам. Сделать это путём государственной целевой интервенции невозможно. Это должно произойти в результате развития банковской системы и стать хорошим банковским бизнесом.

— *Благодарю вас за весьма поучительные ответы и рассуждения.*

Беседу вел Павел Яблонский

Ежи Помяновский

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА

Россия становится на ноги. В 2002 г., несмотря на то, что сельскохозяйственные земли только-только сделались предметом легального оборота, урожай зерна составил 85 млн. тонн. 148 миллионам жителей Российской Федерации голод не грозит: излишек зерна составляет 20 млн. тонн. Таким образом, надежды, что Россия всё купит, пригреет нас и спасет своим спросом, иллюзорны. Власти в Кремле чувствуют себя все уверенней, и россияне могут вскоре поразить не отсутствием порядка, а его традиционный избыток. Средняя месячная зарплата достигла уровня 150 долларов. Доля *зарегистрированных* безработных — 1,7%. Прирост ВВП, правда, ниже, чем год назад, но по-прежнему достигает 5%.

Все это выглядело бы неплохо, если бы не одна мелочь: стоимость всего валового внутреннего продукта составляет в России около 380 млрд. долларов в год, т.е. 15% ВВП Соединенных Штатов. Это лишь чуть-чуть больше, чем в Голландии, где ВВП равен 313 миллиардам. Но на душу населения в Голландии приходится 20,5 тыс. долл. в год, в то время как на российского гражданина (как подсчитал Всемирный банк) — 1750 долл., т.е. в 11 раз меньше.

От уменьшения этого разрыва зависит много больше, чем это было в советские времена. Российские граждане уже знают, что сравняться с достижениями Запада можно лишь в сотрудничестве с его системой сообщающихся сосудов. Это уже не утопия: зеленый свет зажжен России повсюду. Однако этот процесс натывается на препятствия, воздвигнутые отнюдь не врагами на Западе.

Развитие России тормозится ее зависимостью от сырья. Не чужого, а своего. Среди многих других факторов, преграждающих России путь к успешно работающей экономике, к рационализации политики, к сосуществованию с соседями без возбуждения у них вражды и тревоги, мы выбираем этот — на первый взгляд, парадоксально. Мы выбираем его еще и потому, что зависимость бюджета от экспорта сырья дает опору тем политическим силам, которые тянут Россию вспять, на старые советские рельсы.

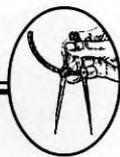
В СССР подобным препятствием было изобилие почти даровой рабочей силы, по сути дела рабской. Тратить средства и время на сложные машины, закупку лицензий, обучение изобретателей и исследователей за буржуазной границей, открывать ворота обмену идеями, рецептами, формулами, книгами — все это выглядело растратой, когда Ягода, Ежов, Абакумов, Берия могли в один миг арестовать и доставить миллионы голых, но послушных и бесплатных рук на строительство каналов, дорог, металлургических комбинатов, шахт. Более того, целых секретных городов, где эки-ученые в изоляции и полной тайне копировали украденные агентами ГРУ патенты и пытались «перегнуть» мир, которого они близко не знали. Результатом было отставание даже в привилегированной области вооружений.

Швейцарцы уверяют, что часы стали национальным товаром их страны вынужденно. «У нас нет рудников, в особенности металлических руд, — говорят они, — значит, надо было придумать такой товар, на который идет сто граммов металла и несколько тонн усердного труда!»

Часы в России, как известно, ценятся высоко, но ставку там продолжают делать на прибыль от сырья. Сырьевой экспорт — источник непропорционально большой доли государственных доходов. Америку, вопреки установившемуся мнению, обогащает не экспорт, а невероятная емкость внутреннего рынка.

По данным бюллетеней Банка России и министерства развития экономики РФ, в первом полугодии 2002 г. в экспорте России (за границы бывшего СССР) 58,5% составляли минеральные продукты — преимущественно нефть, газ, мазут и т.п. Прибавим к этому древесную массу и лесоматериалы (6,5%), а также металлы, т.е. главным образом железную руду и чугун (16,3%). Механизмы и машины, включая автомобили, двигатели и комбайны, — всего 7,5%.

Почти все, что в обмен ввозит Россия, можно было бы производить в этой стране, располагающей множеством неплохо образованных людей, всеми элементами таблицы Менделеева, зелеными пастбищами и плодородными землями. Между тем на полках магазинов по-прежнему преобладают импортные изделия. Пишущий эти строки еще недавно — на родине осетра!

— покупал обычную селедку в шведской банке. Улучшение — и это еще один парадокс — наступило в 1998 г., после падения рубля, когда отечественная продукция оказалась выгоднее импортной. Но по улицам городов рядом с десятиметровыми «кадиллаками» новых русских по-прежнему громяхают старые «москвичи» и «волги». Фабрики с многотысячным личным составом, плоды труда трех поколений добровольцев, эзков и вольняшек, были советскими храмами тяжелой промышленности. Теперь они стали ее музеями-заповедниками. 70% из них работали на «оборонку». Сегодня они точно так же, как и вся остальная промышленность, нуждаются в фундаментальном обновлении, смене машин и сокращении штатов.

Изменить этот профиль и его материальную базу могут лишь огромные капиталовложения. В основополагающей отрасли — энергетике, — от которой зависит как ход заводских станков, так и свет и тепло в жилых домах, больницах или казармах, России требуется 2,5 млрд. долл. в год лишь на то, чтобы поддерживать статус-кво. Анатолий Чубайс, создатель энергетической монополии «ЕЭС России», требует по крайней мере 50 миллиардов, чтобы на протяжении ближайших 10 лет избежать катастрофы холдинга, ибо оборудование электростанций изношено на 60%, а 159 тыс. километров линий высокого напряжения требуют ежедневного ремонта.

Таких капиталов в России нет. Даже если бы частные инвесторы располагали такими суммами, они все равно испытывают известную неуверенность после неприятностей, устроенных Путиным некоторым «олигархам». Значит, необходимы зарубежные капиталовложения. Так называемая инвестиционная привлекательность России возросла: в рейтинге известного агентства «Кирни» Россия перепрыгнула с 32-го места на 17-е. Но в первом полугодии 2002 г. прямые капиталовложения из-за границы принесли России только 1,872 млн. долл. — на четверть меньше, чем за год до этого. Почти половина — 887 миллионов — пришлось на промышленность, а 621 млн. — на торговлю продовольственными продуктами. Что интересно, в интернетном коммюнике министерства экономики (возглавляемого отличным экономистом Германом Грефом), откуда взяты эти цифры, не найдешь ни копейки иностранного участия в сфере добычи и транспортировки газа, т.е. в царстве «Газпрома».

Для России Путина, Чубайса, Грефа, Илларионова приток иностранного капитала — жизненно важный вопрос. Препятствия на его пути они наверняка постараются ликвидировать. Думу удастся убедить, что есть смысл наконец проголосовать за гарантии на иностранные капиталы, законные патенты, патенты и лицензии. Труднее будет протолкнуть этот план через трубы «Газпрома».

Этот колоссальный концерт считается главным столпом российской экономики и чувствует себя уполномоченным стоять у ее руля. Направление, в котором повернут этот руль, даже доброжелательному взгляду кажется противоречащим целям экономической политики команды Путина. Первая из этих целей — модернизация, вторая — централизация решений, третья (возможно, самая важная) — направленность этих решений на преобразование расточительной экстенсивной экономики в интенсивную, рассчитанную на улучшение продукции и повышение емкости внутреннего рынка, т.е. на удовлетворение потребностей собственных граждан без необходимости наносить ущерб иностранцам.

Но «Газпром» занимается главным образом эксплуатацией сырья. Он, естественно, заинтересован в том, чтобы сохранялись его традиционные клиенты — динозавры из юрского парка государственной промышленности. Будучи их спонсором, он получает от этого не только финансовую выгоду.

«Газпром» мог бы заняться финансированием самых необходимых реформ, но этому препятствует конфликт между реформаторами и посткоммунистическим политическим классом. «Газпром» — за несвободный рынок, за рынок принудительный.

Две вышеназванные концепции функционируют в России не только в области политики реформ. Влияют они и на внешнюю политику. В интересах Польши — недвусмысленно стать на сторону российских реформаторов. Укрепление России изнутри исключает возможность возвращения имперских амбиций. Мы с удовлетворением видим, как экономические нужды влияют на поворот новой России к сотрудничеству с Западом. Это магнит сильнее общей борьбы с терроризмом.

Но мы должны также намекнуть нашим российским партнерам на противоречия между официальной политикой реформ и политикой «Газпрома». «Газпром» многое сделал, чтобы поставить страны бывшего социалистического лагеря, в том числе и Польшу, в исключительную зависимость от

поставок российского топлива. Эта политика анахронична, поскольку ее цель — гегемония, а средство — экспансия, что противоречит самому принципу действия таких организаций, как Евросоюз, и основам любого демократического сообщества государств. Она не только пробуждает в Польше антирусских бесов, но и может обернуться против экономики самой России, ставя ее в позицию эмира, сидящего на нефти и золоте, но зажигалки покупающего за границей.

Польский импорт из России в 2001 г. на 87,53% состоял из нефти, газа и их производных. Мы уже практически полностью зависим от российского газа — стратегического сырья. Диверсификацию поставок так и не произвели.

Такая зависимость — вещь нездоровая. Она уже разделила не одну супружескую чету и не допускает равноправного соседства. Однако оставим в стороне сантименты.

Не нужно сваливать вину за все польские неприятности на русских и демонизировать «Газпром». Он делает только то, чему научился в советской школе. Без нашей помощи он бы с нами не справился. И не «красные» решили обеспечивать нас сибирским газом, который нам был и остается нужен. Неравноправный газовый договор подписывал правый вице-премьер Горышевский, а позднее подтвердил своей подписью Польш, нынешний левый вице-премьер. Вину несут все польские партии и правительства последнего десятилетия.

Прежде всего — за отсутствие последовательной восточной политики и даже ощущения, что она нужна.

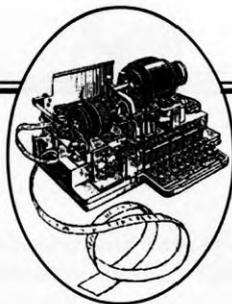
Во-вторых — за то, что ввиду отсутствия какой бы то ни было концепции был принят тезис о приоритете экономики над политикой, что означало выставление на торги даже основополагающих национальных интересов и государственной стратегии. Полбеда еще, если бы это была экономика эффективная и прибыльная.

В-третьих — за то, что практически была отвергнута концепция Гедройца, единственная комплексная программа польской внешней политики, которую можно было применить в совершенно новой геополитической ситуации, когда Польша внезапно перестала быть зернышком между двух жерновов. Надо было закрепить такое положение дел. Программа сводилась к простой заповеди: поддерживать как можно более хорошие отношения с Россией — лишь бы не в ущерб общим соседям, особенно Украине. Пожалуй, только Александр Квасневский понял ее значение и сделал из нее выводы. Эта программа восточной политики не только крепко стоит на ногах, но и заглядывает далеко в будущее. Зато она требует выполнения одного простого условия: никакого возврата Польши к роли вассала.

Если судить по вышеупомянутым иллюзиям, ошибкам и предубеждениям, то можно прийти к выводу, что непредсказуема не Россия, а скорее Польша. У России есть только два пути: или путь отмены реформ и возврата к экспансии (осуществляемой если не силой оружия, то мощью газа), одним словом, путь конфронтации с Западом; или путь экономических преобразований, свободного обмена благами, идеями, мыслями, путь сотрудничества с соседями и равноправного участия в структурах, которые уже обеспечили Западу его благосостояние. Похоже, что этот путь она и выбрала, хотя немало россиян предпочли бы первый.

Ничего хорошего не желает ни России, ни Польше тот, кто соблазняет их вернуться на истертые старые пути. Русский писатель Виктор Ерофеев сказал об этом так: «Нет, русские не выбрали — скорее они лишились возможности выбора. Иного пути, нежели тот, которым идет Запад, для них просто нет. Кроме пути, ведущего в пропасть».

Newsweek

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

☞ В результате сбора денег, организованного «Газетой выборчей» и «Польской гуманитарной акцией», на счет Наташи Куновой, мать которой погибла от отравления газом в Театральном центре на Дубровке, к настоящему времени перечислено 15,7 тыс. злотых. «Мы хотим отложить эти деньги на учебу Наташи. Пока я и моя жена Ариадна еще хоть как-то держимся, мы постараемся дать внучке все необходимое. Но когда нас не станет, кто ей поможет? Я не знаю, что сказать вашим читателям. Единственное, что приходит в голову: спасибо», — говорит Анатолий Ковришкин, дедушка Наташи. (*«Газета выборча», 19 ноября*)

☞ Конгресс поляков России призвал президента Владимира Путина реабилитировать поляков, граждан Российской Федерации, как представителей «одного из репрессированных народов», павших жертвой этнических чисток. По мнению участников Конгресса, прошедшего 30 ноября в Москве, «польская» операция НКВД, начавшаяся в августе 1937 г., была первой волной репрессий против национальных меньшинств. Во время этнических чисток, продолжавшихся вплоть до октября 1938 г., в разных регионах России было уничтожено от 30 до 90% проживавших там граждан польской национальности. В настоящее время, по данным переписи населения 1989 г., на территории России живут свыше 100 тыс. человек, заявляющих о своем польском происхождении. (*«Жечпосполита», 2 декабря*)

☞ После 27 лет ожидания вышла в свет антология стихов 28 польских поэтов, составленная и переведенная Натальей Астафьевой. Книга напечатана петербургским издательством «Алетейя» при финансовой поддержке Польского фонда литературы (Институт Адама Мицкевича). «Нечасто случается, чтобы переводчица была достойна не меньшего внимания, чем сами героини антологии. Наталья Астафьева родилась в Варшаве в семье Чешейко-Сохацких (...) После трагической смерти отца на Лубянке и ареста матери она разделила судьбу детей «врагов народа» (...) Спасли ее стихи (...) Мать и брат репатрировались в Польшу, а Наталья осталась в Москве». (*Анна Жебровская, «Газета выборча», 6 декабря*)

☞ «Мы переходим к регулярному прямому сотрудничеству с производителем МИГов», — сообщил замминистра обороны Польши Януш Земке после подписания польско-российского соглашения о техническом сотрудничестве. Земке утверждает, что россияне полностью изменили линию поведения и на переговорах руководствовались исключительно прагматическими соображениями. «А ведь последние полтора десятка лет нам было по-настоящему трудно уговорить Москву принять предложения, связанные с нормализацией технического сотрудничества», — сказал замминистра. (*«Жечпосполита», 27 ноября*)

☞ Польша не введет запрет на выдачу виз президенту Белоруссии Александру Лукашенко и его ближайшим сотрудникам. По мнению министра иностранных дел Влодзимежа Цимошевича, будучи соседом Белоруссии, Польша должна поддерживать с ней рабочие отношения. «Если белорусская корова перейдет польскую границу, надо же об этом с кем-то говорить! Говорить надо и о расширении существующих погранзастав, и о строительстве новых, и о польских школах в Белоруссии (...) Уверю вас, никто не собирается приглашать президента Лукашенко в Польшу — он был бы здесь нежеланным гостем. То, что происходит в Белоруссии, ужасно. Однако политика изолирования Белоруссии оказалась неэффективной», — сказал Цимошевич, добавив, что Польша хочет поддерживать экономическое сотрудничество с Белоруссией, поскольку без него белорусы «будут полностью замкнуты в своей стране». (*«Жечпосполита», 19 ноября*)

☞ Президент Александр Квасневский: «Польша разделяет мнение Европейского союза о президенте Белоруссии, однако для нас это проблема чисто теоретическая. Президент Лукашенко не был в Польше уже много-много лет, и мы не планируем никаких встреч с ним. Наша оценка его действий широко известна и однозначна». (*«Жечпосполита», 21 ноября*)

☞ МИД Белоруссии назвал «разумной» позицию Польши, не присоединившейся к решению 14 государств Евросоюза и США запретить въезд на их территорию Александру Лукашенко и высокопоставленным белорусским чиновникам. «МИД Белоруссии позитивно

оценивает позицию Польши», — заявил пресс-секретарь министерства Павел Латушко. (*«Газета wyborcza», 29 ноября*)

☛ **Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич:** «Я стараюсь по мере возможности помогать всем меньшинствам в Польше, в т.ч. и белорусскому. Однако мне хотелось бы услышать, что белорусское меньшинство в Польше защищает права польского меньшинства в Белоруссии. Это снизило бы уровень напряженности и розни, позволило бы избегать конфликтов». (*«Пшеглёнд православный», ноябрь*)

☛ Президент Литвы Валдас Адамкус вручил президенту Польши Александру Квасневскому золотой знак отличия за особый вклад в поддержание стремления Литвы в НАТО. Оба президента вручили премии им. Ежи Гедройца, присуждаемые Польско-литовским фондом им. Адама Мицкевича за укрепление польско-литовского сотрудничества. Премии получили: литовский поэт Юстинас Марцинкявичюс, Польско-литовская торговая палата восточных рынков, директор литовской службы Польского радио Ниёле Друто и коллектив польского вещания «Радио с берегов Вилейки». (*«Жечпосполита» и «Газета wyborcza», 25 ноября*)

☛ **Министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич** о совещании НАТО в Праге, на котором было решено принять в Северо-Атлантический союз еще семь государств, в т.ч. Литву, Латвию и Эстонию: «Независимо от того, банально это прозвучит или нет, встреча стала историческим событием в двух аспектах: расширения [НАТО] и преодоления последствий драматически вписанного в нашу историю пакта Риббентропа — Молотова. Теперь в НАТО вошли государства Прибалтики». (*«Жечпосполита», 23-24 ноября*)

☛ На конференцию «Европейские устремления Украины», организованную под покровительством маршала Сейма Марека Боровского, были приглашены представители всех основных фракций украинской Верховной рады. На конференции было принято решение о сотрудничестве парламентских комиссий по делам европейской интеграции обеих стран. По словам председателя комиссии по делам европейской интеграции Верховной рады Украины Бориса Тарасюка, «Варшава последовательно выражает и защищает интересы Украины». Лидер же крупнейшей фракции украинского парламента Виктор Ющенко сказал: «Что бы ни случилось на Украине, поляки поймут ее, и я благодарен им за это». По данным, представленным Ющенко, 76% украинцев поддерживают сотрудничество со стра-

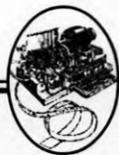
нами — кандидатами в Евросоюз, а для 51% отношения с Польшей являются приоритетными. (*«Газета wyborcza», 25 ноября*)

☛ Украинка, вышедшая замуж за поляка и живущая в Варшаве, не получит разрешения на постоянное место жительства в Польше, пока документально не подтвердит, что на протяжении последних трех лет она непрерывно пребывала на территории Польши. Согласно закону об иностранцах, чтобы получить разрешение на постоянное место жительства в Польше, необходимы: устойчивые родственные или экономические связи с Польшей; обеспеченность жильем и средствами существования; непрерывное пребывание на территории Польши на протяжении по меньшей мере 5 лет непосредственно перед подачей заявления, если основанием для проживания является виза или карта временного проживания, и на протяжении 3 лет, если основанием является разрешение на проживание в течение указанного срока в связи с воссоединением семьи. (*«Жечпосполита», 18 ноября*)

☛ «В Польше нет серьезных нарушений прав человека», — заявил в Варшаве комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблес. Однако в числе вопросов, требующих урегулирования, он назвал, в частности, необходимость улучшения положения цыган, испытывающих нужду и не получающих надлежащего образования. (*«Газета wyborcza», 21 ноября*)

☛ Польский совет христиан и евреев в десятый раз присудил почетное звание «Человека примирения». В этом году его удостоился Ян Новак-Езёранский. Еще во время II Мировой войны, будучи курьером Армии Крайовой, он передавал на Запад информацию о судьбе евреев в оккупированной немцами Польше. Позднее на волнах радио «Свободная Европа» он клеймил антисемитскую кампанию, развернутую польскими коммунистическими властями. Он был также заметной фигурой в Совете сотрудничества Полонии и евреев. Наконец, в дискуссии на тему совершенного руками поляков преступления против евреев в Едвабне он призывал совершить символический акт покаяния. По мнению Новака-Езёранского, «ничто не может принести Польше большего вреда, чем антисемитизм». (*«Жечпосполита», 6 декабря; «Газета wyborcza», 7-8 декабря*)

☛ «В лагере национал-радикалов бывшие коммунистические аппаратчики объединяются с бывшими оппозиционерами и ультра-католиками. В недалеком будущем эта пока что неформальная коалиция, близкая к «Лиге польских семей», «Радио Мария» и антисемитским

кругам, может переродиться в настоящую фашистскую партию (...) По данным ЦИОМа, каждый пятый поляк считает, что евреи влияют на СМИ. Каждый третий убежден, что они оказывают огромное негативное влияние на польскую политику и экономику (...) Теоретически польское законодательство запрещает деятельность фашистских и расистских партий, однако в нем нет положений, дающих возможность объявить их вне закона». (*Кишиштоф Лозинский, «Впрост», 24 ноября*)

☛ «Особенно подозрительно и таинственно выглядят деловые контакты о. Рыдзика [директора «Радио Мария»] с властями Российской Федерации (...) На основании концессии, предоставленной российским министерством связи, и договора с принадлежащей ему компанией РТРС, используемые о. Рыдзиком передатчики находятся, в частности, в Краснодаре [и Самаре]. Как установила «Газета выборча», договор с россиянами торунская радиостанция подписала в 1997 г., т.е. за два года до вступления Польши в НАТО (против которого «Радио Мария» решительно выступало). Его копия находится во Всепольском совете по делам телевидения и радиовещания, однако о. Рыдзик, прикрываясь коммерческой тайной, не предоставил совету приложенного к договору дополнительного соглашения (...) Вдобавок никто, даже орден редемптористов [к которому принадлежит о. Рыдзик], не знает, каким образом производятся расчеты и на какую сумму заключен договор. Невозможно даже установить, кто кому платит». (*Миколай Лизут, «Газета выборча», 26 ноября*)

☛ Из письма Тадеуша Мазовецкого, бывшего премьер-министра Польши, а в 1992-1995 гг. специального посланника Комиссии ООН по правам человека в бывшей Югославии, генеральному секретарю ООН Кофи Аннани: «Господин генеральный секретарь! Прошу Вас срочно обратиться к правительству Китайской Народной Республики в связи с вынесением смертного приговора двум буддийским монахам из Тибета — Тулку Тенцин Делеку и Лобсану Дондубу, — которые вели мирную борьбу за свободу вероисповедания и независимость Тибета. Этот приговор нарушает основополагающие права человека и представляет собой очередную попытку запугать население Тибета. Спасение этих людей — обязанность международного сообщества, представителем которого Вы являетесь». (*«Газета выборча», 6-7 декабря*)

☛ Андре Глюксман в статье, написанной специально для польских читателей: «Если лидеры государств, обогранных кровью жертв,

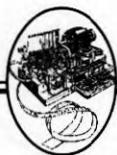
встречают с распростертыми объятьями, хотя они отнюдь не отрекаются от совершенных преступлений (в Тибете или Чечне), то как можно надеяться, что разумный молодой человек будет относиться с уважением к этическим нормам, якобы определяющим поведение?» (*«Жечпосполита», 6-7 декабря*)

☛ Верховный комиссариат ООН по делам беженцев с глубоким удовлетворением воспринял недавнее решение польского правительства разрешить въезд в Польшу 150 чеченским беженцам. Ранее верховный комиссар по делам беженцев вызвал тревогу в связи с лишением чеченцев возможности въехать в Польшу и призвал прекратить практику «систематических отказов» чеченцам, которую он расценил как нарушение Женевской конвенции. (*«Газета выборча», 20 ноября*)

☛ В связи с нотой, врученной послу Польши в Москве, польский МИД заявил, что нет никаких оснований подозревать, будто чеченские информационные центры ведут в Польше деятельность, запрещенную польским законодательством. На территории Польши нет также ни одного представительства Чеченской Республики Ичкерия. Если у российской стороны имеются доказательства того, что деятельность чеченских центров в Польше может способствовать терроризму, МИД просит представить их. В ответ на требование запретить чеченцам въезд в Польшу МИД сообщил, что при въезде граждане России чеченской национальности предъявляли действительные документы, выданные Российской Федерацией, Польша же «никогда не руководствовалась национальным критерием и не ставила в зависимость от него разрешение на въезд». (*«Газета выборча» и «Жечпосполита», 13 ноября*)

☛ Чернокожий гражданин Замбии и Польши Клион Муньяма, живущий в Карчеве, маленькой деревушке близ Гродзиска-Велькопольского, избран депутатом гродзисского повета. Он получил большинство голосов, баллотировавшись от местного избирательного комитета, объединяющего активистов «Избирательного движения «Солидарность»» и «Унии свободы». Муньяма — преподаватель Познанской экономической академии. Его жена Эльжбета — учительница биологии и информатики в гимназии. У них трое детей. В Замбии родители Муньямы выращивали кукурузу, хлопок, земляные орехи, а также бананы и апельсины. (*«Газета выборча», 21 ноября*)

☛ «Прямые выборы президентов [городов, т.е. мэров], бургомистров и войтов завершились сокрушительным поражением левых. «Союз демократических левых сил» проиграл даже в сво-

их традиционных бастионах (...) Теоретически это хорошая исходная точка для создания правой партии, которая стала бы противовесом СДЛС (...) Особенно важен успех Леха Качинского в Варшаве, благодаря которому он может стать лидером всех правых сил и кандидатом в президенты. Однако все это зависит прежде всего от качества новых органов местного самоуправления. А их положение будет весьма трудным в связи с блокированием реформы органов местного самоуправления и продолжающейся централизацией государства, к которой стремится правящая коалиция [СДЛС и «Унии труда» с крестьянской партией ПСЛ]. (Бронислав Вильдштейн, «Жечпосполита», 12 ноября)

Избранный на второй срок президент (мэр) Ченстоховы Тадеуш Врона: «Будут ли левые городские советы Лодзи, Келец, Быдгоща, Вроцлава, Инновроцлава, Щецина или Валбжиха сотрудничать с правыми президентами? Как левые президенты Кракова, Жешува, Торуня и Нового-Сонча будут справляться с перевесом правых в городских советах? После прямых выборов войтов, бургомистров и президентов некоторым городам может грозить паралич органов самоуправления (...) Установлена конкретная сфера полномочий совета: бюджет, генеральный план застройки, определение направлений развития города, кредиты (...) исполнительная же власть сосредоточена в руках президента. Даже если рамки, навязанные советом, не совсем такие, как тебе хочется, все равно можно многое сделать». («Жечпосполита», 12 ноября)

«Истинными победителями выборов в воеводские сеймы стали «Самооборона» и «Лига польских семей» — две радикальные партии, одна из которых прямо ставит под сомнение принципы правового демократического государства, вторая же высказывается против вступления Польши в Евросоюз (...) На этот раз цена сохранения власти [крупными политическими партиями] может быть исключительно высокой: им придется легитимизировать [путем вхождения в коалиции] радикализм, демагогию, невежество и дальнейшее снижение политических стандартов, хотя всем уже казалось, что ниже быть не может». (Янина Пародовская, «Политика», 16 ноября)

Проф. Веслав Хшановский, бывший министр юстиции (1991) и маршал Сейма (1991-1993): «Надо сказать, что происходит нечто странное. С одной стороны, Сейм при поддержке депутатов СДЛС лишает Анджея Леппера иммунитета —

в частности, за то, что он назвал министра Владзимежа Цимошевича вором. Но проходят три квартала, а обвинительного заключения (...) все нет и нет! И что же? Министр юстиции и генеральный прокурор Гжегож Курчук, лидер люблинского СДЛС, первым заключает коалицию с этим самым Леппером — без пяти минут подсудимым». («Газета выборча», 20 ноября)

«Тадеуш Мазовецкий вышел из «Унии свободы». Независимо от истинных причин этого решения, характерно одно: только после столь радикального шага одного из основателей и первого председателя партии, ее власти решились принять постановление, запрещающее представителям «Унии» в органах местного самоуправления входить в коалиции с «Лигой польских семей» и «Самообороной». В польской общественной жизни «Уния свободы» считалась символом политики высокого класса. Минувшие выборы показали, что все более низкий уровень общественной жизни в Третьей Речи Посполитой оказывает влияние на всех без исключения». (Яцек Имбрамовский, «Тыгодник повшехний», 24 ноября)

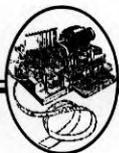
Тадеуш Мазовецкий: «Настоящая опасность появилась тогда, когда крайние группировки — «Самооборона» и «Лига польских семей» — стали приобретать ощутимую поддержку общества. Сегодня можно говорить о деградации польской демократии». («Тыгодник повшехний», 8 декабря)

Депутат от «Самообороны» Данута Хоярская приговорена к полутора годам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком за незаконное присвоение сельскохозяйственных машин. Хоярская должна вернуть банку 48 тыс. злотых (стоимость присвоенных машин). («Газета выборча», 20 ноября)

По данным опроса ЦИМО, 80% поляков считают, что поведению депутатов, оккупировавших трибуну и сорвавших заседание Сейма (Габриэль Яновский из «Лиги польских семей» и Анджей Леппер с группой депутатов «Самообороны»), не может быть оправдания. 51% поляков считают это «анархией, угрожающей общественной жизни». («Газета выборча», 6 декабря)

В годовщину восстановления независимости (11 ноября 1918 г.) епископ Войцех Земба, митрополит Белостокский, молился о мудрости правителей и добропорядочности граждан. («Жечпосполита», 12 ноября)

Лидеры семи политических партий подписали в Варшаве пакт в поддержку европейской интеграции и декларацию в связи со вступлением Польши в Евросоюз. Обязательство сотру-

начать в деле объединения Европы взяли на себя «Союз демократических левых сил», «Уния труда», «Гражданская платформа», «Уния свободы», «Общественное движение», Народно-демократическая партия и «Движение новой Польши». К пакту не присоединились крестьянская партия ПСЛ, «Право и справедливость», «Лига польских семей» и «Самооборона». (*«Газета wyborcza»*, 26 ноября)

☞ Согласно опросу ЦИМО, 61% поляков высказываются за вступление Польши в Евросоюз. Против — 22% опрошенных. Из тех, кто намерен участвовать в референдуме, за вступление в Евросоюз хотят проголосовать 73%. (*«Тыгодник повшехний»*, 1 декабря)

☞ Министры иностранных дел стран Евросоюза постановили в Брюсселе, что вместе с девятью другими кандидатами Польша станет членом ЕС 1 мая 2004 г., а затем примет участие в июньских выборах в Европарламент. (*«Тыгодник повшехний»*, 1 декабря)

☞ Премьер-министр Лешек Миллер после завершения варшавской встречи девяти глав правительств стран-кандидатов в ЕС: «Мы единыдушны в том, что, если нашим странам урежут сельскохозяйственные субсидии, то мы должны платить меньше взносы в бюджет Евросоюза». Саму встречу Миллер назвал беспрецедентной. (*«Жечпосполита»*, 16-17 ноября)

☞ Цены некоторых продовольственных продуктов в 1958 и 2002 гг.: кофе (кг) — 270 и 12 зл.; лимоны (кг) — 40 и 4; сало (кг) — 27 и 3; масло (кг) — 70 и 9; яйца (шт.) — 2,10 и 0,30; сахар (кг) — 12 и 2,15; мука (кг) — 6 и 1,50; хлеб (кг) — 3 и 1; колбаса (кг) — 26 и 8; ветчина (кг) — 55 и 19; сыр тильзитский (кг) — 35 и 15; молоко 2,5% жирности (л) — 2,50 и 2 злотых. (*«Впрост»*, 17 ноября)

☞ По данным Главного статистического управления (ГСУ), с 1996 по 2000 г. доля частного сектора в ВВП возросла с 51,6 до 63,2% (доля государственного сектора соответственно уменьшилась с 34,3 до 24,7%); число частных предприятий возросло с 2,36 до 3,28 млн. (число государственных предприятий — с 0,06 до 0,11 млн.); занятость в частном секторе возросла с 4,13 до 5,61 млн. (в государственном секторе уменьшилась с 5,34 до 3,71 млн.). (*«Ньюсуик-Польша»*, 17 ноября)

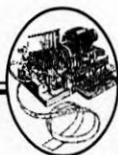
☞ По данным ГСУ и министерства финансов, с 1998 по 2001 г. темп роста ВВП снизился с 4,8% до 1,2%, государственный долг увеличился с 56,4 до 80 млрд. долларов, безработица возросла с 10,4 до 16,8%. (*«Впрост»*, 24 ноября)

☞ Из анализов нью-йоркского фонда «Херитейдж» следует, что по сравнению с прошлым годом вмешательство государства в польскую экономику возросло. Развитие экономики тормозит налоговая политика государства, препятствует ему также существование теневой экономики и черного рынка. В рейтинге Всемирного экономического форума по уровню конкурентоспособности Польша опустилась с 41-го на 51-е место; по уровню коррупции с 45-го на 62-е; по качеству экономического законодательства с 45-го на 54-е место. (*«Жечпосполита»*, 13 ноября)

☞ По данным ГСУ, самое большое падение занятости между сентябрем 2001 и сентябрем 2002 г. было зарегистрировано в следующих отраслях: производство кож и кожаных изделий — на 13,9%; водный транспорт — на 13,2%; производство теле- и радиоприборов — на 11,7%. В то же самое время рост занятости наблюдался в следующих отраслях: производство музыкальных инструментов, точных приборов и часов — 8,7%; информатика — 8,5%; розничная торговля — 5,1%. (*«Политика»*, 30 ноября)

☞ Проф. Казимеж Вудз, социолог из Силезского университета: «Силезию не удалось уберечь от распространения явления, зародившегося в постиндустриальных обществах США и Великобритании и связанного с ликвидацией традиционной промышленности. Возникшее в результате этих перемен сообщество социологи назвали подклассом (underclass). Появление подкласса было не следствием общественных патологий, а эффектом экономических изменений, выбросивших на обочину жизни людей, которые по разным причинам не подходили к новой эпохе. У них не было квалификации, работы, они жили в особых районах городов и были полностью зависимы от социальной помощи. Подкласс создал свою собственную систему ценностей, свою теневую экономику, свою веру, в которой наши заповеди — например, «не кради» — понимаются несколько по-другому». (*«Политика»*, 30 ноября)

☞ «Создать собственную организацию по борьбе за безопасность ольштынских предпринимателей вынудила бездеятельность полиции. Когда местные власти увидели, что эти люди полны решимости, все вдруг начали активно бороться с преступностью. Полиция арестовала банду похитителей, прокуратура составила обвинительный акт, а суд в течение пяти месяцев оперативно провел сложный процесс и вынес приговор (...) Члены «Общества за безопасность» (...) не прекращают своей деятельности. Несмотря на то, что в Ольштыне уже несколько месяцев спокойно, (...) на

место старых бандитов наверняка придут новые. «С ними мы тоже справимся», — заверяет один из предпринимателей». (Петр Пытляковский, «Политика», 16 ноября)

☞ Сейм готовит законодательные изменения, которые должны обуздать практику найма людей для отсидки. («Ньюсуик-Польша», 17 ноября)

☞ «Только в 2000 г. Гражданский процессуальный кодекс изменялся целых тринадцать раз, а в закон о полиции со времени его принятия в 1990 г. двадцать шесть раз вносились дополнения. Законы, к которым были приняты дополнения, так же малоэффективны, как и старые». (Мацей Лучак, «Впрост», 17 ноября)

☞ До сих пор в Страсбурге [в Европейском суде по правам человека] полякам удалось добиться от государства компенсаций на общую сумму почти 80 тыс. евро. Больше всего дел касалось волокиты в судах и прокуратуре, а также необоснованного продления предварительного заключения. («Газета wyborча», 4 декабря)

☞ Конституционный суд пришел к выводу, что закон о налоговой аболиции и имущественных декларациях противоречит конституции. Тем самым суд согласился со всеми возражениями президента Александра Квасневского. Представитель по гражданским правам проф. Анджей Цолль сказал после заседания, что никогда раньше не слышал столь сокрушительной критики закона. «Я озабочен тем, что идея такого закона была подана правительством, а Сейм и Сенат одобрили ее», — заявил Цолль. («Жечпосполита», 21 ноября)

☞ Очередные заключения Высшего административного суда критически оценивают факт отстранения от ключевых должностей высших офицеров Управления охраны государства после прихода к власти правой коалиции. Суд отменил решения министра Збигнева Семёнтковского об освобождении от занимаемых должностей двух высокопоставленных сотрудников УОГ. («Жечпосполита», 27 ноября)

☞ Министр Мацей Гранецкий, глава кабинета Конституционного суда: «К государственным учреждениям у нас все еще относятся как к территории, контролируемой людьми с близкой политической ориентацией. Рабочие места рассматриваются как политические вотчины. Это оказывает пагубное влияние на молодежь, которая могла бы стремиться работать в Гражданской службе». («Жечпосполита», 7-8 декабря)

☞ «Коррупция поразила огромное число польских учреждений и приняла угрожающие размеры», — сигнализирует последний доклад международного института «Открытое общество».

Авторы доклада советуют: 1. Создать независимый орган по борьбе с коррупцией. 2. Отделить друг от друга должности министра юстиции и генерального прокурора. 3. Ограничить назначения по партийному принципу в государственных агентствах и предприятиях. 4. Реформировать бюджет, ограничивая средства, проходящие через целевые агентства и фонды. («Жечпосполита», 26 ноября)

☞ В 2002 г. 11% поляков посвятили часть своего времени добровольному неоплачиваемому труду в неправительственных организациях (во Франции эта цифра составляет 19%, в Германии — 34%, в США — 56%). Число желающих самостоятельно решать, какой неправительственной организации передать 1% своих годовых налогов, возросло с 65% в прошлом году до 71% в нынешнем. Охотнее всего поляки предназначают свои деньги на здравоохранение и реабилитацию (49%), а также на благотворительно-воспитательную деятельность (48%). Передавать деньги на охрану окружающей среды желают лишь 11% поляков. («Газета wyborча», 5 декабря)

☞ По уровню заботы об окружающей среде Польша занимает 87-е место среди 142 стран, оцененных в отчете, который был представлен на Всемирном экономическом форуме 2002 года. Год назад Польша занимала в этом списке 58-е место. Отчет об изучении показателя уравнившегося развития (Environmental Sustainability Index, ESI) был подготовлен в нью-йоркском Колумбийском университете. («Жечпосполита», 21 ноября)

☞ На 10 тыс. нелегальных складов вредных отходов в Польше приходится лишь тысяча действующих легально. Большинство отравляющих веществ (около 5-6 тыс. тонн ежегодно) ввозится из-за границы. На переговорах с Евросоюзом Польша отказалась от переходного периода для подготовки плана по обезвреживанию опасных отходов, ссылаясь на общепольскую программу. В результате Брюссель убежден, что в Польше существует сеть предприятий по переработке вредных отходов, что весьма далеко от истины. («Впрост», 1 декабря)

☞ Министр иностранных дел Польши Владзимеж Цимошевич: «Я много езжу и хожу по [Беловежской] пуще, и у меня все время полно работы, так как мне приходится убирать мусор, оставленный туристами. На краю пуши люди выбрасывают целые прицепы мусора. Возле домика, в котором я провожу уик-энды, стоят мусорные контейнеры. К весне около десяти из них полны — столько места занимает мусор, собранный мною в этой части пуши». («Пшегленд православный», ноябрь)

Ханна Краль

Перевод
Ксени Старосельской

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

Пан офицер в сигаретном дыму
Мне по-отечески строго пенял:
Есть, мол, о Польше подумать кому
И без меня, без меня, без меня...

Ян Петшиак, песня

Виктор Кулерский, 1901-02 гг.

ДЕД

Виктор Кулерский (1865 — 1935). Род. в Груте под Грудзёндзом, сын немки и онемеченного поляка. Исключен из школы за организацию торжеств в честь 200-летия победы под Веной¹. На деньги жены приобрел в Сопоте приносящий немалый доход пансионат для польских курортников. В 1894 году основал «Грудзёндзскую газету», предназначенную для крестьян, борющихся за «польскость» школы, церкви и общественной жизни в прусской части Польши². Добился тиража в 130 тысяч экземпляров — это был самый высокий тираж польской прессы во всех трех частях бывшей Речи Посполитой. Организовал ряд библиотек, народных банков, спортивных обществ и т.д. Издавал книги, буквари, песенники и календари. Бесплатно рассылал портреты польских королей и образки. Рассылал также собственную фотографию; некоторые носили ее освящать вместе с образками. Заболев, помещал в газете информацию о состоянии своего горла и просил молиться о его выздоровлении. Продал пансионат и построил современную типографию. За статьи, направленные против прусских властей, сидел в Члухове, Моабите и Плотцензе. Публиковал сообщения об «огромных толпах народа», встречавших его с цветами у выхода из тюрьмы, и призывал подписываться на его газету, дабы ему легче было переносить страдания за решеткой. По окончании I Мировой войны был обвинен в измене национальным интересам, поскольку поддерживал немцев. После нашумевших интервью Юзефа Пилсудского о Сейме, депутатах и польском народе опубликовал открытое письмо с требованием медицинского освидетельствования начальника государства на предмет его

вменяемости. Незадолго до смерти произнес в Сенате речь об ограничении в стране свободы печати и гражданских прав. В 1985 г. в центре Грудзёндза ему был поставлен памятник.

ОТЕЦ

Витольд Кулерский, сын Виктора. Род. в Давосе (Швейцария), где лечилась его мать, страдавшая мигренями. Пройдя практику в газетах Корфанты³, начал работать в «Грудзёндзской газете», которую после смерти отца возглавил. За печатные публикации и выступления на митингах двадцать раз предстал перед судами II Речи Посполитой; приговорен к четырем годам тюремного заключения. Войну провел в

¹ В 1683 г. польские войска под командованием короля Яна III Собесского разгромили турецкую армию под Веной (здесь и далее — прим. пер.)

² На основании навязанных Польше договоренностей (1772, 1793 и 1795 гг.) земли Речи Посполитой были разделены между Россией, Пруссией и Австрией.

³ Войцех Корфанты (1873-1939) — политик и общественный деятель, издатель ряда газет.

Вито́льд Кулерский.

Фотография из архива министерства госбезопасности, 1948 г.

Лондоне — был секретарем и ближайшим сотрудником Станислава Миколайчика⁴. По возвращении на родину был директором издательства ПСЛ⁵. В 1947 г. арестован, на процессе членов ПСЛ приговорен к тюремному заключению, провел в тюрьме восемь лет. В настоящее время — на пенсии по инвалидности.

СЫН

Виктор Кулерский, сын Вито́льда. Род. в 1935 г. в Грудзёндзе. За недостойное поведение во время траура после смерти Сталина (пил вино «Бычья кровь» в ресторане Фукера и распевал на варшавских улицах «Марсельезу») исключен из школы с волчьим билетом. Экстерном закончил художественный лицей, а затем педагогический факультет и отделение истории искусств. Более двадцати лет проработал учителем в средней школе в Мендзылесье.

За достижения в области дидактической и воспитательной работы отмечен наградой министра просвещения I степени. С 1976 г. сотрудничает с Комитетом защиты рабочих⁶. Лишен права преподавать историю и вести воспитательную работу среди молодежи. Деятель «Солидарности». С 13.12.1981⁷ объявлен в розыск. Вышел из подполья 30 сентября 1987 г.

«...Прусские поляконенавистники хорошо знают, что если их политика не слишком сильно повредила польскому народу, то это в огромной мере заслуга «Грудзёндзской» и ее энергичных распространителей, ее читателей и друзей... Благодаря неустанной просветительской деятельности «Грудзёндзской газеты» среди польского народа все больше распространялись трезвость, бережливость и в особенности желание обзавестись клочком польской земли... И по этой, в частности, причине они ненавидят «Грудзёндзскую газету» всею своей черной душой. Пусть лопнут от злости эти жаждущие польской крови чудовища!»

«Грудзёндзская газета», 1907

(«выходит три раза в неделю — во вторник, четверг и субботу с приложениями...»

Во имя Бога! За Веру и Отечество!

Объявления: одна наборная строка петитом или равное место — 40 пфен. Слава Иисусу Христу»)

Виктор Кулерский

... — Отец был близорук, задумчив, очень вспыльчив; нужно было его избегать. Мать страдала мигренями, была спокойна и подозрительна... Это мать перед I Мировой войной... Это наш дом... Наш «Мерседес», один из первых автомобилей в Поморье... Фрагмент парка... Вид на пруды — я

⁴ Станислав Миколайчик (1901-1966) — политик, во время II Мировой войны вице-премьер, а затем премьер польского эмигрантского правительства. По возвращении в Польшу входил в состав Временного правительства национального единства, возглавлял ПСЛ; после поражения на выборах 1947 г. и делегализации этой партии (в 1989 г. ее название переняла «крестьянская» союзница ПОРП) нелегально покинул Польшу.

⁵ ПСЛ (Польске Стронництво Людове) — Польская крестьянская партия.

⁶ «Комитет защиты рабочих» («Комитет обороны роботникув», КОР) был образован в сентябре 1976 г. для оказания материальной и правовой помощи рабочим и их семьям, пострадавшим за участие в акциях массового протеста летом 1976 г. Впоследствии под новым названием («Комитет социальной защиты», КОС-КОР) практически стал координатором оппозиционной деятельности в стране.

⁷ 13 декабря 1981 г. правительством В. Ярузельского было введено военное положение.

помню, как в эти пруды скатывали бочки с засоленным мясом... Гостинная, моя сестра Лиля за роялем... В школе я учился в Швейцарии, в Давосе и Цуоце. Отец иногда меня навещал. Как-то приехал вскоре после майского переворота⁸, и директор школы ему говорит: «Это что, у нас в Польше переворот?» Отец ответил: «А в Англии у нас всеобщая забастовка, разве это не важнее?» Потому что мой отец никогда не был ограниченным, локально польским. А в моем сыне есть этот здешний польский провинциализм...

... — Появлялся ненадолго. Ночью кто-то стучался в дверь. Входил мужчина в шубе или в тулупе, стряхивал снег, мать бросалась ему на шею. Потом мне шепотом объясняли, что это отец, что он как раз куда-то убегает или откуда-то возвращается.

... — Я видел его, когда приезжал из Цуоца на каникулы, да и то мельком, за едой. Мы не разговаривали, только иногда он прерывал задумчивость длинными монологами о политике...

«... Ближайшую революцию в России мы давно предсказывали. Опять оказалось, что и в этом вопросе «Грудзёндзская» была права, поскольку в России и революция, и голод... Так уж оно, к сожалению, в политике бывает: любой мнит себя большим политиком, если только умеет с грехом пополам языком молоть или пару строчек черкнуть пером. Хотя профессия политика самая трудная, и ей больше всего надо учиться... А теперь, возвращаясь к революции в России... В будущем, если в России сохранится народная власть, если не вернется чиновничье правительство, Польша получит в лице русского народа мирного соседа, который не будет угрожать ее существованию. Тогда Польша сможет посвятить себя выполнению своей великой исторической задачи: приобщить к культуре Запада этот добрый, славный русский народ. На такое способна одна только Польша... Впрочем, России не следует питать никаких иллюзий. Россия пойдет своим путем, но и Польша желает идти своим путем, как свободная и независимая страна, не связанная никакими союзами, тормозящими естественный ход ее развития.»

«Грудзёндзская газета», 1917

... — Мы узнали друг друга ближе, только когда я вернулся по окончании школы, но вскоре после этого он умер. Любопытно: до конца жизни у него в кабинете висел портрет Пилсудского. После статьи, в которой он требовал, чтобы Пилсудский предстал перед комиссией психиатров, я получил известие, что отца могут арестовать. Он тогда был в Варшаве, я поехал к нему на автомобиле, вытащил из поезда и вывез окольной дорогой. Потом говорю ему: «Папа, надо бы, наверно, этот портрет снять». Но мы так и не сняли. У меня он тоже висел, до начала войны. Впоследствии сгорел вместе с другими вещами.

После этой статьи власти усилили гонения: отменяли государственные заказы на публикации, каждые несколько дней изымали весь тираж. Был год, когда тираж конфисковали столько же раз, сколько за все время прусской власти. Чтобы спасти газету от краха, я уволил всех работников типографии и снизил зарплату. Неожиданно, без предупреждения. Если бы предупредил заранее, они бы устроили сидячую забастовку, и нам пришел бы конец. Короче, никто ничего не знал, ночью я взял новых людей, а утром закрыл ворота. У всякого, кто входил, я спрашивал, согласен ли он на меньшую зарплату. Было их около ста человек, так что я сто раз спрашивал, согласны ли. Если нет, увольнял и давал выходное пособие. Большинство согласилось. Была безработица, другой работы они бы не нашли, пришлось согласиться.

Скверно после этого было у меня на душе. В газете у нас были демократические порядки, мы держали сторону бедных крестьян, рабочих и безработных, но поскольку забастовка могла повредить мне самому, я сделал все для ее предотвращения.

Год или два спустя безработные, которых привлекали к общественным работам, объявили в Грудзёндзе голодовку. Не работали и не ели. Солдаты приносили им в котлах еду, но они не двигались с места, только просили курево. Целые пачки сигарет привозили им на дорогу. Я их навещал, двоих или троих с голодными судорогами отвез в больницу. Они лежали у дороги на Тушев, возле леса. Тогда в Грудзёндз впервые прислали голендзиновскую полицию для ликвидации забастовки. Была разогнана демонстрация жен бастующих — женщины несли на руках детей, я видел одного ребенка с изуродованным лицом, видел, как били ногами беременную женщину. Я это сфотографировал, меня посадили в тюрьму на Буткевича; условия там, впрочем, были несравненно лучше тех, с какими мне довелось познакомиться впоследствии. Меня обвинили в подстрекательстве к грабежу и призывах к беспорядкам. Даже свидетелей нашли, хотя я вообще никаких речей не произносил...

⁸ В мае 1926 г. Ю. Пилсудский и его сторонники совершили государственный переворот, после которого было сформировано новое правительство и установлен режим так называемой «санации» — оздоровления государственного аппарата и общественных отношений.

Все это было уже после устроенного мною «переворота», но угрызений совести не ослабило. Напротив, мне стало еще тяжелее.

... — К четырнадцати годам на моем счету уже был один допрос, все у меня перемешалось: кровавые бойни, инквизиция, женщина с покалеченным ребенком на руках из рассказа отца, голые трупы советских пленных, которых вывозили на санях из лагеря в Сандоже; я потом видел их в лесу, замерзших, сваленных в ямы — немцы ямы не засыпали, ждали, пока земля оттаяет; а еще была еврейская девушка, которой я говорил: не ходи туда, застрелят, — и которая укрывала меня своей шалью; а еще отец в нише, за решеткой; а еще дорога, по которой меня вели через лес на допрос... Все слилось вместе, и я довольно рано понял, что это не коммунистическая проблема и не польская, а на целом свете что-то не в порядке...

«...Боже мой, какие же надежды вели европейские народы к этой страшной, самой страшной исторической бойне... На совести польского народа, вероятно, не одна вина, но виновен он перед самим собой, а не перед другими. Не причинял польский народ зла другим народам».

«Грудзёндзская газета», 1917

... — Часть судебных приговоров вступила в законную силу, и мне был назначен мой первый четырехлетний срок. Я должен был явиться в тюрьму в Грудзёндзе первого сентября 1939-го... В этот день я увидел первый автомобиль СС: перед домом Миколайчика в Познани.

Через Словакию и Венгрию я добрался до Парижа. Туда же Сикорский⁹ вытащил Миколайчика — он приехал через Венгрию, из лагеря для интернированных лиц. Я приступил к работе. Был секретарем Миколайчика — министра внутренних дел, впоследствии премьера, и некоторое время — секретарем министра юстиции Хермана Либермана. Любопытно: Либерман — умный, благородный, обаятельный человек — лучше себя чувствовал среди нас, чем среди социалистов. Говоря «мы», «нас», я имею в виду людей, которые еще до войны составляли особый мир — познанских «людовцев»... Однажды наш водитель сообщил мне, что «санация» уговаривает его доносить на нас. Я сказал Миколайчику: «Послушай, нам тоже следует завести среди них своих агентов». — «Нет, мы этого делать не будем, мы не станем корезить характеры людей». Валленродизм¹⁰ возможен в центральной Польше, но не в Познани, не среди познанских людовцев — прямолинейных, преданных своему делу...

Война для меня была одиноким ожиданием надвигающегося кошмара. Одиноким — потому что никто моих страхов не разделял. Некоторые испугались, когда пала Франция, и делали все, чтобы перебраться в Англию, а затем в Канаду или Штаты. Кинулись туда, как одержимые, а мне не было страшно. Я знал, что Англия будет защищаться. Бояться я начал, только когда Германия напала на Россию. Я знал, что Россия должна победить, знал, что нам светит и боялся...

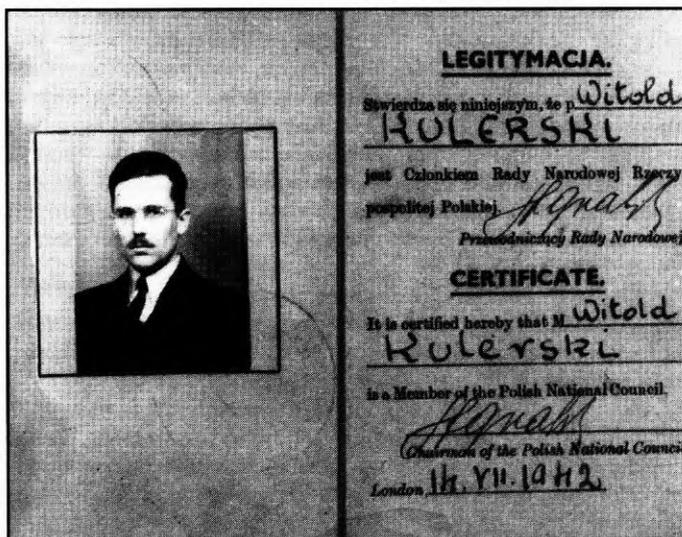
Мне поручали различные задания. В частности, одно время я работал в комиссии Национального совета РП¹¹, которая занималась проблемой дезертирства евреев из польских вооруженных сил. Мы поехали на допрос в Шотландию; ввели первую группу — еврейских моряков. Все молодые, рослые, статные. Они рассказали, что пришли на флот добровольцами, но к ним начали цепляться. Доходило до драк — кто-то показал шрам от ножевого ранения; наконец, однажды ночью, во время шторма один из них исчез. «Мы не можем утверждать, что его выбросили за борт, — говорили они, — но в штормовую ночь он исчез с корабля». Их сняли с кораблей и направили на сушу, на вспомогательные работы. Только тогда они отказались продолжать службу. Мы допросили офицеров-поляков, они все подтвердили. Мы представили Совету отчет, и евреев включили в состав британских вооруженных сил. Я расспрашивал о них впоследствии — они хорошо себя зарекомендовали.

«...Тайна еврейской ненависти к полякам... Известно ведь, что евреям везде было хуже, чем в Польше. Известно, что только Польша гостеприимно распахнула двери «вечным скитальцам», никогда не жалея для них ни хлеба, ни свободы... Почему же евреи проявляют по отношению ко всем собачью покорность... и с такой яростью набрасываются именно на Польшу... Желая добраться до истоков этой загадки, не следует забывать о коварной еврейской душе...»

⁹Владислав Эугениуш Сикорский (1881-1943) — государственный деятель, с осени 1939 г. — премьер-министр лондонского эмигрантского правительства и верховный главнокомандующий польскими вооруженными силами. Погиб в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

¹⁰Валленродизм — служение врагу с целью принести ему вред (от имени Конрада Валленрода, героя одноименной поэмы А. Мицкевича).

¹¹Национальный совет — образованный 9 декабря 1939 г. декретом президента Речи Посполитой совещательный орган, в который вошли представители всех политических направлений, действовавших в эмиграции.

Удостоверение члена Национального совета Витольда Кулерского

«Грудзёндзская газета», 1921
«...Еврейство в Польше крайне надменно поднимает голову... Но не стоит евреям слишком много себе позволять — пусть будут поосторожнее. Польский народ не позволит евреям хозяйничать в Польше, как у себя дома, — только польский народ может быть хозяином своей страны, а евреи пусть хозяйничают в Палестине... Подобно тому, как польский народ сумел в свое время, на бывших прусских землях, главным образом с помощью своей «Грудзёндзской» очистить от них польские земли, так и сейчас снова сумеет с помощью «Грудзёндзской» очистить от еврейства всю Польшу...»

«Грудзёндзская газета», 1923

«...велики были заслуги Казимира Великого, но, к сожалению, и он совершал

ошибки... Такой ошибкой было то, что он впустил в Польшу большое количество евреев и даже дал им ряд привилегий... Засилье евреев в Польше ужасно. Помещенная ниже таблица позволит читателю составить представление об огромном засилье евреев в разных общественных и хозяйственных структурах в Польше (% значит процент)»

«Грудзёндзская газета», 1927

«...евреям вход воспрещен. Постановление крестьян достойно подражания. В Порембе-Держны под Олькушом земледельцы решили наконец раз и навсегда покончить с евреями. Состоялось собрание, на котором постановили расставить на ведущих в деревню дорогах щиты с надписью «Евреям в деревню вход воспрещен».

«Грудзёндзская газета», 1937

... — Вернулся я в сорок шестом. В сорок седьмом, двадцатого октября, убежал Миколайчик. Тридцатого октября пришли за мной. Я попросил водителя отдать жене вечное перо, часы и портфель. У меня было ощущение, что все это мне знакомо, хотя я никогда ничего такого не видел. Теперь у меня заберут шнурки и галстук, говорил я себе. — и офицер забирал у меня шнурки. А теперь меня отведут в камеру... Я сел на нары и вздохнул с облегчением: наконец-то. Мне нелегко дались последние недели, известно было, что близится конец. Я и раньше это знал и удивлялся толпам, которые устремились в ПСЛ, не понимая, чем дело пахнет. Я думал: когда начнется, они дезертируют первыми. Так же я думал, когда толпы записывались в «Солидарность», а у меня было ощущение, что я все это откуда-то знаю...

Началось следствие — три года без газет, книг, писем, бани и прогулок. Когда мне наконец сказали: «собирайтесь в баню», я испугался — с баней ассоциируются странные вещи, а я считал, что все возможно. За обнаружение графита от карандаша грозил карцер. Один из карцеров представлял собой бетонный ящик размером с кухонный стол, в него надо было заползти и лечь набок, подогнув ноги. Сверху лилась вода. Лежать так приходилось сутки, а то и больше, в карцере отсутствует чувство времени. Другой карцер был завален калом, потому что заключенных не выпускали по нужде. Еще был карцер, в котором запрещалось сидеть. Стояли целую ночь. За нами наблюдали через глазок или в открытую дверь, утром отводили в камеру. Я год провел в камере, где спали на цементном полу, вповалку, вшестером. Было так холодно, что пар от дыхания оседал на стенах ледяной коркой толщиной в палец. Я тогда отморозил уши; «подвальное отморожение ушей» — так это называется. А еще у меня начались постоянные приступы удушья, которые не прошли до сих пор, — астматический бронхит. Лекарства от легочных заболеваний разрушают кости, и это особенно неприятно: кости становятся такими хрупкими, что стоит поскользнуться...

«...Виктор Кулерский — Польскому Народу.

Слава Иисусу Христу!

Дорогие Братья!

Я твердо верю, что Господь возложил на меня обязанность открывать Вам глаза, обучать Вас всему, что Вам должно знать. Посему говорю Вам без обиняков, открыто и искренне: Богом клянусь, Вашим будет то, что Вы сами для себя зарабатываете честным, усердным и неутомимым трудом. Одно только помните, а именно: чтобы другие не разговаривали и не промотали плоды Вашего тяжелого труда...»

«Грудзёндзская газета», 1923

Кулерский Витольд, сын Виктора —
сыну Виктору Кулерскому
Вронки, 23.VII.1952

Любимый мой Сын! Изо дня в день, с рассвета до ночи, с глубокой тоской и нетерпением, а с течением времени и со все возрастающим волнением и неотступным страхом, опасаясь, не стряслась ли с вами снова какая-нибудь беда, я ждал от тебя письма. Каждый день, когда, проснувшись утром, я смотрел на серое небо за решеткой, первой моей мыслью было: «может быть, сегодня», а вечером, когда в последний раз скрежетал ключ в замке, невыносимым грузом придавливало меня к постели сознание, что еще один день прошел в тщетном ожидании...

Что же касается орнитологии, то хочу тебе порекомендовать труд проф. Водзицкого, который прославился главным образом благодаря основательному описанию редкой птицы в Новой Зеландии...

... — Наш лицей размещался в бывшем монастыре. В шестиугольном зале с высокими сводами, где когда-то была часовня, два раза в неделю собирались все классы, и секретарь комитета «ЗетЭмПэ»¹² Малгожата Ж. проводила политинформацию. Мы с ней учились в одном классе; она была высокая, худая, рыжая, с большим ртом. Я бывал у нее дома, часто оставался к обеду, мы дружили. Я знал про нее то, чего не знал никто в школе, например, что ее отец, довоенный офицер, воевал у Мачека¹³ и после войны остался на Западе, а они с матерью сменили фамилию... На какой-то политинформации Малгожата Ж. начала было читать: «В Варшаве проходит процесс деятелей ПСЛ...» — но прервалась, отложила листок и сказала: «Среди нас есть ученик, чей отец — один из обвиняемых на процессе. Хотелось бы услышать, что он может нам сказать об этом деле...» Настала тишина, все смотрели, как я выхожу из шеренги и останавливаюсь перед Малгожатой. Я видел только ее веснушки, рыжие волосы и слишком большой рот. Я сказал: «Я готов рассказать о своем отце, но не знаю, сумею ли. Может быть, ты для примера вначале расскажешь про своего?» Директор быстро вмешался: «Собрание закончено, всем разойтись по классам». Мы разошлись.

Никогда потом мы с Малгожатой Ж. к этой истории не возвращались, но в доме у нее я бывать перестал...

«...В нашем польском обществе едва ли не каждый опасается, как бы его часом не сочли не совсем настоящим поляком, иными словами, не заподозрили в отсутствии патриотизма. Такие опасения в нашем обществе чуть ли не всеобщие. В значительной мере это проистекает из того, что мы не являемся свободным народом... Это обстоятельство отдельные люди и некоторые двуличные газеты используют для терроризирования нашего общества...»

«Грудзёндзская газета», 1918

...Кулерский Витольд, сын Виктора —
сыну Виктору Кулерскому
Вронки, 7.XII.1952

С большой радостью прочитал твое письмо... Пунктуация в нем уже заметно лучше, но тебе надо еще потрудиться, чтобы выработать свой стиль. Особое удовольствие доставила мне последняя фраза. Но именно в этой фразе следовало первые 2 запятые заменить точками, а во второй строке 2 запятых добавить...

сыну Виктору Кулерскому
Вронки, 23.X.1953

Интересно, посетил ли ты выставку индийского искусства... Не могу указать тебе авторов произведений, которые бы тебя познакомили с настоящей Индией, я уже все позабывал...

¹² Союз польской молодежи (Звёзек млодзержи польскей) — организация, подобная советскому ВЛКСМ.

¹³ Станислав Мачек (1892-1994) — командующий 1-й бронетанковой дивизией, сражавшейся с немцами во Франции, Бельгии, Голландии и Германии.

сыну Виктору Кулерскому
Вронки, 28.I.1954

У меня складывается впечатление, что ты все дальше уходишь от проблем живописи и искусства вообще... Вронки были маленьким опрятным городком. Над главным входом в тюрьму кружили стаи галок. В бетонной стене комнаты для свиданий были прямоугольные проемы, загороженные сеткой, решеткой и снова сеткой. Я вставал перед своим прямоугольником, опирался на доску, тянувшуюся вдоль всей стены, и ждал. В глубине, за сетками, появлялись фигуры в серой тиковой одежде — их вели на свидание; одна из этих фигур останавливалась передо мной, и это был мой отец. Мы смотрели друг на друга, он спрашивал: «Как мама? Что в школе? Что читаешь?»

Вернувшись домой, я рисовал — для заработка — революционные или первомайские транспаранты, портреты государственных деятелей, плакаты для строевой подготовки, изображающие сверхъестественных размеров солдата, стоящего по стойке «смирно» либо «вольно», а также иллюстрировал книжки. Больше всего я заработал на «Повести о настоящем человеке» — было на что ездить во Вронки.

... — Меня мучили ужасные головные боли. Боль, казалось, немного стихала, если я плотно забинтовывал голову. Когда начальник сказал, что я выхожу, поверх я еще повязал зеленый платок — меня очень угнетала серость камеры, и я просил жену присылать яркие, цветные вещи, — и в этом тюрбане приехал в Варшаву. Таксист смотрел на меня подозрительно: «Несчастный случай?» — «Да, — говорю, — несчастный случай. Мой несчастный случай назывался ПСЛ и продолжался восемь лет...» — «Господи! Сразу надо было сказать!» — и привез меня в Мендзылесье. Дома был только старший сын, жена с младшим были в костеле. Мы сердечно обнялись. «Здравствуй, — говорит он, — папа»... Нет, кажется, не так. «Здравствуй, папа» он сказал, когда сам вернулся, после выхода из подполья... А я сказал: «Привет, как дела...»

... — Он стоял в дверях, заросший, голова обмотана бинтами и зеленым платком, с какой-то палкой, с узелком в руке... Нищий? — но у меня под рукой нет мелочи, может быть, хлеба?... но нищий все стоял, молча, не шевелясь, и это был отец...

*Мне снился Миколайчик в обнимку с эсиром,
Как они плясали от печки до шкафа...
Видеть Миколайчика — да это же чудо,
Выпадет мне счастье и не будет худа,
Светит мне свобода, вот она свобода:
Из тюрьмы на волю — ходу, братец, ходу...*

(Эту песенку, по воспоминаниям Януша Красинского, пели в тюрьме на Раковецкой)

— Я много вам — тебе и Мареку — рассказывал о себе?

— Мы были слишком маленькими, потом тебя не было, потом не было времени. Ты не говорил о себе.

— Победенный, но живой политик — жалкая фигура, я не хотел выступать в этой роли перед собственными сыновьями...

— Ни мне, ни ему не хотелось разговаривать... Твой процесс — мой допрос — мои поездки во Вронки — самоубийство нескольких школьных товарищей — Варшава, неприветливая, опасная, каменная, я терпеть не мог Варшаву, особенно после захода солнца, чувствовал себя запертым в городе, как человек, страдающий клаустрофобией... весь этот мир жестокости, бессмысленности и страха был во мне, однако с тобой — в этом зеленом платке, с этой миской, которую ты привез из тюрьмы и упирался, что и впредь будешь из нее есть, — с тобой об этом говорить я не мог. Я был ничей, я принадлежал только сосновым лесочкам и пойме Вислы. И не видел бы никаких причин оставаться в том мире, если бы не ты, не вы, пережившие войну и тюрьму. Это заставляло переломить собственную жизнь...

— Если бы не я... Приятно слышать.

Я тебе кое-что скажу.

В конце срока, уже после смерти Сталина, после года в одиночке, когда я был уверен, что нас скоро выпустят, меня вызвали на беседу. До того я от бесед отказывался, а тут согласился. У меня болела голова, у твоей матери был туберкулез, Мареку, твоему брату, в катастрофе разможило ногу... Я согласился. Мне предложили, поскольку я хорошо знаю Миколайчика, написать его биографию — естественно, в отрицательном свете...

Я тебе кое-что скажу.

Я начал писать.

Я посчитал, что моя роль в ПСЛ завершена. На моей идее поставлен крест, придут другие люди и в других декорациях разыграются другие драмы, уже без меня. Я начал писать явную чушь, конечно безвредную, такой я придумал хитрый ход, — но писалось мне все легче и легче. Я не успел закончить даже довоенную часть, как был освобожден на год, по состоянию здоровья. Спустя какое-то время меня попросили, чтобы я продолжал писать. На этот раз я отказался...

Эта история тридцать лет меня мучила. Я решился тебе о ней рассказать, поскольку ты решился выбрать эту жизнь ради меня.

Когда я начал писать, сперва мне было очень противно, просто омерзительно, но со временем, по мере того, как росла стопка исписанных листков, выдумывать всякую чушь, повторяю, мне становилось все легче. Я с ужасом в этом убедился... Это свидетельствовало о том, что вероятность оподлеть едва ли не у каждого весьма велика. Что во многих сидит какой-то другой человек, имеющий немалые шансы оказаться негодяем. А я себя считал человеком порядочным... Но если уж и мне все легче писать такую чушь, гнусную чушь... Я тяжело это пережил и с тех пор не спешу осуждать других.

Говорю я тебе об этом, чтобы ты знал. Поскольку ради меня ты решился жить во враждебном мире.

... — Ты спрашивала: почему я это делал?

Я тебе отвечал: я их должник.

Ты спрашивала: чей?

Тогда я рассказывал тебе об учениках нашей школы, отравленных газом в Треблинке, о людях, похороненных в тайге, о замерзших пленных, сваленных в ямы. Я каждому из них что-то должен, но с теми, кто лежит в земле, ведь не расплатишься — значит, надо было отдавать долги живым. В семьдесят шестом году Юзеф Рыбицкий, который сидел вместе с моим отцом, как член КОРа просил всех писать в Сейм письма насчет избитых рабочих. Я тогда заплатил первую, малую, несущественную часть своего долга Юзефу Рыбицкому: написал письмо. Обошел еще сорок человек, чтобы они вместе со мной его подписали, согласились только тринадцать, но ни один меня не выдал. Это было начало пути, по которому я и сейчас иду. На котором спустя пять лет раздался телефонный звонок — я звонил отцу: «Телексы в регионе отрезаны». И прозвучали слова отца: «Ну, значит, началось, да хранит тебя Бог...» И потом, когда я скрывался, его просьба: «Об одном только тебя прошу — когда я умру, чтобы ты ненароком не вздумал прийти на похороны...». И мое возвращение, о котором неловко говорить после *тех* возвращений: «Здравствуй, папа...»

... — Много миров сгнуло безвозвратно в послевоенной Польше. И среди них самый близкий мне — мир познанских «плодовцев». Невосприимчивый к доктринам, свободный от мелочных игр, от интриг, преданный делу. Мы не на легенду работали. Впрочем, в Польше шансы есть только у шляхетской легенды, крестьянская шансов не имеет, потому что крестьянская легенда — соборная: без жестов, без имен...

Мир наш был деловым и эффективным и никогда — провинциальным. Он был западным, европейским, поскольку быть западным и означает быть эффективным. А в моем сыне есть этот извечный польский провинциализм...

... — Вскоре после того, как я вышел из подполья, Лукаш Королькевич подарил мне свою картину. На ней изображена глухая стена какого-то дома, безлиственный явор, клочки неба, подтаявший грязный снег... На стене надпись, заляпанная белой краской. Похоже не то на залитый гипсом рот, не то на саван; можно угадать под краской слово СОЛИДАРНОСТЬ. А в углу на стене табличка с надписью СВОБОДА — это название улицы. За глухой стеной ощущается присутствие людей: они стирают, спят, готовят, любят — это они когда-то написали на стене СОЛИДАРНОСТЬ, а теперь ждут...

Очень близкая мне картина, очень польская, непонятная европейцу.

Это провинциальная картина. Как и я провинциален — мой отец прав.

Провинциализм есть там, где подневольную страну сталкивают на уровень провинции.

Провинциализм вторгается в каждого из нас. Можно, не желая с этим смиряться, перебраться в другое место или в другое время, но удастся ли не заплатить за это одиночеством? Это была бы очень высокая цена. Для меня — слишком высокая.

— Польский провинциализм — это когда смотришь на мир сквозь призму польских проблем, будучи убежден, что эти проблемы в центре игры. Естественно, что всякая находящаяся на шахматной доске пешка — элемент игры, и за пешку иногда стоит бороться, но даже если борьба ведется за пешку, это всего лишь эпизод. По сути в игре всегда главный — король. Провинциализм — это когда пешке кажется, что главная — она, а не король, и когда ради этой несуществующей ценности сочиняются легенды и мифы.

... — У нас есть правительство, которое мы не одобряем, но с которым вынуждены считаться и к которому рано или поздно мы обращаемся по тому или иному делу. И есть правительство, которое мы можем признать символом самого для нас важного, хотя не обязаны ни считаться с ним, ни обращаться к нему. Таким образом, есть две системы: система фактов, которые нам навязаны, и система ценностей, которые мы считаем своими. В этих двух системах мы пытаемся найти свое место. Если я способен существовать в мире ценностей, то это благодаря моему отцу...

(Из речи, произнесенной при награждении орденом Кавалерский крест «Полония Реститута». Награду «от имени президента Светлейшей Речи Посполитой» вручил прибывший из Лондона посланник правительства...)

«...Провинциализм — это когда (...) ради несуществующей ценности сочиняются легенды и мифы...»

— Мой европеец-отец во время войны работал на подпольное государство, признававшееся правительствами непокоренной Европы. Образ такого подпольного государства маячил и в умах моих сограждан, когда было введено военное положение, но я этой мысли испугался. Государство — это власть, а власть должна управлять, издавать декреты, а то и — как знать — выносить приговоры. Кроме того, это было бы узурпацией — нас ведь выбрали руководителями профсоюза, а не государства. Нужно было устоять перед этим соблазном, что-то ему противопоставив, и я придумал «подпольное общество» — как лозунг и как образ жизни. Жизнь эта должна была быть многосторонней. Любой мог бы создавать что хочет: кассу взаимопомощи, библиотеку, журнал, кружок самообразования, — а отвечал бы перед самим собой и перед другими, такими же, как он, людьми.

Из биологии известно, что однородный лес — например, тайга, то есть хвойный бор, где мало деревьев других пород, — легко поддается уничтожению. Пожар распространяется по такому бору со скоростью урагана, вредители без особого труда перемещаются на огромные расстояния, тогда как смешанные леса устойчивы, поскольку разные породы дополняют друг друга и так поддерживается равновесие. Многоликость пуши, например, замедляет распространение стихийных бедствий, эпидемий и пожаров. То же самое с людьми: для однородных сообществ, не отличающихся богатством форм, особенно велика опасность вырождения... (В свою очередь, только большие сообщества не производят новых форм — разнообразия форм поведения и позиций в них не увидишь).

После обретения независимости наше общество дважды начинало учиться трудному искусству самоопределения в условиях разнообразия форм, и дважды этот урок прерывался: один раз в 1926 году в результате майского переворота и второй раз — тринадцатого декабря 1981 года. Моя идея подпольного общества должна была всего лишь привести к продолжению этих насильственно прерванных уроков.

В Польше непрестанно рвутся любые продолжения, общественные и семейные.

Японские карликовые деревья растут в горшках по двести лет, за ними ухаживают из поколения в поколение, а давнишние польские столяры топили в прудах дубовые колоды, чтобы внуки могли делать из них мебель. В сегодняшнем мире непрерывность уничтожается снова и снова, а ведь нормальный человек не способен что-либо делать, если его старания заведомо не дадут результата. Чем бы такой результат ни был: мебелью, деревом, общественным деянием.

Тринадцатого декабря нам опять что-то разорвали. Можно ли удивляться, что у людей пропала охота заниматься общественной деятельностью? Им не хочется печатать листовки, распространять их, зажигать свечи в годовщину памятных событий, даже писать на стенах лозунги, которые на следующее утро кто-то замажет белой краской...

Что касается меня — я с некоторых пор все это знал, но в канун последнего Первوماя у меня уже не было сомнений: в этом году с демонстрацией ничего не получится. Пока мы сидели в тюрьмах и в подполье, порядочные люди считали своим долгом о нас не забывать; когда мы вышли на свободу, исчез последний моральный императив. Я об этом знал, но милиция не знала и потому арестовала профсоюзных руководителей. Збышек Буяк убежал и развернул в Старом городе транспарант с надписью «Не мешайте нам работать» — рядом должен был быть транспарант «Солидарность», но его во время не доставили, и тогда Збышек купил в киоске красный лак для ногтей и сам эту «Солидарность» дописал. И так стоял с несколькими ребятами с «Урсуса»¹⁴, среди прогуливающих людей, которые на минутку останавливались, приветливо улыбались и шли дальше. Наконец милиция сжалилась над демонстрантами и забрала их.

Я ужасно боялся перед этим Первوماем — боялся, что и мне придется куда-то пойти, развернуть какой-то плакат в окружении горстки активистов, женщин с детьми и благожелательно-равнодушных прохожих... Так что,

¹⁴ Крупнейший механический завод под Варшавой; в период начала забастовочного движения в 1976 г. самый серьезный оборот приняли события на «Урсусе».

прогуливающих людей, которые на минутку останавливались, приветливо улыбались и шли дальше. Наконец милиция сжалась над демонстрантами и забрала их.

Я ужасно боялся перед этим Первомаем — боялся, что и мне придется куда-то пойти, развернуть какой-то плакат в окружении горстки активистов, женщин с детьми и благожелательно-равнодушных прохожих... Так что, когда тридцатого апреля — как обычно в шесть утра — я услышал стук и увидел в окно хорошо знакомую усатую физиономию приставленного ко мне агента, я улыбнулся ему, словно вестнику доброй надежды. Тучным скучающим милиционером в отделении «Северная Прага» я сдал то, что постоянно ношу при себе со времен военного положения: зубную щетку, летние и зимние домашние туфли, Библию, туалетную воду — и сел на нары в состоянии блаженной расслабленности. Никуда не нужно было спешить, я никуда не мог опоздать, я сидел в участке, и ко мне не могло быть никаких претензий...

(...Я сел на нары и вздохнул с облегчением: наконец-то. Мне нелегко дались последние недели, известно было, что близится конец...)

... — Несколько лет назад я посадил вокруг школы, в которой учился, разные деревья: лиственницы, клены, пихты, ели, липы, грабы, буки, ясени. можжевельник, барбарис... Мне хотелось, чтобы дети знали все деревья и кустарники, растущие в Польше.

Кроме того, я устроил Уголок Памяти, чтобы дети знали историю школы, ее бывших учеников из Мендзылесья. (Уничтоженным в газовых камерах Треблинки ученикам нашей школы и мендзылесским евреям я посвятил два стенда; инспектор сказал: «Не слишком ли много?». Я спросил: «А сколько сантиметров будет не слишком много для одного уничтоженного в Треблинке?»).

Вчера я нашел остатки Уголка Памяти: пули, обломки ракет и каску солдата-костюшковца¹⁵. Они лежали, вероятно, уже давно, но только вчера на свалке растаял снег.

Деревья, которые я посадил, — не подрезанные, окруженные неприхотливым самосевом, выросли и превратились в дикий, бессмысленный лес. Надо было бы теперь все вырубить, выкорчевать — если бы я хотел, если бы у меня были силы начать с начала...

«... Где можно достать стальные косы «Бартош Гловацкий»¹⁶? Косы мои и топоры столь хороши, что не нуждаются в рекламе.

...Нервные боли — частая причина неуверенности в себе. Против этого незаменимы таблетки «кефальдол».

...Мужскую силу прибавляет давно себя зарекомендовавший «йопоамин».

...Удушье, астму успешнее всего устраняет «тимо-туссин».

...Заманчивое предложение: бесплатные консультации знаменитого астролога.

...Приобретенную глухоту побеждает ароматическое масло св. Панкратия.

...Чтобы не было беды —
Осторожней у воды!

...В кузницу потребны дельные работники...»

«Грудзёндская газета»

¹⁵ В июне 1943 г. была сформирована Первая польская дивизия им. Т.Костюшко, сражавшаяся в составе советских Вооруженных сил.

¹⁶ Войцех Бартош-Гловацкий (ок. 1758-1794) — герой восстания под руководством Т.Костюшко, ставший символом крестьянина-борца за независимость Польши.

Иоанна Щенсна

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ-ОДИНОЧКА

К 95-летию Владислава Копалинского

Владислав Копалинский (настоящее имя Ян Стефчик) родился 14 ноября 1907 г. в Варшаве, с которой остается связан по сей день. Здесь он окончил школу и два года изучал в университете английскую филологию. До войны вместе с отцом держал типографию. Во время немецкой оккупации работал бухгалтером. В 1945-49 гг. был заместителем программного директора Польского радио по художественной части. Писал радиодрамы, переводил художественную литературу с английского и немецкого. В 1949-54 гг. был главным редактором, а затем директором издательства «Чительник». С 1954 г. на протяжении 20 лет был фельетонистом газеты «Жиче Варшавы», а в 1958-60 гг. — корреспондентом Польского агентства печати в Вашингтоне. Подготовил к публикации книги Эдгара По, Герберта Уэллса, Антония Слупинского и Тадеуша Бой-Желенского. В 1967 г. был издан составленный им «Словарь иностранных слов», а затем ряд других словарей — в частности, «Словарь мифов и традиций культуры», «Словарь символов» и др.

За свою жизнь он перебивал учителем иностранных языков, радиожурналистом, издателем, переводчиком, иностранным корреспондентом, популяризатором науки, фельетонистом, автором сатирических текстов, радиопьес и даже театральной драмы. Но на вопрос, кем он себя считает, Владислав Копалинский отвечает:

— Я лексикограф.

КНИГА ЦИТАТ И СЕМЬ СЛОВАРЕЙ

Этой профессией он начал заниматься, можно сказать, в самом расцвете сил: ему было 60 лет, когда в 1967 г. вышел его «Словарь иностранных слов», с тех пор переиздававшийся больше 30 раз с постоянными авторскими дополнениями. Следующей была монументальная «Книга цитат из польской художественной литературы» (в соавторстве с Павлом Херцем) — первый труд такого рода на польском рынке. Авторам пришлось перекопать всю литературу XV-XIX веков.

В 1985 г. вышел «Словарь мифов и традиций культуры» — книга, без которой невозможно представить себе ни один интеллигентский дом. Пятью годами позже — «Словарь символов»: здесь, как ни в одном другом словаре, отразился классический склад ума автора, вскормленный чтением рационалистов. Потом

разрыв сократился — прошло два года, и в 1992 г. мы получили «Словарь напоминаний», работу совершенно оригинальную, не имеющую прототипа ни в одной другой словесности: она возникла из соблазна найти путь к словам, которые... вот-вот, знаешь, а припомнить не можешь. Через три года вышла подввергшаяся критике феминисток, но читаемая с румянцем на щеках «Энциклопедия второго пола». В 1996 г. Копалинский напечатал маленький (всего 1100 словарных статей), но полный фельетонного очарования «Словарь эпонимов, или отыменных слов». Наконец, в 1999 г. появился «Словарь событий, понятий и легенд XX века».

КАРТОТЕКИ

Рабочее место Копалинского — это несколько сильно потрепанных, оклеенных скотчем картонных коробок, где он держит карточки со словарными статьями. Пишет он от руки, старательным, разборчивым почерком, сразу начисто, лишь изредка на карточках видны следы ластика. Закончив работу, он освобождает картотеку, карточки отдает в издательство и начинает думать о следующем словаре.

Однажды на авторском вечере он сказал, что держит словарные карточки в коробках из-под ботинок. С тех пор эта деталь, превратившаяся в дежур-

ный анекдот, кружит из текста в текст. Обычно это короткие биографические заметки по случаю присуждения очередной премии, юбилея, издания либо переиздания того или иного словаря. Потому что Копалинский журналистов не балует и не рассказывает им ни о себе, ни о своей работе.

Мне тоже эта деталька: самый крупный польский лексикограф использует в работе коробки из-под ботинок — показала исключительно яркой. Но Копалинский лишил меня иллюзий:

— Эти коробки я заказал специально, когда работал над «Словарем мифов и традиций культуры». Они и вправду поистрепались, но новых мне никто не сделает. А про ботинки — это была шутка.

Он работает один. Не пользуется ни компьютером, ни даже пишущей машинкой. На вопрос, почему он не пользуется компьютером, Копалинский ответил:

— Сколько времени занимает запуск компьютера? А сколько надо, чтобы вынуть карточку из коробки? Эту безумную простоту ничем лучшим не заменишь.

Тут Копалинский демонстрирует: наклоняется, вынимает коробку из ящика, и действительно карточка у него в руках через секунду.

После такого вступления я не удивилась, найдя в его словаре эксцентричную цитату из американского «Альманаха для фермеров» 1978 года: тину гнусных дел необходим компьютер».

КУПИТЬ, ВЗЯТЬ ПОЧИТАТЬ, ПРИНЕСТИ ДОМОЙ

Его библиотека постоянно меняется: ненужные книги Копалинский отдает в публичные библиотеки. То, что сейчас стоит на полках, — это главным образом то, что нужно для работы. Купить, взять почитать, принести домой — и свести к минимуму хождение по библиотекам.

— То, что я не могу сделать дома, откладываю на конец. Тогда у меня собирается такое количество карточек, с которыми я могу идти в библиотеку.

Я разглядываю полки. Почетное место занимает многотомная «Энциклопедия Британника». Рядом всевозможные словари польского языка: Линде, Нездвецкий, Дорошевский; словари правильной польской речи, польской литературы, орфографические. Музыкальные энциклопедии, словари русских писателей, сокращений, литературных героев и т. д. и т. п.

— Словарь делается по другим словарям, а не из головы, то есть из ничего. Библиотека для того и существует дома, чтобы ничего не держать в голове.

Сколько бы Копалинский ни распинался, что никакой он не эрудит, — не поверю. Хотя бы потому, что всю жизнь жила в уверенности, что герой одного из моих любимых стихов Аконд из Свата — вы-

думка Эдварда Лира. Оказывается, нет: Копалинский знает, что это совершенно реальный человек. Мусульманский князь конца XIX века жил в маленькой, тогда индийской, сегодня пакистанской области Сват, на берегу одноименной реки, и память о нем, конечно, давно бы пропала, если бы не Лир. И не Копалинский!

ДВА САМУИЛА

Среди своих предшественников-лексикографов Владислав Копалинский особенной нежностью дарит Сэмюэла Джонсона и Самуэля Линде. Как и они, он работает в одиночку. Он настолько самодостаточно, что, когда нуждался в лимерике для «Словаря эпонимов», сочинил его сам.

— Вся прелесть такого авторского словаря «с человеческим лицом», — говорит Копалинский, — на том и основана, что отвечает вкусам, ассоциациям, воспитанию и образованию одного человека. Надо придать сухому типу прозы какую-то видимость жизни. Самое главное, чтобы словарь обладал какими-то человеческими, личными четами. Сейчас приведу пример.

Он озирается по комнате, берет с полки книгу и читает:

— ««Тихая ночь, святая ночь». Начало рождественской коляды 1918 года. Песня на музыку Франца Грубера». Еще даты рождения и смерти. И конец.

Теперь Копалинский берет свой «Словарь мифов и традиций культуры»:

— «Самая знаменитая в мире коляда. Сочинена в Рождественский сочельник 1918 года в Оберндорфе под Зальцбургом. Слова священника Йозефа Мора, музыка органиста Франца Ксавье Грубера». Читаешь и представляешь себе ночь под Рождество в деревне, засыпанной снегом, и этих двух бессемейных людей — священника и органиста. Очевидно, они встречаются Рождество вдвоем: прислуга пошла по домам, к родным. Уже отужинали, сидят в этой полной тишине, и вдруг настоятель говорит органисту: «Знаете что, а не сочинить ли нам колядку? Вы музыкант, а я проповеди пописываю» — и вот из этого рождается самая знаменитая в мире коляда. Все это можно вычитать из моей словарной статьи, а из той — нет. Там, правда, тоже есть факты, но у них уже нет такого павлиньего хвоста.

Владислав Копалинский только что закончил свой новый, уже восьмой словарь — знаменитых любовных связей. А 14 ноября отпраздновал свое 95-летие. Не станем петь ему «многая лета» — пожелаем ему (и себе) еще многих-многих словарей.

Ежи Ястшембовский

КОМПОСТ ИСТОРИИ

«Не спрашивай, кто был врагом, кто другом...»

В Нижних Бескидах все горы — кладбищенские. Здесь творились страшные, кровавые дела. Следы от них сохранились до наших дней.

Осенью 1914 г. русские дивизии наступали, как буря. Они с боя взяли Горлицы, дошли до Тарнова и рвались к карпатским перевалам, чтобы войти в Венгрию — на территорию нынешней Словакии. Это им не удалось. Весной следующего года командование австро-венгерского фронта вдоль Сана и Дунайца принял прусский генерал Август фон Маккензен, который в начале мая прорвал русский фронт под Горлицами. За эту операцию он получил фельдмаршальский жезл, а со склонов Бескидских гор и Подгорья австрийские похоронные команды собрали более шестидесяти тысяч трупов павших солдат. Руками военнопленных — русских землекопов и плотников, итальянских каменщиков — были построены 388 военных кладбищ. Некоторые из них, в последнее время отреставрированные, сохранились в сравнительно сносном состоянии. Но остальные...

Около тридцати лет назад, поднявшись на Маластовский перевал, я ходил с рюкзаком за плечами по тогда заброшенному, а сегодня отреставрированному кладбищу «императорско-королевских воинов» Австро-Венгрии. Статуя Богородицы с Младенцем Иисусом, а под ней — высеченная в камне поэтическая эпитафия. Неподалеку от меня с выдавшего вида мотоцикла слез пожилой мужчина, который оказался лесничим на пенсии. Я спросил его, где находятся могилы русских. Я знал, что их хоронили на обочинах австрийских и прусских кладбищ. Старик указал на буковый лес по другую сторону дороги. «Гляньте, какие там деревья пышные и высокие. Там русские и лежат».

Я не нашел подтверждения этому в скрупулезном труде Романа Фродымы «Галицийские военные кладбища: Нижние Бескиды и Подгорье» (Варшава-Прушков, 1995). Может, старый лесничий ошибался? Во всяком случае, я хотел бы выразить свою признательность автору вышеупомянутого труда за многие сведения, которые помогли мне в работе.

Вероятно, всем известно, кто на самом деле лежит в этих «австрийских» и «русских» могилах. В одних, помимо австрийцев и венгров, лежат также поляки и украинцы, чехи и словаки, хорваты, босняки и словенцы; в других — тоже поляки и украинцы, литовцы и грузины и многие-многие другие. Только некоторые из них лежат на кладбищах; остальные — на обочинах глинистых дорог, под корнями деревьев.

На памятнике, стоящем на самом крупном из нескольких военных кладбищ в Горлицах, чья-то дурацкая рука начертала: «Польша превыше всего». Дурацкая, потому что это и так очевидно: в конце концов Польша вышла победительницей (хотя и заплатив за это страшную цену) из этих сражений чужих армий: штыковых атак в первую мировую, и залпов «катюш» — во вторую. Кладбище — не место для подобных лозунгов. На кладбище нужно склонить голову, уберечь память о погибших. 853 павших австрийских солдата, их фамилии на металлических табличках под аркадой, увенчанной военным крестом... Но какие фамилии мы здесь видим! Любоянский Виктор, Лысенко Демьян, Касперчак Франц, Квартник Иоганн, Грдличка Йозеф, Аугустынский Йозеф, Дудек Иоганн, Гонсер Франц, Пилярский Йозеф... С внутренней стороны стены — могилы прусских пехотинцев. И снова польские фамилии — одна за другой...

Самое крупное галицийское кладбище времен первой мировой войны расположено в Лужной, на Пустках. Там большинство павших «австрийцев» — это солдаты 12-й пехотной дивизии, в состав которой входили целых четыре польских полка, в том числе Вадовицкий и Цешинский, которым командовал ставший впоследствии генералом Франтишек Латиник.

Лицо матери

Но я здесь пишу не об истории войны, а об исчезающей памяти, о нашем единственном долге перед павшими и убитыми, в том числе и «чужаками», и уж в особенности — перед безымянными. За каждой безымянной, брошенной могилой чудится нам убитое горем лицо матери, которая никогда не увидела этого рокового места и никогда не примирилась с мыслью, что ее сын мог стать частицей компоста истории.

На территории монастыря ордена реформатов в Бече среди двух десятков захоронений находится могила 18-летнего legionера Чеслава Мариана Вавро, погибшего близ этого городка 4 мая 1915 года. Неподалеку отсюда, в Сташкувке-Давидувке, лежит 16-летний подпоручик прусских гренадер фон Франсуа, сын одного из немецких командующих фронтом. Известны могилы, известны имена. Так и должно быть. Матерям было где выплакаться.

И вот через тридцать лет я снова стою на Маластовском перевале и читаю надписи по-немецки на отреставрированном кладбище (174 австрийских солдата), после чего через лес, укрывающий, быть может, останки русских солдат, дохожу до горного приюта под Магурой Маластовской. На вершине горы я спрашиваю, как пройти к кладбищу. Симпатичный заместитель заведующей, которого еще и на свете-то не было, когда я был здесь в первый раз, советует мне идти туда засветло: кладбище полностью запущено, последний раз туда приезжала какая-то группа два с половиной года назад, в 80-летнюю годовщину битвы под Горлицами.

Кладбища во мраке

Я отправляюсь в путь. После двадцати минут ходьбы по камням и грязи дохожу до ответвления дороги, скрывающейся в лесном мраке. Попадаю в колдобину, затем в другую и наконец наткнувшись на стену из обтесанных кусков скал. Это и есть кладбище. Могила я не вижу — лишь черные, темнее ночи, кроны деревьев. Я догадываюсь, что это буки, и что самым старым из них ровно восемьдесят два года.

Утром я прихожу сюда еще раз. Могилы есть, хоть и едва заметные. В углу православный крест, под ним — выгоревшая лампадка. По сведениям Романа Фродымы, здесь захоронено 60 австрийцев и 76 русских. Есть и другие истлевшие кресты, покосившиеся каждый в свою сторону. Металлические таблички с них давно отпали. В отдаленном закоулке я замечаю крест, перевязанный красно-белой лентой, и сердце мое замирает от радости: поляки помнят! Я продираюсь сквозь заросли, разворачиваю ленту — цвета те же, но австрийские. Значит, это группа из австрийской организации «Черный крест» два с половиной года назад почтила память «своих», одновременно затеплив лампадку на братской могиле «врагов». Поднимаю глаза и вижу: я стою у подножья распадающегося холмика, сложенного из небольших валунов. В камне высечена уже сильно истертая эпитафия на стилизованном под старину немецком языке. «И не попусти, иже кто ныне вверен опеке Твоей, абы впредь побежден бых...» Надпись обращена к Богу, но я принимаю ее на свой счет. Неподалеку из провалившейся могилы растет бук с одиннадцатью странно переплетенными между собой стволами. Так сколько же солдат лежит в этой могиле?

Память о «врагах»

Обратная дорога от перевала до Сенковой — это долгий кладбищенский путь. Через каждые один-два километра стрелка указывает тропку к покрытым лесом возвышенностям. Самое большое кладбище лежит в стороне от деревни, на обнаженном холме посреди полей. 109 австрийцев и 190 немцев погибли в этой деревушке 2 мая 1915 года. Русских могил нет. Фамилии офицеров — немецкие. А рядом с ними: Яцковский Антон, Чайка Станислаус, Душинский Бронислаус, Малигловский без имени. И здесь крест, перевязанный лентой. Издалека я узнаю цвета Святейшего Престола: «Итальянский центр исторических исследований» на трех языках (ломаном польском, немецком и итальянском) воздает почести погибшим. «За память павших во время войны...» Во время той войны итальянцы были врагами тех, что похоронены на этом кладбище, их военнопленные должны были возводить это кладбище... И все-таки они помнят. А мы?

У меня, поляка, болит душа за судьбы десятков тысяч погибших солдат в русской форме, от которых и следа не осталось. Во время второй осады Перемышля (в первую осаду эту австрийскую крепость взяли русские) фон Маккензен окружил его 16-дюймовыми крупновыми осадными орудиями, которые день за днем крушили и перемальвали оборонительные валы и укрепленные форты, пока не сокрушили их настолько, что крепость пала. Где лежат наши тогдашние враги — русские защитники Перемышля?

Я расспрашиваю знакомого журналиста из перемышльского отделения газеты «Новины жешовске» о военных кладбищах в его городе. Весь его род уходит корнями в историю Перемышля, и он без запинки перечисляет: польское, австрийское (20 тыс. погребенных) и прусское (две тысячи) времен Первой Мировой войны, и кладбище солдат Вермахта — со времен Второй Мировой. А русское? Он на мгновение задумывается: да, есть один памятник — православный крест на символическом кладбище. «А где же могилы?» — спрашиваю я. Неизвестно. Но я сам могу подсказать ответ.

В своей монографии «Крепость Перемышль» Ян Ружанский писал (текст приводится по книге Р.Фродымы): «Охранники крепости сообщают, что вплоть до 1930 года, когда они совершали обход 4-го форта «Гроховице», их ноги часто по шиколотку увязали в сгнивших человеческих останках, погребенных много лет назад совсем неглубоко, под тонким слоем земли». Именно там и лежат русские.

На чужой земле

Мне уже слышится раздраженный голос читателя: «А польские могилы тебя не интересуют? Все только русские, австрийские, еврейские?»

Тридцать пять лет назад я вышел из междугороднего автобуса в Гарбатке, намереваясь с рюкзаком за плечами дойти до Чернолесья. Там, где сходились песчаная дорога в Чернолесье и асфальтовое шоссе в Пёнки, стоял неказистый крест. Деревенская женщина рассказала мне его историю: 8 сентября 1939 г. по шоссе из Пёнок в направлении Демблина тянулась толпа перепуганных беженцев. Прилетел немецкий самолет, люди разбежались. Когда налет закончился, одно тело так и осталось лежать — никто его не востребовал. Польский солдат, уже сильно за сорок, без фуражки и вроде даже без документов. Так мы его там и похоронили, на развилке двух дорог.

С тех пор мне не довелось побывать в тех местах. Стоит ли все еще там этот крест?

В 1982 г. на территории строго охраняемого заповедника, поблизости от лесничества Кшива Гура в Кампинской Пуше, тамошний лесничий показал мне солдатскую могилу, которую тоже «никто не востребовал». Все другие солдатские останки в Пуше были эксгумированы и перевезены на военные кладбища, рассказывал лесничий, а к этому одному никак подъехать нельзя, кругом бездорожье, так что этот бедняга остался под нашей опекой. Все семейство лесничего Адама Бздака, особенно его дочери Агнешка и Слава, в день поминовения усопших, на Всех Святых, шло в лес и под простреленной каской, висящей на кресте, зажигали лампадку. Цела ли еще эта могила?

Таких одиноких могил в Польше тысячи. Гораздо хуже ситуация на Востоке. По оценкам Управления по делам ветеранов, среди депортированных поляков число погибших «на бесчеловечной земле» оценивается примерно в 600 тыс. человек. Точной цифры мы не узнаем никогда. Поэтому правильно, что в сентябре в Белостоке был открыт памятник Неизвестному «Сибиряку», и хорошо, что такими активными оказались польские «сибиряки», обвиняющие в трагедии своих семей не русский народ, а тогдашние преступные власти и НКВД. В те времена многие русские от всего сердца помогли польским семьям выжить. Но если сегодня могилы этих семей брошены или просто стерты с лица земли, то всему русскому народу должно быть за это стыдно. И поэтому русский, а не польский журналист должен этот стыд описать. Я не сумею.

Могилы «своих» всегда вызывают более живой отклик сердца, тогда как могилы «чужих», а особенно «врагов», не возбуждают подобных чувств. Поэтому я восхищаюсь людьми, которым удается преодолеть это эмоциональное ограничение. И потому сейчас я напишу уже о последней группе не-

счастливых, которым выпало сложить головы безмянными на чужой и враждебной им польской земле.

Большевики

В 1972 г. я ехал по старому шоссе из Варшавы в Познань. Сразу же за Слупцей (сегодня трасса шоссе проходит иначе), при виде таблицы с названием деревни «Стшалково», что-то мелькнуло у меня в голове. Я остановился на обочине и пошел по направлению к крестьянину, привязывавшему корову на пастбище. Не дойдя до него, я споткнулся о лежащую в траве надгробную плиту. Надпись кириллицей была еще вполне отчетливой, но я запомнил только имя «Роза». Тем временем старый крестьянин приблизился ко мне и начал свой рассказ.

— У нас тут, знаете ли, зимой 20-го года был лагерь смерти для большевиков. Согнали их сюда тысячами, спали они в старых бараках и на голой земле, мерли от тифа и кровавого поноса, а уж голодали как — слов нет! Я видел, как однажды мать перебросила им буханку хлеба через колючую проволоку. Они набросились на эту буханку, как стая обшарпанных ворон. И в ту же ночь жандармы пришли к нам домой и сказали отцу, что если они еще раз кого-нибудь возле колючей проволоки заметят, то всю семью выселят.

Его рассказ потряс меня. Сегодня я знаю на эту тему больше. Разумеется, это не был лагерь смерти в том смысле, в котором ими были гитлеровские лагеря уничтожения. Это был лагерь военнопленных, в котором свирепствовали тиф и холера. Лекарств не было, да и с едой зимой того года в Польше было неважно. Это и было причиной нечеловеческих условий жизни пленных, обостренных всеобщей ненавистью к большевикам. Удивляться этому трудно. Но ведь все равно это были люди! Сегодня они лежат в уже незаметных могилах на огромном кладбище (втрое превышающем площадь крупнейшего в Галиции кладбища на Пустках), в расположенном неподалеку городке Лэнжец, в двух километрах отсюда. Они лежат там вместе с умершими в немецком лагере военнопленных 1914-1918 гг., который польская жандармерия «унаследовала» в 1919 г., превратив в свой собственный лагерь.

Четверть века спустя я вновь еду туда. На холме среди безбрежных полей стоит бедный, недавно отреставрированный памятник, увенчанный православным крестом. На краю кладбища — заросли пышных, огромных кустов: безошибочный признак братских могил. У подножья памятника лежат три надгробные плиты. Я смотрю на центральную — и не верю своим глазам: уже стершимися русскими буквами вместе с немецким текстом сообщает о своей короткой жизни моя молодая (старая?) знакомая: «Роза Серикова, 23 (или 26?) лет». Надпись составлена «навечно любящей Тёмой». Дата смерти на камне отсутствует. Кем ты была, Роза: русской санитаркой, умершей в немецком лагере? Или, может, политкомиссаром какой-нибудь из большевистских дивизий, которые в августе 1920 г. грозно наступали на Варшаву?

По обеим сторонам надгробия Розы — две столь же стершиеся каменные плиты: «рядовой Станислав Бартошевский, род. 1.X.1900, умер 2.I.1921.» и «рядовой Мих(ал?) Казмерч(ак?), род. 26.II.1898, умер 29 (месяц отсутствует) 1921». Здесь все ясно: двое польских жандармов, охранявших соотечественников Розы, заразились от пленных холерой или тифом. Сегодня все они лежат рядом, в одной земле, примирившиеся друг с другом.

И не было бы во всем этом ничего необычного, если бы мой спутник не обратил внимания на надписи и рисунки вокруг памятника с крестом. По чистой случайности он оказался исследователем тайных условных знаков сатанистских культов. И если он прав, то прошлым летом на этих надгробных плитах состоялся обряд инициации — молодую девушку принимали в ряды поклоняющихся Дьяволу. Соответствующий ритуал заключается в дефлорации девственницы, которой в ходе обряда надлежит пить кровь на могильной плите. Рисунки выглядят убедительно, хоть я и не уверен, что они подлинные. Уследить за кладбищем невозможно, так как лежит оно на пустыре. А подонки встречаются в любом народе.

Оставим на минуту в стороне грустные и достойные сожаления примеры. В заключение мне хотелось бы рассказать об одном известном мне случае, когда иностранка была похоронена

на со всеми почестями и память о ней бережно сохранилась, хоть и умереть ей выпало на чужбине — то есть в Польше.

Любовная эпитафия

Самуил Отвиновский (1575-1642) был писарем королевской канцелярии и переводчиком самого гетмана Стефана Жулкевского: он знал турецкий, персидский и татарский языки — а это в Речи Посполитой той эпохи ценилось весьма высоко. Он был послом в Стамбуле, где влюбился и откуда привез молодую красавицу-турчанку, что было поступком, для польского шляхтича неслыханным. Но Отвиновский свою возлюбленную окрестил и женился на ней — вещь еще более неслыханная. От этой большой любви осталась эпитафия, высеченная в камне на наружной стене небольшого костела в Баранове-Сандомирском. Дата смерти обозначена римскими цифрами и соответствует 16 февраля 1640 года.

*Здесь чужеземка лежит погребена
Самуила Отвиновского верная жена
Каковой знаток науки драгоманской
Много лет проведши в Царстве Оттоманском
Меня возлюбивши и заповедям внемля
За себя взял за муж и привез в эти земли
Где лет двадцать и шесть был усердный мне радатель
И добродетелью платил за добродетель
И меня похоронивши здесь в христианской вере
За что ему Боже воздай в полной мере
Лета от Р.Х. MDCXL Мес. Фебр. Дня XVI.*

Самуил Отвиновский скончался через два года после смерти жены.

Примечание: Эпиграф к этой статье представляет собой цитату из надгробной надписи на одном из австрийских кладбищ Галиции.

«Жечпосполита», 2002

Анджей Титков

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАПИСЬ ОТ 2 ИЮНЯ 1975 ГОДА

Те, кто приговорил меня к небытию, —
сами давно мертвы.
Те, кто мне приказал молчать, —
сами себе заткнули рот.
Те, кто наклеил ярлыки
и распихал по тесным ящикам
мой мозг, мой язык, сердце, качавшее кровь, —
сами провалились в бездонный ящик.
Те, кто обрек меня на забвенье, —
забыли свои имена.
Запах скошенной травы для них значит не больше,
чем стон дерева, падающего под топором.

ЗАПИСЬ ОТ 25 МАЯ 1986 ГОДА

Десять лет назад
умерла моя бабушка.
Она родилась сто лет назад
и пережила четыре войны,
в том числе две мировые,
а кроме того три или четыре революции.

Я так и не взял ее под руку
и мы не прошли те несколько сотен шагов
от ее дома до театра,
где давали
«Трех сестер» Чехова.

Она — одна из трех сестер —
всегда жалела,
что Тузенбах погибнет на идиотской дуэли,
Вершинин уйдут с гарнизоном на запад,
а сестры не поедут в Москву,
через которую вроде как протянут шнур.

Когда она умирала,
я в несуществующем городе Згожельце
делал очередное ненужное кино,
пытаясь при помощи фильма окрутить
молоденькую девчонку,
для которой единственным богом
был клочок бумаги
с портретом американского президента.

Лешек Шаруга

СУЩЕСТВОВАНИЕ КАК ЗАДАЧА

Анджей Титков — режиссер-документалист. Многие из его фильмов посвящены писателям. Как поэта литературоведы причисляют Титкова к «новой волне» (поколению 1968 года): он дебютировал в 1976 г. книгой стихов «Вступление к ненаписанной поэме». Следующая книга — «Записи, заклатья» — вышла двадцатью годами позже. Этот сборник — поэтический документ прошедшего времени, но и попытка найти свое, особое место,

подтвердив при этом принадлежность к общности. Поэт защищает смысл существования, которое — читаем в заключительном стихотворении сборника — есть «палимпсест Бога видящего сон».

Существование в этой поэзии — задача, которую необходимо выполнить, стихотворение — как бы догадка, которая то и дело приходит вновь, чтоб никогда не восполнить весь смысл. Поэтические записи и заклятья — попытка домыслить себя, докопаться до себя, запечатлеть медитативное озарение миром. Однако озарение в этих стихах всегда подтверждено экзистенциальным опытом. Опыт и есть предмет догадки — только так рефлексию о бытии можно проверить на подлинность. В произведениях Титкова ощутимы вкус истории и атмосфера повседневности не только последней четверти века (первая запись датирована 1963 г.), но и всего послевоенного периода. Познавая этот мир, мы оказываемся не только в Польше, но и в иных пространствах: в Будапеште, Москве, Оберхаузене, Брюсселе, Праге, Рио-де-Жанейро — в измерениях, которые накладываются одно на другое нарастающими слоями опыта и фантазии. Здесь и «Котяра, именуемый Берией», и чешский студент Ян Палах, совершивший самосожжение в знак протеста против оккупации своей страны. Мы видим танки на польских улицах и «круглый стол», Берлинскую стену и драму Станислава Ляталло в Гималаях. Слышны голоса Достоевского, Камю, Кафки. Сон смешивается с явью, явь проникает в сон: «я просыпаюсь / я всего лишь оружие / через меня открывается / малая частица / неизбежной Правды».

К этой Правде — неуловимой, но неизбежной — изначально устремлена поэзия Титкова: верная реальности и упрямо строящая связи между пережитым наяву и в воображении. Случайность жизни обретает здесь бытийное достоинство в сознании парадокса: «Эта случайность, что воплотилась во мне, необходимость, / создавшая «я», со всех сторон окруженное мною, / но не самодостаточное, — требует имени».

Умирая,
она, наверно, думала обо мне,
а может, даже знала,
что все-таки я возьму ее под руку
и мы вместе пойдем в этот театр,
где вечно играют «Трех сестер».

ЗАПИСЬ ОТ 12 ИЮНЯ 1988 ГОДА

У меня есть крыша над головой
в этом крепком доме,
где столько чужих следов.

У меня есть крыша над головой
из трех бетонных плит,
которые служат полом
чужой квартиры.

Когда я вижу бездомных собак,
все бездомное во мне
поджимает хвост
и воеет вместе с ними,
но у меня-то есть крыша над головой
и миска почти полна.

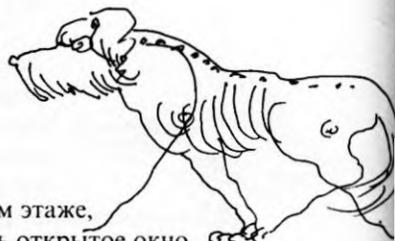
Мозгляк,
чего ты ищешь на десятом этаже,
когда смеркается и сквозь открытое окно
доносится рык ежедневной супружеской свары?

12.07.1991

Мой сын
стал отцом
а я все так же прильнув к иллюминатору
в самолете
его голосом спрашиваю —
из чего сделаны тучи?

6.11.1992

Анджей Завада

Перевод
Андрея Базилевского

БРЕСЛАВ

Лукашу

Есть такой город — Вроцлав.

«Бреслав-на-Одре, город в Германии, столица Силезии и тамошнего княжества, с епископством, подчинённым суфрагану Гнезно с 1033 или 1035 года. Латинские авторы называют город *Vratislavia Budorgis* или *Budorigum*. Один из великолепнейших и благороднейших городов во всей Германии, он возвысился ещё в одиннадцатом веке».

Так начинается пространное описание Вроцлава в книге «*The Great Historical, Geographical, Genealogical and Poetical Dictionary Being a Curious Miscellany of Sacred and Prophane History*». Название энциклопедии обширностью своей подобно цитируемой статье о Вроцлаве, поэтому после начальных строк приведу лишь окончание: «*The Second Edition Revised, Corrected and Enlarged to the Year 1688; By Jer. Collier, A.M. London, MDCCI*».

Это, трёхсотлетней давности, английское описание Вроцлава я обнаружил в домашней библиотеке профессора Гуго К. Якоба в голландском городе Гронингене.

1. Долго я чувствовал себя во Вроцлаве иммигрантом.

Правда, я здесь учился, приобрёл друзей, а через несколько лет завёл семью, но сколько бы ни выходил на улицу, у меня всегда было ощущение, что я за границей. И даже то, что вокруг звучала польская речь, не снижало силы этого ощущения.

Я родился в Велюни (откуда родом семья моей матери) и жил там шестнадцать лет. В физическом выражении реальность была в тех краях не так масштабна. Но у каждого города было очевидное и для всех естественное прошлое, которое объективно существовало, хотя и терялось в забвении.

Впервые я приехал во Вроцлав первого или второго июля 1966 года. Свежим солнечным утром шел я с Центрального вокзала к университету, чтобы в качестве кандидата в студенты принять участие во вступительных экзаменах. Широкие улицы, трамваи, большие каменные дома начала века не производили на меня особого впечатления, хотя прежде я жил среди невысоких домиков с садиками. Что ж — большой город, больше, чем те, что я видел до сих пор. Но вот открылась перспектива улицы Свидницкой, и передо мной предстала воплощенная красота: над плоскостью рыночной площади возвышалась лёгкая, почти ажурная конструкция Ратуши, сложенная из красного средневекового кирпича, тронутая тёплой позолотой утреннего солнца. До этого я знал вроцлавскую ратушу лишь по фотографиям, а теперь мог шагать по плитам окружавшего ее тротуара — словно вдруг попал в реальность литературного вымысла. Мы ищем в себе это чувство, когда в качестве туристов посещаем заграничные города, прежде знакомые по цветным картинкам в путеводителях и альбомах.

В последующие годы я не раз бывал в ратуше, а уж мимо проходил сотни раз. Но я помню свой первый восторг и не позволяю ему потускнеть.

Первого октября 1966 года я начал изучать филологию во Вроцлавском университете. В здание мы входили с улицы Гродской, 12, через красивые кованые ворота... Теперь этот вход закрыт, на место садика перед ним втиснута автостоянка для преподавателей факультета. В ностальгии, с которой я вспоминаю тот садик, есть доля фальши — так смотрит охотник на выделанную шкуру кабана: я ведь тоже паркую на этой стоянке свою машину.

2. Польский университет во Вроцлаве отмечает свой полувековой юбилей. Однако в данном случае прилагательные, определяющие национальную принадлежность, следовало бы употреблять гораздо осторожней, чем это делали до сих пор. Польский Вроцлавский университет основан в 1945 году. Сюда была репатрирована большая группа учёных из бывшего львовского Университета Яна Казимира. К львовянам присоединились заброшенные сюда войной преподаватели и ассистенты из других разгромленных польских университетов. Вслед за профессорами из Львова в 1946–47 годах прибыло (еще и по сей день не в полном объеме) собрание огромной библиотеки имени Оссолинских, основанной в 1817 году. Его разместили в бывшем монастыре, основанном в 1253 году двумя Пястами — князьями Генриком III и Владиславом. Для вящего интереса добавлю, что в XIX веке, после упразднения ордена, в этих внушительных зданиях располагалась гимназия св. Матфея, в которой до 1875 года преподавался польский язык.

В пропагандистском смысле, для властей Народной Польши, Польский университет во Вроцлаве был бесценен. Есть университет — значит, на территории, присоединенной к Польше после II мировой войны, в ее важнейшем городе, сосредоточен значительный интеллектуальный потенциал. Мир тогда не знал слова «Вроцлав», он привык к названию «Бреслау». В августе 1948 года во Вроцлаве был организован Мировой конгресс интеллигенции в защиту мира. Это была инициатива польских (наверняка и советских) политиков, поддержанная оптимистически и конформистски настроенными художниками и учёными Польши и Франции. На конгресс съехалось около 400 делегатов, представлявших, как сообщалось, 46 наций. Прибыли Пабло Пикассо, Поль Элюар, Джулиан Хаксли. Приехала Ирен Жолио-Кюри. Альберт Эйнштейн прислал обращение с призывом создать мировое правительство, способное контролировать атомное оружие. Организаторы конгресса не позволили зачитать обращение Эйнштейна.

Вскоре к названию университета добавилось имя его нового «покровителя». Им стал тогдашний президент, бывший скромный коммунистический агент. Имя этого «президента» в названии университета на много лет пережило его самого, и потребовались длительные усилия, чтоб наконец от него избавиться. В 1968 году бастующие студенты закрашивали это имя масляной краской, но власти вешали на стены новые таблички. В декабре 1981 года университетский Сенат принял решение о том, что больше у университета не будет «покровителя», но введенное через три дня военное положение аннулировало решение. Пришлось дожидаться конца восьмидесятых годов, чтоб наконец избавиться от унижительного довеска, воспринимавшегося как позорное клеймо.

Но не об этой печальной истории и не о конгрессе интеллигенции думаю я, когда — на машине или велосипеде — проезжаю мимо красивого здания Политехнического института, где в год моего рождения состоялся этот конгресс. Меня радует гармония архитектуры, густые деревья на бульваре вдоль Одры, которая спокойно течёт, игнорируя глупость и козни политиков.

3. Вроцлав издавна был скоплением гнезд человеческих — поселений, укрывшихся среди многочисленных рукавов Одры, — здесь было безопасно, как в ветвях густого дерева. Прав Дж. Коллье, который писал триста лет назад: «Река Одер служит Бреслау защитным рубежом и торговым путём, по которому купцы стекаются отовсюду».

Одра была естественной преградой для врага и содействовала торговле, что, как видно, имело значение для наших предшественников и в том смысле, что придавало их существованию некий блеск. Века текли, как вода, берега Одры заселялись гуще, но для новых районов и теперь хватает места.

Из окон старого монастыря, куда мы входили через калитку (там, где теперь автостоянка), видна широкая протока Одры, вдоль которой идет улица. В бывшем монастыре полвека назад обосновался филологический факультет, в одной из келий помещается и мой кабинет. Когда сидишь в прохладной

тишине полутораметровых стен, приятно думать, что до тебя здесь обитал ряд предшественников, легче надеяться, что будут и преемники. Хорошо, когда знаешь, что ступаешь по земле в месте, которое еще в доисторические времена выбрали местом своего обитания какие-то племена, что тысячу лет назад здесь уже был центр города, что в пятидесяти метрах отсюда янтарный путь, ведущий с Балтики к Адриатике, пересекался с трактом, ведущим из Киева на запад.

Когда я работаю в своей монастырской келье, я чувствую, как через плечо мне заглядывают монахи, уступившие мне место. Францисканцы и премонстраты. Первые начали возводить этот монастырь в XIII веке, вторые пришли им на смену в начале XVI века, когда францисканцы перешли в протестантизм. С начала XIX столетия в этих зданиях размещался прусский суд, но, к счастью, он не оставил после себя тяжёлой казарменно-чиновничьей атмосферы. И хотя ежедневно через главную трапезную проходят сотни беседующих, смеющихся студентов, здесь царит мягкая, снисходительная тишина. Когда я обедаю в факультетском кафе, то сажусь за столик у стены — в стене готическая ниша, где некогда стояла статуя какого-то святого. За стеной огромный собор святого Викентия. Строительство храма начал в 1226 году князь Генрик Благочестивый. В 1241 году монголы убили князя в битве под Легницей, здесь его и похоронили. А в костеле святой Клары, который рядом построила вдова Генрика, княгиня Анна, обрел вечный покой род силезских Пястов и некоторые дочери иных ветвей рода. Здесь лежат княгиня Анна и святая Ядвига. История не могла найти для полонистов лучшего соседства.

После полудня, а часто уже вечером, я выхожу из гостеприимного монастыря — пора возвращаться к реальности. Ещё в годы моего студенчества ремонт монастырских строений был завершён, им возвратили центральный вход, со стороны площади Нанкера.

Нет, площадь Нанкера — не лучшее место для людей, остро переживающих историю. Правда, нынешнее название, как почти все названия во Вроцлаве, было дано площади в год окончательного поражения Германии, но память ее — словно многослойный палимпсест.

Лежит она, как я уже говорил, на пересечении янтарного пути с дорогой Восток-Запад. Торговля янтарём в давние времена, видимо, была весьма развита, если в 1906 году в южном предместье города откопали янтарный клад в тонну весом, а в 1936-м здесь же, неподалёку, был обнаружен клад весом 1750 килограммов. Значит, здесь издавна был центр торговли, историки говорят, что в XII веке это была самая старая в городе рыночная площадь, и когда я смотрю на торговые ряды, стоящие напротив филологического факультета, я понимаю, что значит старое выражение *genius loci*. Рядом с костелом св. Викентия стоял каменный дом для приезжих купцов. Здесь всегда велась торговля и всегда смешивались языки. Торговля и филология. Неоготические торговые ряды, построенные в 1908 году, воплощали новаторское архитектурное решение — это была железобетонная арочная конструкция. Студенты из окон аудиторий видят часы на ее башне. Торговые ряды возведены на месте Пяскового Арсенала, который занял место резиденции любушских епископов. За торговыми рядами сохранились большие фрагменты оборонительной стены с башней.

Итак, я выхожу из здания филологического факультета и иду по площади Нанкера. Нанкер принадлежал к роду силезских рыцарей и стал вроцлавским епископом во времена короля Владислава Локетекса, так давно, что в название площади не включили его имени. В своей епархии он не разрешал принимать на работу учителей, которые не знали польского языка. Ему пришлось быть епископом во времена, когда Вроцлав, вместе со всей Силезией, перешел от поляков к чехам. Умер, не оставив сына, князь из рода Пястов Генрик VI, и вроцлавское княжество по завещанию перешло к Иоганну фон Бёмену, известному в Польше под именем Ян Люксембургский. Новый король не желал видеть Церковь в роли защитницы польского начала. Последовали драматические события: король штурмом взял епископский замок в Миличе, а епископ, обороняясь, предал его проклятью.

Я прохожу мимо костёла святого Викентия, на три четверти разрушенного во время последней войны и все еще не вполне отремонтированного. За ним костелы святой Клары и святой Ядвиги с мавзолеем Пястов, рядом монастырь — некогда кларисс, а ныне урсулинок, которые основали здесь женский лицей. Чуть дальше академический костел святого Матфея. В XIII веке он был часовней Пястов, а затем госпиталя крестоносцев, в котором теперь Оссолинеум. В XVI и XVII веках он выполнял роль главного польского костела в городе и что-то от этой роли сохранял в течение XIX и первой половины XX века, когда стал костелом гимназии святого Матфея.

Здесь кончается площадь епископа Нанкера, непростое место для тех, кто чувствует историю. Проходя по площади, я смотрел только направо, о зданиях по левую руку я нынче не вспомнил, а ведь там, например, стоит раннеготический дом тшебницких цистерцианок, раскопанный уже после войны, — самый старый во Вроцлаве жилой дом. Не слишком внимательно смотрел я и под ноги — а то бы вспомнил, что прохожу через прилегающее к костёлу святого Викентия кладбище, одно из семидесяти, что были когда-то в городе. Кладбища в центре, в том числе и это, были ликвидированы в XVIII веке.

4. Нужно не более двух минут, чтобы пройти через этот окаменевший концентрат вроцлавского прошлого. Не менее тысячи лет неисчислимых индивидуальных и коллективных усилий, поражений, достижений, удач, сомнений, отречений, часто и страданий — и две минуты прогулки, рассеянный взгляд, брошенный на разнообразие стилей и форм. Вот как глубока неблагодарность памяти.

И вот как глубок разум памяти, предохраняющий от паралича жизненных сил, который неизбежно вызвало бы последовательное углубление в прошлое. На каждый участок земли, нужный для постройки дома, в любом европейском городе приходится такое количество личных и коллективных судеб, изобилующих драматическими коллизиями, что жизни не хватило бы, чтоб их реконструировать. И может быть, философия выживания тут уместней, чем позиция туриста?

Достаточно ли быть в своем городе туристом? Англичанин Коллье легко может принять такую точку зрения. Он считает Вроцлав городом красивым и богатым. Так же, как и мне триста лет спустя, ему понравилась ратуша, рынок, великолепные костёлы. «Здесь большие рыночные площади, — пишет он, — длинные и широкие улицы, чудесные дома и величественные храмы. Ратуша, построенная на одной из таких площадей, — одно из красивейших зданий в Германии — украшена часами в стиле этой страны».

На самом-то деле вопрос звучит иначе: как не быть туристом в своём городе? Как быть дома в городе, где почти всё, что старше полувека, построено «в стиле этой страны»?..

Сегодняшний Вроцлав — плод веры человека в свое могущество, убеждения, что силой воли можно не только обращать реки вспять, но и по своему разумению отнимать у народов одну родину и выделять им другую. Для обществ, в коллективной памяти которых уже не сохранилось никаких следов кочевой предыстории, это довольно трудный опыт. Более полумиллиона людей, исторически именуемых немцами, было отсюда вышвырнуто. А сюда привезли более полумиллиона людей, исторически называемых поляками, тогда же выброшенных из другого города в других краях, на несколько сот километров восточней.

Правда, так называемые немцы, приходившие с запада, оседали здесь постепенно, в течение сотен лет, германизировали изначально славянский элемент и сами испытывали определенную эволюцию, в результате которой становились, наравне с коренным населением, скорее силезцами, чем немцами.

Правда, так называемые поляки были плодом многовековой дистилляции польской, украинской, еврейской, австрийской составляющей еще с некоторыми примесями, но во Львове и его окрестностях они были «у себя дома». Теперь и одни, и другие убедились, что в чужую родину человека могут переодеть, как в чужой мундир.

5. Оставив позади площадь епископа Нанкера, миновав Оссолинеум и костел Иисуса, я вошел в главное здание университета. Сажу на одной из скамей актового зала, именуемого «Леопольдинум». Во второй половине XVII века иезуиты основали на этом месте коллегium, неплохую, коль скоро английская энциклопедия упоминает о ней, как о «fine Collegium». Уже задолго до этого город мог позволить себе университет, и в 1505 году король Владислав Ягеллон издал указ о его основании. Однако создать университет не удалось, этому воспротивилась Краковская академия, опасаясь потерять студентов из Силезии, которых в Ягеллонском университете обычно было изрядное количество. В 1702 году иезуитскую коллегию преобразовали в академию, название которой принял нынешний актовый зал университета.

Огромное барочное здание университета иезуиты возвели на месте прежней коллегии и гимназии, которые оказались тесноваты. Не удивительно — ведь они располагались в старых помещениях замка, который помнил еще Пястов. Вроцлав получил великолепное, внушительное здание нового университета, но утратил замок, а вместе с ним и важную часть исторической памяти.

Я сижу в прохладной тишине «Леопольдинума» и вновь разглядываю хорошо известный мне барочный интерьер. Фреска на своде представляет сцену основания академии и передачи ее под покровительство Матери Божией. Апсида с ректорскими ложами лишь немногим скромнее, чем богато украшенный алтарь, а хоры поддерживает один из потомков знаменитого рода силезских разбойников, позднее графов, Антоний. Вдоль стен ритмично чередуются с высокими окнами почетные скамьи профессоров. Между этими скамьями я ночевал на полу во время студенческой оккупационной забастовки в марте 1968 года. В этом зале, впервые одетый в тогу, я получал кандидатскую степень, здесь же мне присвоили степень доктора. Теперь мне случается сидеть на одной из этих скамей во время университетских торжеств. Однако, помня, что у старой девы Истории весьма капризный характер, я не делаю из этого никаких выводов.

Меня не отвлекают ни громкий немецко- и англоязычный шепот, ни стрекотанье фотоаппаратов и видеокамер. Японские туристы осматривают интерьер с несколько дежурным восторгом, немецкие — с долей такой же формальной ностальгии. «Леопольдинум» — действительно «жемчужина силезского барокко», на него стоит посмотреть. В 1945 году он сильно пострадал от бомбардировок, но поляки восстановили его в точности. Ему удалось сохранить исконное название как во времена идеологического догматизма III Рейха, так и во времена сталинской Польши. Приятно, когда слова оказываются прочнее, чем границы и социальные системы. При отсутствии более стойкого материала из них можно свить себе родное гнездо.

6. Вроцлав — город, которому ампутировали память.

Я с трудом привыкал к этому городу, мне на каждом шагу мешало и вызывало боль его увечье. Невозможно идти по улицам Вроцлава и не думать об этом. Поэтому полезно иногда отсюда уезжать, чтобы побывать в других местах, которые помнят свое прошлое, где традиция определяет настоящее. Я имею в виду не только те особенные места, по которым мы можем читать историю своей семьи. Я думаю не о тех местах, где мы можем сказать: в этом костеле обвенчались мои прадедушка и прабабушка, на этом месте стоял их дом, а здесь много поколений жили наши соседи. Речь идет о местах, которые вписаны в нашу общую память.

Поэтому хорошо пройтись по улицам какого-нибудь европейского города, где не только не скрывают прошлого, но и рассказывают о нем каждому туристу. Прошлое Вроцлава скрывают, как в так называемой хорошей семье скрывают постыдную тайну чьего-нибудь «неподобающего» происхождения.

Путешественника, который приезжал сюда поездом, много десятков лет встречала огромная неоновая надпись: «Добро пожаловать в пястовский Вроцлав». Молодому жителю этого города, который ходил или ходит здесь в школу, предлагаются сведения, немногим более обильные, чем информация, содержащаяся в упомянутом призыве. Можно винить в этом послелялтинскую идеологию, задачей которой было столь же внушить, сколь и напомнить о том, что эти земли имеют средневековую славянскую генеалогию. Изгнанники из восточных польских городов и деревень, перешедших под непосредственное правление коммунистической российской империи, получили примитивно сколоченный субститут новой традиции, расцвеченный яркими мазками упрощенных исторических тезисов. Сомнительно, чтобы была хоть какая-то польза от скроенной на такой лад истории.

Достойно сожаления, что подлинный славянский элемент прошлого этого региона глупо фальсифицирован, а не использован, как следует.

Винить следует и наследие предвоенной национал-демократической идеологии, польской разновидности национализма. В сравнении с современным ему немецким вариантом польский национализм был весьма мягок, тем не менее он предполагал, что в будущем Польша — ассимилировав меньшинства — должна стать страной одного народа, одной религии и одной культуры. В Польше 1918-1939 годов у этой концепции было немало противников, но увы — история руками Гитлера и Сталина осуществила безумный замысел. Может быть, думая, где учиться, я выбрал Вроцлав, потому что подсознательно хотел хоть в чем-то избежать такой гомогенизации?

Англичанин Коллье информирует читателей своей энциклопедии, что Вроцлав «лежит в 120 милях к северо-востоку от Праги, в 130 к северо-западу от Кракова и в 170 к северу от Вены». Включенность в столь великолепный четырехугольник кое о чем говорит, не так ли? Джереми Коллье ценит независимость и могущество города. «Бреслав, — пишет он, — очень силен и прекрасно расположен». Это благородное прошлое и нас кое к чему обязывает.

Те, кого переселили сюда после II Мировой войны, и те, кто приехал добровольно, в поисках более свободного жизненного пространства, старательно и с воодушевлением стирали, а реалистически говоря — уничтожали следы немецкого прошлого. Разбирали памятники, срывали вывески и соскребали надписи, упорно выискивали покрытые патиной столетий крохи всего польского. Особенно удивляться их поведению не следует. Они прибыли в чужой город, разрушенный и побежденный, в город врага, который шесть лет угнетал их и убивал. Но в них уже не было ненависти. К оставшимся в городе немцам они относились хорошо. Опасны для мира, невменяемы были немцы в мундирах. Напротив, в отдельных гражданских лицах пришельцы даже могли видеть жертв истории, подобных им самим.

Вновь прибывшие — что вполне естественно в такой ситуации — полагали, что, поднимая город из руин, восстанавливают его для себя. Здесь им суждено было жить, воспитывать новые поколения и умирать. Поэтому каждый, как мог, должен был сочинить этому городу некое прошлое, для него приемлемое. Со временем, по мере того, как люди обживались, вращались в город, неизбежно приходил более объективный интерес к прошлому. Приходило убеждение в том, что деление традиции по критерию национальности — то есть на традицию польскую, чешскую, немецкую, еврейскую — в сущности условно и не отражает реальной картины прошлого, которое есть процесс, полный взаимосвязей и взаимосражений. Проходя по длинному университетскому холлу, я миновал вмурованную несколько лет назад, уже после падения коммунизма, табличку с фамилиями восьми вроцлавских лауреатов Нобелевской премии. Среди них нет ни одного поляка, но это не имеет значения. Они были вроцлавянами. Работали, а некоторые только учились в нашем университете. В хорошем городе между Веной, Прагой и Краковом.

Однако, кажется, пора покинуть гостеприимный «Леопольдинум». Я и забыл, что близится вечер, к тому же сентябрьский, время фестиваля «Vratislavia Cantans». Вечером здесь будет концерт — уже пришла команда техников со множеством кабелей, микрофонов и т.д. В зале хорошая акустика, камерные концерты звучат среди его барокко очень сочно.

Впрочем, не только камерные. Несколько лет назад я узнал, что именно здесь состоялось первое исполнение «Академической увертюры» Иоганна Брамса, написанной по случаю присуждения композитору почетной степени доктора университета в Бреслау. Для меня, вроцлавянина и члена академической общины, это хорошая новость — ведь музыка универсальна, как сама идея университета.

7. Еду домой, направляюсь в сторону Грюнвальдского моста, одного из важнейших мостов города. Во Вроцлаве более двухсот мостов, виадуков и мостиков, но Грюнвальдский, бывший Императорский, — самый внушительный и самый известный. Это висячий мост, его характерный, гармоничный силуэт виден издали. Одра здесь широкая, мост переброшен сразу за устьем Олавы, и в путеводителях пишут, что длина переправы в этом месте составляет 216 метров. Она соединяет старый центр с районами, построенными в начале XX века, когда население города превысило полмиллиона. В 1808 году Вроцлав насчитывал 64 тысячи жителей, а в 1909 их было уже 528 тысяч. Такова мера цивилизационного скачка, совершенного девятнадцатым столетием. Императорский мост продолжил город на восток, в сторону Польши.

Если на дворе не зима и не идёт дождь, я с удовольствием езжу на велосипеде. Можно свернуть с забитых машинами главных магистралей и ехать по набережной Одры. С площади Нанкера выезжаю по тенистому бульвару, с которого виден расположенный на другом берегу Остров Тумский с высокими башнями готического собора святого Яна, с внушительной, готической же, коллегиатой святого Креста. Это двухуровневый храм, построенный в XIII-XIV веках. В XIX веке верхний храм выполнял роль польского прихода восточной части города. Здесь похоронены основатель собора, князь Генрик Пробус и покровитель нынешней обители филологов, епископ Нанкер.

В названии Острова Тумского остался след его островного происхождения. С XI века это церковная территория. Помимо собора и коллегиаты здесь стоят ро-манский костел святого Мартина и старейшая романская постройка в городе — костел святого Эгидия. С южного берега хорошо виден и епископский дворец. На Острове Тумском размещаются также монастыри, дома для ушедших на покой священников и Папский теологический факультет. Кроме туристов здесь любят гулять влюбленные парочки. Когда приходишь сюда, заметно, что земная и небесная любовь — сестры-близнецы и неполны друг без друга.

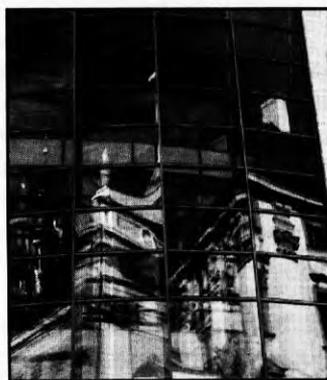
Однако я еду прямо домой, мне достаточно глянуть на панораму башен и остроконечных красных крыш. Проезжаю мимо построенного в голландском стиле здания Национального музея, потом минуя громадное здание воеводской администрации, и вот я на Грюнвальдском мосту. Переправляюсь с левого берега реки на правый. Пересекаю чрезвычайно широкую Грюнвальдскую площадь: здесь был городской квартал, который немцы разрушили за пять минут до своего окончательного поражения в марте 1945 года. Это был так называемый учёный квартал — на краю его уцелело здание Политехнического института. Военные власти города, уже осажденного тогда советскими войсками, сочли необходимым именно здесь построить аэродром. В результате погибло около пятнадцати тысяч человек и исчез красивый, богатый район.

Война шла в этом городе всего полгода, но стала его окончательной трагедией. Из тридцати тысяч домов в руины было обращено двадцать две тысячи. Город, заново отстроенный после таких разрушений, стал бы другим городом, даже если бы его восстанавливали прежние жители.

До конца 1944 года Вроцлав стоял нетронутым. Бомбардировщики союзников так далеко не долетали, русские тоже не бомбили его. Здесь нашли пристанище беженцы с запада Германии, число жителей выросло до миллиона. В январе 1945 года военные власти распорядились об эвакуации города, и в течение месяца Вроцлав покинуло около семисот тысяч человек. Женщины и дети брели в снегу, на морозе. Теперь уже не счесть жертв той зимы, их были тысячи. Поэтому когда я вхожу в какой-нибудь из костелов, меня настигает мысль: сколько немцев молилось здесь о том, чтоб поскорее кончилась война, которой они не хотели и которая в конечном счете и у них отняла жизни. Во всяком случае — отняла родину.

Вроцлавский митрополит, кардинал Болеслав Коминек рано понял это и стал инициатором письма польских епископов, направленного в конце шестидесятых годов епископам немецким. Польские церковные иерархи сочли, что уже пришло время примирения, и обратилась к немецким иерархам со словами, которые стали хорошо известны и в Польше, и в Германии: «прощаем и просим прощения». Но поскольку военные преступления поляков перед немцами были несравненно меньшими, чем немецкая вина перед поляками, христианский жест епископов не сразу был понят в Польше. Было еще слишком рано, польская память еще не переварила опыт последней войны, а вроцлавская память еще не освоила город настолько, чтобы чувствовать себя в нем дома и прощать вину с позиции того, на кого напали.

Глядя издали на башни собора, на которых недавно появились новые шпили, переводя взгляд на высотные здания, выросшие на трагическом месте, где в 45-м строили аэродром, я не всегда

думаю о трудностях взаимопонимания между немцами и поляками и о преступной силе глупости. Качу на велосипеде вдоль берега. Одра тут течет красиво, стоически спокойно, а этого, как правило, хватает, чтобы перестать анализировать историю. У этой реки есть навевающий покой ритм вечности; и среди компонентов этого ритма — ирония и снисхождение.

И вот уже я въезжаю на нарядный, симпатичный Звезинецкий мост, в каменных опорах и стальных арках которого воплотилось всё очарование сецессии. Говорят, на этом месте с незапамятных времен был деревянный мост — через него город сообщался с ближними деревнями, снабжавшими его провизией. Здесь же проходила дорога в охотничьи угодья — Бишофсвальд, епископский лес.

8. Теперь здесь проходит дорога в районы Семпольно и Бискупин. Здесь немало осталось от епископского леса — не только от самой идеи, но и в материальном смысле. Слева начинается Щитницкий парк, крупнейший во Вроцлаве — его площадь 112 гектаров. Я проезжаю мимо расположенных на краю парка киностудии и огромного крытого рынка Jahrhundert Halle (ныне — Халя людова). Это возведённое в 1911-1913 годах сооружение было тогда крупнейшей в мире купольной постройкой; все восхищались его бетонной модернистской конструкцией. Справа тянется территория Зоологического сада, основанного еще в 1865 году. Солнечными летними утрами через открытое окно я слышу отдаленный львиный рёв.

Вот тут мы и живём. На развилине Одры, которая справа заключает нас в двойные объёты каналов — паводкового и судоходного, а слева окружает широким руслом главного течения. Не далее чем в трехстах метрах от воды стоит дом, в котором среди нескольких десятков квартир — и наша. В этом доме живут в основном наши знакомые и коллеги из вроцлавских вузов. Бискупин — в некотором роде район учёных. Сразу после войны городские власти выделили покинутые немецкие виллы профессорам университета, политехнического института и других, создаваемых тогда, высших школ. В шестидесятых-семидесятых годах поодаль от квартала вилл поставили небольшую группу многоквартирных домов. Более чем наполовину их жильцами были — тогда еще молодые — учёные. Красоты от этих строений в тихом пригородном районе явно не прибавилось, зато укрепилась своего рода культурная преемственность. Ассистенты и кандидаты могли встречаться тут во время прогулок со своими профессорами и продолжать дискуссии, которые, как известно, всегда прерываются на самом интересном месте.

Бискупин — район не старый. Конечно, когда-то и тут была деревня — она даже упоминается в папском документе 1155 года. В городскую черту ее включили в 1928 году, большинство домов построены в тридцатые годы. Польский отрезок современной биографии Бискупина по крайней мере втрое дольше, чем немецкий. Я противник таких сопоставлений, но они то и дело приходят в голову. Надеюсь, что родившиеся здесь поколения уже не будут знать увечья исторической и национальной раздвоенности.

В Бискупине бывал во время последней войны мой отец, отправленный во Вроцлав на принудительные работы. Молодой, двадцати с небольшим лет, он в свободные от работы воскресенья приезжал сюда с компанией ровесников отдохнуть на Опатовицком острове. Отец был вроцлавянином недолго, всего два года, но жил тут активно. Юность, подполье, работа, любовь... Он всегда с особым чувством вспоминал об этом городе. Нам тоже что-то передалось от его симпатии.

От нашего дома до Опатовицкого острова не более пяти минут пешком. Метафорически говоря — вроцлавянин уже во втором поколении. Правда, когда я сюда приехал, мне было уже восемнадцать лет, но за четверть века до этого здесь жил мой отец, который потом вернулся сюда навсегда, чтобы упокоиться на Грабишинском кладбище.

9. Во Вроцлав как раз приехали немецкие лицеисты, которые несколько недель будут работать на реконструкции еврейского кладбища. Девушка говорит телерепортеру, что ей это очень интересно: она чистит замшелую надгробную плиту, с трудом разбирает фамилию человека, о котором ничего не знает. А ведь эти полтора десятка букв — чья-то жизнь, столь же подлинная, как и наша. И наша жизнь станет такой же анонимной, — добавляет она. Еврейское кладбище возникло 140 лет назад и пережило

наступление Красной Армии, которое шло именно отсюда, с юга. Молодые немцы приехали во Вроцлав, чтобы участвовать в воссоздании универсальной, наднациональной памяти города. Две мировые войны, Холокост, изменение государственной принадлежности — все это выдержали во Вроцлаве еврейские кладбища. Но ни одно немецкое не выдержало последней из этих перемен. В нескольких крупнейших некрополях, основанных в прошлом столетии, уже одни только польские надгробия. Прошло двадцать положенных лет — и въехали бульдозеры. Что это было — акт варварства? потребность в психической стабилизации?

Дж. Коллье, мой любимый энциклопедист, с сожалением констатирует, что в середине тысячелетия дела во Вроцлаве шли не так хорошо, как прежде. «В шестнадцатом-семнадцатом веках, — пишет он, — и на его долю выпали несчастья, постигшие Германию во времена религиозных войн».

Коллье не мог знать, что произойдет потом. Впрочем, он отвечал за весь мир — не только с его географией и историей, но и с его идеями. Очередная буква алфавита ставила перед ним новые задачи.

10. Вроцлав — Вратиславия — Бреслау — Вроцлав. Города развиваются и гибнут, растут и застывают на полу-эпохе, как разговоры обрываются на полуслове. Обычно меняется их территория и архитектура. В экстремальных случаях города меняют названия, язык и даже жителей.

Тогда можно рассчитывать уже только на их столь же неуловимую, сколь и неистребимую атмосферу.

Эманацией чего, каких именно элементов этого города она является — я не берусь угадывать. Это нечто вроде души, это нематериально, но мы не уверены, что, лишившись материи, оно могло бы существовать. Верить, что могло бы — гораздо безопасней, чем сомневаться, а сомневаться — еще труднее, чем верить. Так или иначе, какие-то частицы души города осели и на словах, а не только на стенах и на деревьях. Здесь было много писателей, мыслителей, добросовестных свидетелей истории и терпеливых хронистов бытия. В костеле святого Матфея похоронен Ангелус Силезиус, Ангел Силезский, поэт-мистик эпохи барокко, которого переводил на польский Адам Мицкевич. У Силезиуса были польские корни, писал он по-немецки, был врачом, а потом католическим священником в Бреслау. Вроцлавянином был Дитрих Бонхёффер, евангелический пастор и теолог, чьи проповеди о фашизме и труды по этике учили гражданскому неповиновению еще и мое поколение. А их автора в 1945 году, за месяц до поражения Гитлера, труды эти привели на виселицу.

Были и другие, по-прежнему малоизвестные, неизвестные, забытые. Мне, конечно, приятно читать, что во Вроцлаве встречался с матерью великий польский поэт-романтик Юлиуш Словацкий, что здесь бывал знаменитый в свое время романист Юзеф Игнаций Крашевский, часто останавливался Зигмунт Красинский... Но все это мелочи, почти сплетни. Шопен, Мицкевич, Словацкий, Норвид годами жили в Париже — и что, Париж стал от этого хоть немного польским городом?.. А Чеслав Милош не только пил кофе в Стокгольме, но даже получил там Нобелевскую премию по литературе — разве Стокгольм за счет этого хоть отчасти полонизировался?

Ангел Силезский, Дитрих Бонхёффер, Макс Борн, Теодор Момзен, Герхард Гауптман — вот мои настоящие предшественники. Среди тех, кто жил до меня в этом городе, князь Генрик Благочестивый и Генрик VI, последний Пяст на троне княжества Вроцлавского. Карл фон Гольтай, весьма плодовитый литератор XIX века, автор многих полонофильских театральных пьес, и Самуэль Бандке, директор гимназии Святого Духа, литератор и публицист, учитель польского языка, автор новаторской монографии о Силезии. Здесь и семья Корнов — известных книготорговцев и издателей, чью фирму, существовавшую с 1732 года, уничтожил лишь 1945 год. Здесь и тот, кому обязана своим расцветом вроцлавская славистика XIX столетия — ректор университета Владислав Неринг. И Войцех Цибульский, предшественник Неринга, профессор славянских языков и литератур, чью могилу срыл польский бульдозер в начале семидесятых годов XX века. И Михаэль Вильман — крупнейший художник силезского барокко, который много лет работал во Вроцлаве, а потом осел в монастыре в Любёнже.

Я называю имена немногих, лишь некоторых из тех, о ком мы хоть немного помним. О многих других мы еще должны вспомнить. Потому что все мы — здешние. Поляки, немцы, чехи, евреи. Все мы силезцы. Все вроцлавяне. *Cives Vratislavienses.*

Вроцлав, 1995

Александр Вирпша

ВРОЦЛАВСКИЙ МИКРОКОСМОС

Когда я впервые приехал во Вроцлав, мой друг, поэт Лотар Хербст, которого сейчас уже нет в живых, водя меня по городу, сказал: «Смотри и слушай. У этого города пейзаж берлинский, а население львовское». Это было в конце 60-х, и тогда еще можно было довольно часто услышать характерный певучий акцент львовского польского языка, называемый «львовским балаканьем». А городской пейзаж? Что ж, от города, превращенного в конце войны, после эвакуации из него гражданского населения, в крепость («Festung Breslau»), разрушенного бомбежками наступающих советских и польских войск, в 1945 г. остались почти одни развалины. Но даже и то, что осталось, позволило сохранить атмосферу немецкого города — ныне, как Щецин или Ольштын, бывшего немецкого, «понемецкого». «Понемецкое» (то, что осталось от немцев, досталось после немцев), как и аналогичное «поеврейское», — эти понятия навсегда укоренились в послевоенном польском языке. Они означают и то, что переселявшиеся с востока поляки занимали пространство, оставшееся после подвергнутых уничтожению евреев, а также бежавших или выселенных немцев. Это отражено и в литературе, например в рассказе Мирослава Ясинского «Немцы»:

«В нашем доме после немцев много чего осталось: разваливающаяся, без конца укрепляемая бесчисленными плохо отесанными балками лестница, столы, стулья и другая мебель. На потолках виднелись следы немецкой росписи, напоминающие о былом буржуазном великолепии нашего дома. Прежние владельцы наших квартир жили среди нас. Имея крупницу воображения, можно было услышать непонятные радостные возгласы, встречавшие приобретение каждого из доставшихся нам предметов обихода. Можно было представить себе, слушая шум, доносящийся с улицы, ту перекличку, ежесубботную уборку с окнами нараспашку, звяканье бутылок с холодным пивом, закупаемых в магазине на углу в таких количествах,

чтобы хватило до воскресного вечера. Можно было также услышать военные марши (другой музыки, сопутствовавшей немцам в повседневной жизни, я не мог вообразить), звучавшие по радио, лишь изредка заглушаемые грохотом передвижаемой мебели, окриком или ругательством. Немые следы тех дней мы встречали на каждом шагу, ведь даже большие тяжелые двери, ведущие в наши квартиры, остались от немцев».

Старожилов во Вроцлаве оставалось немного, и хотя родным языком Лотара был немецкий, он стал польским поэтом. Будучи приглашен на авторский вечер Союзом изгнанных в Германии, он объяснил публике, что он последний из Хербстов, родившихся в Бреслау, зато его сын — первый из Хербстов, родившихся во Вроцлаве, и что, видно, так тому и быть — в общих интересах. Это не значит, что выбор был для него безболезненным. Мне не забыть рассказа о том, как он переживал ликвидацию кладбища, на котором были могилы его немецких предков, и превращение его в один из городских парков. Эти варварские методы, целью которых была «полонизация» Вроцлава в соответствии с идеологией, гласящей, что поляки в 1945 г. вернулись на «исконно польские» земли, не могли опровергнуть истину: здесь, писал в одном из своих стихотворений Тадеуш Ружевич, даже камни говорят по-немецки. Верны и слова известного эссеиста и прозаика Анджея Киёвского — из работы, написанной им для конспиративной организации «Польское соглашение о независимости» (конец 70-х), — о положении, в которое поставили поляков решения, принятые в Ялте и Потсдаме:

«Мы были вынуждены пойти на то, чтобы взамен земель, веками входивших в состав Польши, эмоциональную, культурную и историческую ценность которых для поляков не измерить в цифрах и не выразить в общих фразах, нам дали разоренные города и деревни, уже 700 лет находившиеся вне польского влияния, да еще возложив на нас задачу изгнать почти что восемь миллионов

их жителей и принять на себя вытекающее из этого моральное бремя».

Вместе с тем, однако, прав был Юлиуш Мешковский, который уже в 1955 г. писал на страницах «Культуры»: «Не подлежит сомнению, что в 1939 г. Вроцлав был городом чисто немецким. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что в 1955 г. Вроцлав — город чисто польский. Те соображения — человеческие и моральные, — которые раньше были аргументом против отрыва этого города от Германии, теперь стали аргументом против отрыва его от Польши». Сегодня, полвека спустя, это утверждение звучит еще сильнее.

Разумеется, это не значит, что не нужно говорить о немецком прошлом Вроцлава, что не надо очищать от лжи историю этого города, фальсифицированную коммунистической «историографией». Как раз напротив: не случайно в 1989 г. во Вроцлаве ожил интерес к прошлому города, что нашло свое отражение и в публикациях на страницах местного ежемесячного журнала «Одра», и на университетских научных конференциях. Включение немецкого прошлого в польское настоящее — это попытка восстановить непрерывность истории этих мест, непрерывность, которая (не только здесь такое случается) может формироваться и путем резких перемен. Такую же задачу поставил перед собой британский историк Норман Дэвис, автор монументального труда по истории Европы и проницательный знаток польской исто-

рии. По инициативе бывшего мэра Вроцлава Богдана Здроевского он в сотрудничестве со своим учеником Роджером Мурхаузом написал монографию под названием «Микрокосм. Портрет центральноевропейского города» — книга вышла в этом году одновременно в польском, немецком и английском изданиях. Этот труд, замечательно вписывающийся в давно уже идущую дискуссию на тему Центральной Европы, представляет собой попытку охватить многомерность истории города, в котором были связаны воедино судьбы немецкой, чешской, еврейской и польской общин.

Город этот, как мы узнаём, читая «Микрокосм», неоднократно менял свое название: Вроцицл, Вретецлав, Пресслав, Бресслау, Бреслау, Вроцлав. Литературное сокращение, связующее прошлое с настоящим — а может быть, и с будущим, — предложил Анджей Завада в своем очерке «Бреслав»: здесь немецкое название «Бреслау» объединено с польским «Вроцлав» в интересном названии-неологизме. Заметим, что автор, известный вроцлавский поэт и литературовед 1948 года рождения, прибыл в этот город в 1966 г. не с бывших восточных земель, а из центральной Польши. Врастая в историю Вроцлава, он умеет сохранить по отношению к нему дистанцию, умеет также в своей публицистике уловить то, что можно было бы назвать вроцлавским *genius loci* (гением места), ценностью универсальной и не до конца поддающейся определению.

Даниэль Ольбрыхский

МОЯ РОДИНА — НА БУГЕ

Отправляясь на восток, мы приближаемся к нашим окраинам, которые вот-вот станут окраинами Европейского союза. Двигаясь в кавалькаде автомашин по шоссе, ведущему через плоскую и песчаную Мазовию, проезжаем мимо роскошно оборудованных бензоколонок. И через каждые 10-15 километров зазывает то гостиница, то бар, то ресторан — и вполне приличные. Придорожные щиты предлагают бесчисленное множество частных услуг. Спрос диктует предложение. И того и другого здесь куда больше, чем в городках под Парижем или Берлином. Но оставим политику в Варшаве, ибо мы приближаемся к дорогом мне Подлесью. Сердце мое начинает радостно биться: это «край детских лет, страна весны блаженной, ты навсегда останешься... как первая любовь». Надо еще где-то тут у лесной дороги купить корзинку клубники, летом — ягод, а осенью — грибов. Цены конкурируют с ценами в универсамах, открытых (например, в Соколове) 24 часа в сутки.

ИСТОРИЯ В ЦВЕТЕ БУМАГИ

За несколько километров до Ливы пейзаж резко меняется. Тщательно обработанные поля и сочные луга плавно переходят в волны холмов. В Ливе видны следы старого подлесского строительства — деревянные домики с палисадниками, выходящими к шоссе. Мальвы, сушаки, левкой... Выцветшие ставни, голубые и красные. Домики чуточку стесняются: по соседству с ними с недавних пор вырастают неплохо спроектированные и выстроенные виллы хозяев побогаче. Правда, старая поговорка «Не красна изба углами...» теперь перетолкована. Чем красна? — разумеется, спутниковой антенной. Внутри два видеомэгагнитофона, нередко и DVD. Почему два? Потому что Изаурочка и Андреасик хотят смотреть разные кассеты, взятые в разных пунктах проката. Я знаю, о чем говорю, ибо гостил в таких домах и раздавал автографы обладателям этих имен.

Пересекаем извилистую речку Ливец. Когда-то она была границей между владениями мазовецких князей и Подлесьем. Эти пейзажно идиллические края подвергались нашествиям, их жгли и грабили воины диких соседей: ятвяги, пруссы, татары, а до эпохи Ягеллонов и литовцы.

Еще несколько километров — и Венгров. Здесь возникают воспоминания личного характера, хотя одновременно и историко-социологические. Семидесятые годы. Тут бабушка моего сына Рафаэла, которому было в то время всего несколько лет от роду, закупала провизию на несколько недель каникул в Дрогичине. В магазине на рыночной площади, напротив костела, в ризнице которого висит зеркало, вроде бы принадлежавшее пану Твардовскому, мухи ползали по кровяной колбасе. А ливерная — не ручаюсь, правда, но говорили, что массу ее пополняли туалетной бумагой, которой, впрочем, в магазинах тоже не было. Да еще немного плавленых сырков без всякого вкуса и большая редкость — высохшая ветчина, наполовину проросшая салом. Бабушка закупала все подряд: дальше, до Дрогичина, уже не было ничего. Продавщицы высокомерны. Но ко мне относились довольно сердечно:

— Не забываете родную сторону.

Ах, эта певучая протяжность речи. Меньше ста километров к востоку от Варшавы... Мне уже лучше. Запасаться продуктами мне помогали соседи — мои школьные товарищи по младшим классам и бывшие ученики моей матери из лицея в Дрогичине. Всегда что-нибудь продавали, а то и дарили. В основном это были малоземельные крестьяне. У них было все, чего не было в магазинах, — для себя и для друзей.

Я ИМ ПОКАЖУ

И снова день сегодняшний. Что-то я собрался купить в Соколове, и, хотя время позднее, магазины на рыночной площади открыты. Только поставить машину негде. Ну, ничего. Куплю что надо в Дрогичине. Завтра воскресенье. Несмотря на то, что здесь епархия и резиденция епископа Подлесья, местное духовенство рассудительно: не обрушивает с амвона анафему на нарушающих третью заповедь владельцев универсамов и магазинчиков.

Проезжая деревеньку Тонкели, пересекаем мой Буг. И вечно, будто одержимый манией величия, я думаю: чем был для Мицкевича, Ожешко и (не побоимся великих имен) Милоша Неман, то для меня эта самая прекрасная моя река.

В Тонкелях стоит уже множество построенных или перестроенных приезжими красивых домиков. У местных при этом появилось много всяких занятий с приличными заработками. От садово-огородных до разного ремесла. Люди тут способные и честные, так что выгодно оказывается всем.

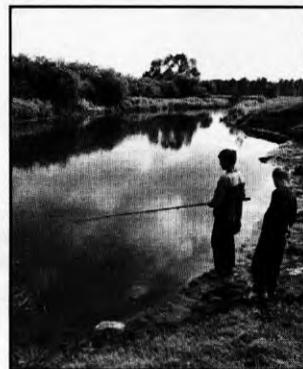
ГОРОД ТРЕХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Ну, вот и Дрогичин. Несколько лет тому назад сюда направлялись толпы людей на экуменическую встречу с Папой. Место он выбрал, как всегда, подходящее. Городок на протяжении веков был культурным и католическим центром Подлесья. Здесь жили в согласии и гармонии католики, православные и евреи. Обе христианские общины совместно и весьма хлебосольно праздновали — с разрывом примерно в две недели — Рождество: и по-польски, и по-русски. И — вот наслаждение! — двойной Новый год. Меня самого будили по воскресеньям колокола трех костелов и мелодичная, как православные песнопения, звонница церкви.

Синагоги уже нет. Евреев, увы, тоже. Деревянная синагога сгорела в 40-е годы. По этим местам прокатились фронты. По Бугу прошла граница территорий, захваченных Гитлером и Сталиным. После 17 сентября 1939 г. Дрогичин оказался в руках большевиков. Быть может, еврейская беднота и симпатизировала идеям большевизма, но не думаю. Когда сюда пришли немцы, прущие на восток, тут не могло дойти дело до таких преступлений, как в Едвабне. Наоборот, я знаю много случаев, в том числе в моей семье, когда люди героически укрывали еврейские семьи.

Дрогичин, церковь св. Николая Чудотворца, XVIII век.

Теперь в зарослях над Бугом почти не осталось следов старого еврейского кладбища. Ученики лицея время от времени делали попытки привести его в порядок. Но природа оказалась сильнее. И все же у меня есть одна идея. Мой дом, который я спустя многие годы построил на откосе на берегу Буга, откуда открывается такой вид, что дух захватывает, граничит с этим заброшенным кладбищем. Может, с помощью общественности Дрогичина и какой-нибудь скромной еврейской общины мы что-нибудь тут сделаем.

Дрогичин, солнечные часы на Замковой улице.

С террасы моего дома, словно повисшей над Бугом, мне видны все четыре стороны света. К югу, на другом берегу реки, если напрячь зрение, можно увидеть одинокий крест.

С недавнего времени на нем появилась надпись о том, что в конце июля 1945 г. на этом месте погиб Теодор Смяловский («Шумный») — командир АК в этом регионе. Родной брат моей бабушки — маминей мамы. Он погиб от рук НКВД и польской госбезопасности, ибо не сложил оружия, как и его подчиненный «Молот». Как и другие «проклятые солдаты», они считали, что порядок, установленный в Ялте, — это новая оккупация.

КИНОТЕАТР «ДАНИЭЛЬ»

Кроме как в Подлесье, мало кто знает, что городские права Дрогичин получил свыше 900 лет назад. Есть в Польше королевские города — Гнезно, Дрогичин, Краков, Варшава. В Дрогичине в 1253 г. короновался князь Даниил Романович Галицкий, правнук Болеслава Кривоустого. Королевскую корону ему вручил папский нунций.

Есть в Дрогичине кинотеатр «Даниэль». Некоторым образом я тоже способствовал его появлению еще в коммунистические времена. Я знаю, что кинотеатр назвали в мою честь. Тем не менее с ложной скромностью и притворной серьезностью я объясняю, что он назван в честь того русского короля. В кинотеатре проходят разные торжественные заседания, на которых католический епископ и православный батюшка сидят вместе в первом ряду.

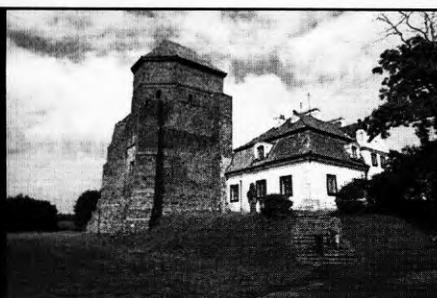
Весьшее 18 кг зеркало пана Твардовского.

По прошествии времени я вижу, как много значило для меня решение, которое приняла моя мать. После войны в Варшаве не было жилья. Не было работы. Мать, воспользовавшись своим филологическим образованием, полученным в Виленском университете, пошла преподавать польский и французский языки в лицей в Дрогичине, где жили ее родители и куда она забрала меня и моего старшего брата. Мы поселились в чудесном, здоровом и — невзирая на сталинизм — улыбчивом городке, гордо раскину-

шемся над самым Бугом. Здесь все взращивало мое здоровье, восприимчивость и воображение. Моя мать, до войны журналистка и писательница, вольнослушательница на курсах при театре Юлиуша Остервы «Редута», также руководила школьным театром. Свои радостные и подкрепленные глубокими знаниями воспоминания о том периоде она описала в книге «Театр радости». Сейчас, спустя многие годы, я вижу, насколько важна была эта книга для меня, сегодня уже старого актера.

Лива,
замок
мазовецких
князей, XV век.

Во время приездов к нам отца и наших поездок к нему в Варшаву я учился настоящей истории Польши. Отец, журналист по профессии, не мог найти постоянную работу в столице. Свои неприемлемые политические взгляды он выражал слишком резко. Защитить его не смог даже знаменитый главный редактор «Экспресса» Рафал Прага. Мои родители в течение полутора лет [при немецкой оккупации] прятали их с женой в своей квартире на Новгородской. Весь дом об этом знал, и никто не донес.

Польский антисемитизм бывает иногда трагически серьезным, а иногда — комическим. Моя школьная подруга, постарше меня, учившаяся, естественно, у моей матери, врач с характером Юдыма [героя «Кануна веснь» С. Жеромского], ляпнула как-то раз нечто несусветное. С ее мужем, тоже бывшим учеником моей матери, мы начали обсуждать тему евреев, антисемитизма и т.д. Я высказал очевидную мысль о том, что в иудаизме еврейское происхождение считается по матери. Иисус Христос был евреем, раз Его Мать была еврейкой. Докторша дремала, устав после обхода на дому своих пациентов. Услышав мое высказывание, она очнулась и проворчала: «Ну-ну, прошу ничего плохого не говорить о Божьей Матери». А ее семья с риском для жизни укрывала еврейских детей... И все это Польша.

ТО, ЧТО НУЖНО ВО МНОГИХ РОЛЯХ

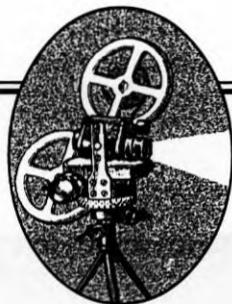
Мое восхищение романтической поэзией и любовь к «Трилогии» [Сенкевича] не были бы такими, если бы я не провел тут детство. До Новогродка отсюда чуть дальше, чем на запад до Варшавы. Та же певучесть речи, те же переносы ударений, как у Мицкевича и Фредро. По сей день. Когда парни из Дрогичина помогали мне ловить коня, сбежавшего с паддока, я слышал, как один другому зычным голосом кричал: «Ловиёго, сукинсына». Сложение двух слов в одно и невинно высказанное сомнение в добродетели матери моего арабского жеребца... Как помогают такие вещи при подготовке ролей в произведениях Мицкевича, Словацкого и Фредро.

В заключение повторю то, что сказал Милош под конец своего первого приезда в Польшу. Он хотел увидеть Дрогичин, о котором слышал от моей матери, когда они оба были студентами в Вильне. Похоже, между ними что-то там намечалось. Еще раньше, в Париже, он сказал мне: «Ах, Клементина, прелестная, чудесная девушка. Потом она уехала в Варшаву и, к сожалению, вышла замуж за какого-то Ольбрыхского, — тут он поглядел на меня и на том же дыхании закончил: — Ох, прошу прощения».

Пан Чеслав пробыл в Дрогичине несколько часов и на прощанье сказал: «Прекрасное место, оно напоминает мне и виленские окрестности, и те места, где происходит действие «Трилогии». Вы черпали из этих пейзажей и этой речи то, что нужно во многих ваших ролях».

Дрогичин,
высшая духовная семинария и курия.

Петр Мицнер

МЕСТЬ ВРЕМЕНИ

В принципе Анджей Вайда поставил костюмированную комедию. Юмор положений, игра слов из пьесы, написанной 170 лет назад Александром Фредро, — все это смешит и поныне. Остроумный текст, колоритные и прекрасно противопоставленные образы двух поссорившихся дворян Подчашего и Нотариуса, Папкина, типичного солдата-хвастуна, старого недотепы Дындальского, охотницы за приданым Подстольничихи каждые несколько лет появляются в каком-нибудь из польских театров в новой постановке. И не уставают, ибо они, по всеобщему убеждению, типично польские. Так поляки продолжают подтрунивать над своими национальными недостатками.

«Месь» относится к тем текстам, которые выпускают воздух из надутой гордыни и высмеивают польские причуды, как и более поздняя «Свадьба» Выпянского, написанная, впрочем, не случайно тем же самым восьмисложным стихом.

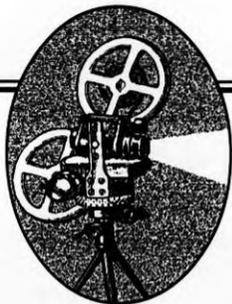
Но Вайда снял не кассовый фильм, а комедию, причем экзистенциальную. Это видно уже в первой сцене, когда сквозь метель продирается человеческая фигурка, закутанная в шинель. Так несчастный, трогательно печальный Папкин (Роман Полянский) добирается до полуразрушенного замка. Вопреки ожиданиям, его населяют не совы и летучие мыши, а два непримиримых врага. Это замок людей конченных, для которых история завершилась: сеймы, сражения, кампании уже позади. Однако темперамент до конца не остыл, а ума не прибавилось, о чем особенно свидетельствуют слова, гримасы, жесты вспыльчивого Подчашего в исполнении Януша Гайоса. И за смирением и сдержанностью Нотариуса (Анджей Северин) скрываются эмоции, неосуществленные амбиции, которые он теперь возлагает на своего сына.

Вацлав и Клара — двое молодых людей по обе стороны стены, разделяющей замок на враждебные лагеря, — немного напоминают Ромео и Джульетту, заброшенных в глухое местечко Речи Посполитой. Вацлав (Рафал Круликовский) — типичный интеллигент, недавний студент, она (Агата Бузек) — нежная, но при этом сильная девушка, чуть ли не феминистка. Все, разумеется, оканчивается лучше, чем у Шекспира. И хотя Папкину не удалось пропеть обещанной «Оды миру», любовь сама побеждает историю и разрушает пограничную стену. Тема эта, несомненно, серьезная, учитывая, какие трудности пришлось преодолеть самому Фредро, чтобы соединиться со своей избранницей.

Наступает даже примирение между смертельными врагами; правда, это примирение вынужденное и (что видно по глазам Гайоса и Северина) очень хрупкое. Таков первый финал. Затем оказывается, что дело происходит в театре, старый замок сделан из драпировок, и тут мы вспоминаем сцену, когда слуги Нотариуса бесцеремонно выпроводили Папкина и бедный ветеран наполеоновских войн упал на утопанный снег. На снег? А вот и нет, ведь мы четко слышали удар о доски сцены.

Несомненно, действующее лицо, обладающее в фильме большим интеллектом, чем в тексте Фредро, — это Дындальский, придворный Подчашего (Даниэль Ольбрыхский). Это не только смешной недотепа, каким его задумал комедиограф, но и комментатор событий этого сумасшедшего мира, философ, который знает больше (например, о природе времени), чем хочет сказать, но лишь бормочет что-то себе под нос.

Анна Мицнер

ФРЕДРОВСКИЕ ВЫСТАВКИ

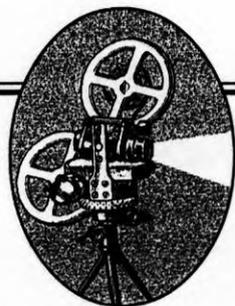
В ноябре в Варшаве можно было почти одновременно побывать сразу на двух выставках, посвященных «Мести» Александра Фредро. Обе собрали толпы народу, так как благодаря кинофильму Анджея Вайды Фредро вернулся в коллективное сознание поляков и даже сделался предметом споров в ежедневной прессе. Мало того, вернулись старые сомнения: был ли писатель пронзительным наблюдателем общества или же консерватором, привязанным к старошляхетским идеалам?

Первая выставка проходила в Королевском замке. На ней были представлены реквизит, декорации, костюмы к фильму, а также фотографии со съемок. Залы замка на время выставки стали комнатами Подчашего, Нотариуса и Подстольничихи. Была там также знаменитая стена (сделанная из пенопласта и разделившая поперек один из залов — с двумя проломами для прохода посетителей), курятник и каменные ступени. Все предметы, которыми пользовались актеры в фильме, на этой выставке были полностью доступны. Можно было брать их в руки, надевать костюмы и сниматься среди этой бутафории, а также посидеть на режиссерском кресле с надписью «Анджей Вайда». При осмотре этой выставки можно было действительно ощутить атмосферу экранизации «Мести».

Вторая выставка, проходившая в Музее литературы им. Адама Мицкевича, была посвящена главным образом самой личности Фредро, его жизни и творчеству, а также эпохе, в которую он жил и творил. В противоположность выставке в замке, здесь все экспонаты были подлинными. Организаторы выставили оригиналы рукописей пьес Фредро, различные документы, касающиеся его жизни, службы в наполеоновской армии и принадлежности к Обществу друзей науки и Академии наук и свидетельствующие о том, что он был не только сочинителем комедий, но и мыслителем, а в случае надобности — и солдатом. На выставке собрано также множество картин того времени — портреты самого писателя, членов его семьи, батальные полотна эпохи наполеоновских войн, в которых он принимал участие. Кроме того, несколько подлинных предметов мебелировки и вещей, некогда принадлежавших Фредро. Стены покрывали цитаты из его произведений и воспоминаний. На этой выставке тоже была неременная стена — поменьше, но выложенная из настоящих кирпичей.

Две эти выставки, кроме темы, имели друг с другом мало общего. Одна была, собственно говоря, съемочной площадкой, перенесенной в залы Королевского замка, а другая — традиционной биографической выставкой, посвященной Фредро и эпохе, в которую он жил. Благодаря этому они замечательно друг друга дополняли.

**Казимеж Ст.
Михалевич**

ПАНОРАМА КИНО, УВИДЕННАЯ ИЗ ПОЛЬШИ

Сегодня, когда в такой области, как кино, немало перемен, и у каждого человека есть возможность по своему усмотрению собирать собственную фильмотеку, все большее значение приобретают путеводители по огромному миру «Х Музы». Вновь проявляется стремление больше узнать о ее прошлом, желание ориентироваться в новейших достижениях и тенденциях развития. Как бы то ни было, это и род искусства, и средство массовой информации. А литература — и польская, и зарубежная, — посвященная этому предмету, более чем скудна. Написанная Ежи Теплицем в совершенно иную эпоху «История искусства кино» заканчивается периодом последней войны.

Поэтому с полок книжных магазинов исчезает очередное, пятое издание «Истории кино», написанной выдающимся кинокритиком и историком кино Ежи Плажевским. Автор, много раз входивший в жюри международных кинофестивалей или возглавлявший их, можно сказать, с незапамятных времен публикует книги, которые имеют большое значение для киноискусства. Принимая деятельное участие в жизни польского кинематографа и телевидения, он оказывает влияние на формирование вкусов зрителей, делится опытом уже не с одним поколением кинематографистов. Его фамилия служит гарантией авторитетности публикуемых работ.

Новейшее, дополненное издание «Истории кино» (2001) — это насчитывающий несколько сот страниц, солидно подготовленный однотомник, иллюстрированный большим количеством фотографий. Читателя ждет прекрасное, занимательное чтение, расширяющее горизонты знания. Сопоставляя прошлое киноискусства и его сегодняшний день с возникающими вопросами, легче будет понять сложность нынешней ситуации.

Со свойственной ему эрудицией Ежи Плажевский свободно перемещается по минувшим эпохам — с момента появления «движущейся фотографии» и до нашего времени (1895–2000). Он описывает основные этапы развития кино, где главную роль, разумеется, играл большой кинематограф, создававший традиции. Но не оставляет без внимания и менее значительное кино, которое по-прежнему не имеет крупных достижений, и тот кинематограф, который отметил свое долгое существование лишь размахом производства.

В результате мы получили необычайно разнообразную, динамичную картину состояния кинематографии более десятка стран, со всеми присущими им

культурными особенностями. Кинематография каждой страны представлена в соответствии с ее вкладом в развитие искусства кино и глубиной отражения важнейших событий эпохи — событий, касающихся прежде всего ее собственной жизни. Поэтому страницы истории, которую автор оценивает с близкого расстояния, буквально испещрены громкими именами и ссылками на выдающиеся произведения авторов и теоретиков всех пяти континентов.

Огромное количество данных (список названий и фамилий, в котором перечислены несколько тысяч кинофильмов и их авторов; статистика производства полнометражных лент 1930–1997 гг.), точные, улавливающие суть характеристики жанров, стилей и художественных направлений; развитие оригинальных выразительных средств на примере тех работ, в которых они были использованы впервые; оценка киноведения как особого направления, стремящегося к обретению статуса науки, с его попытками найти специфическую терминологию; авторские комментарии к изменениям в этой области и т.д. и т.п. — все эти темы предопределяют, так и хочется сказать, ценность данной книги в плане образовательном.

Благодаря многогранности представленного в книге материала «История кино» с предлагаемыми в ней оценками эстетических фактов, сделанными по горячим следам и не без увязки с общественным контекстом, — это работа, не имеющая аналога в специальной литературе последнего времени.

Оценивая ее с такой точки зрения, следует особо отметить, что эволюция кинематографии доведена до рубежа тысячелетий. Художественные взлеты и застой описываются параллельно, но представлены в отдельных разделах, посвященных художественному кинематографу и теоретическим размышлениям. Оба аспекта рассматриваются через призму современных знаний о предмете при сохранении авторской точки зрения и оснащены подробными примечаниями, представляющими собой дополнительный историографический сюжет. Отсюда берутся критерии периодизации истории кино, отбора произведений и классификации их по признакам новаторства формы или оригинальности содержания.

Насчитывающая более ста лет история кино разделена на десять неравных периодов, которые в большинстве своем, за исключением войн (и, бесспорно, появления звука), определяются условными датами, связанными с его внутренними преобразованиями.

Заголовки и подзаголовки разделов служат тут своего рода ключами к интерпретации. Так, глава X, последняя (1990-2000), озаглавленная «Электроника диктует новые законы», посвящена описанию крутых поворотов, преодолеваемых кинематографом в его новейшей истории. Стоит здесь привести хотя бы подзаголовки к ней, ибо он дает представление о стиле и композиции работы.

«США: настоящие и мнимые компьютерные чудеса; процветание человеческих душ; актер — это не познанию. Великобритания и Ирландия: реальное существование в нелегких условиях; проникнуть в глубину событий. Франция: тектонические сдвиги в обычаях и нравах. Италия: в кругу признанных мастеров; действительность как игра. Польша: новые формулировки национального самосознания. Россия: где нет страха. Украина и Белоруссия: освобождение от диктата. Средняя Азия: на границе с исламом. Ближний Восток: в оливковых рощах. Китай и Гонконг: рекорды фестивальных успехов. Япония: после Курасава. Африка: возможность иного самосознания. Теоретики: в поисках академических требований».

После падения коммунизма и распада СССР начался процесс очищения новейшей истории от идеологической лжи — как истории кино, так и реальной истории, представляемой на экране, истории с пропагандистским прицелом, истории, умышленно деформировавшейся в той части европейского континента, которая лежала к востоку от «железного занавеса». Появилась возможность оценивать все национальные кинематографии по одним и тем же эстетическим критериям. О любой из них появилась возможность открыто писать. Особенно это касается российского/советского киноискусства, тематика которого, а также публикации о фильмах сталинских десятилетий несли на себе клеймо политического вмешательства, подцензурности и конъюнктурных критериев оценки. На протяжении длительного периода советские кинокартины, деформируя факты, служили инструментом манипулирования общественным мнением, причем в большинстве своем кинозрители даже не осознавали этого. Отвергнув лицемерие, сами россияне начали критиковать «абсурд большевистской утопии» и схематичность «жизни при коммунизме».

Изменения иного масштаба, и не менее глубокие, вызвала аудиовизуальная революция 90-х годов. Наступление электронных средств дало кинематографии возможность использовать невероятно гибкий инструмент повествования. Появились картины, создаваемые и преобразуемые с помощью компьютера. В сочетании с киноэлементами это открыло новые, чрезвычайно притягательные для воображения перспективы; однако они не дают возможности установить подлинность: где начинается эффект и где он заканчивается. Более того, при взгляде на репертуар становится ясно, что обогащение новым инструментарием вовсе не способствует лучшему пониманию человеческой

природы и расширению горизонтов интеллектуальной пылкости авторов.

Спецэффекты, утверждает Плажевский, по-прежнему используются почти исключительно для усиления зрелищности сюжета. Конечно, их использование в качестве творческого метода уже доказало, что в зависимости от потребностей искусства-развлечения актер может быть по желанию клонирован. Следовательно, с помощью явной или скрытой дигитализации — но с другого конца — отрицается понятие документальности и правды. Неограниченная свобода электронного виртуального повествования разрушает убедительно навязываемую фикцию фотографической связи экрана с действительностью и вынуждает автора задаваться вопросом: можно ли считать, что это все еще кино?

Автор не оставляет без внимания и попытки исследователей объяснить использовавшуюся до недавнего времени (в том числе и электронную) природу языка кино. На протяжении нескольких минувших десятилетий предпринимались более или менее удачные попытки использовать в теории киноискусства достижения более зрелых научных дисциплин — структурализма и семиотики. Среди основных теорий в области киноискусства отмечены те, которые, по мнению автора, заметно повлияли на практику кино (кстати замечу, что один из наших философов, несколько не иронизируя, назвал историю эстетики кладбищем теорий). Здесь ощущалась неудовлетворенность, отсутствие информации о взаимосвязи между произведением и зрителем в рамках массовой коммуникации. Вероятно, ввиду того, что социологические исследования в этой области сошли на нет, опереться было не на что.

К совершенно иным размышлениям и в ином контексте склоняет Ежи Плажевского кризис системы ценностей в странах западной цивилизации. В нравственной сфере усилилась, приобретая почти универсальный характер, тенденция к девальвации символов, авторитетов и нравственных принципов — эхо философии «сагре диет». Ради прибыли любой ценой эксплуатируется чисто физическая, сексуальная сторона любви, грубое насилие. Автор считает это хамством и грубым давлением, которые просто развращают зрителя, сбивая его с истинно человеческого пути. Ничтожным противовесом этому направлению были неоромантизм, фольклорность и фильмы в стиле «ретро».

Совсем необязательно обожать кино, но его надо знать. Все участники этой игры должны отчетливо сознавать, сколь высокой может оказаться цена, которую придется платить за невнимание к общественным последствиям восприятия киноискусства огромными массами зрителей. Таково кредо Плажевского. В известной нам ситуации оно перестало звучать банально.

Ежи Плажевский. История кино. Варшава, «Ксёльска и ведза», 2001. — На польск. яз.

Анджей де Лазари

РУССКАЯ МЕЧТА О «ВСЕСОБОРНОСТИ»

Сомневаюсь, можно ли переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи.

Фридрих фон Хайек

«Новую» книгу Анджея Валицкого я проглотил одним духом, однако голод остался. «Новую» в кавычках, так как она пролежала в издательстве несколько лет. Голод же, поскольку в ней мне не хватило хотя бы послесловия, рассматривающего проблемы XIX века в контексте сегодняшней действительности. Ибо в русском «православном» мышлении ничего не изменилось — это, пожалуй, первый вывод, который могут сделать из чтения очередного замечательного труда моего учителя те, кто наблюдает сегодняшние борения с католичеством в России (а Польша остается их фоном).

Анджей Валицкий принадлежит к тем польским ученым, которые, живя в ПНР, сумели сохранить интеллектуальную свободу, сознательно пренебрегая идеологическими запретами и приказами. Среди его трудов нет ни одной книги, утратившей научную ценность. Он никогда не писал на заказ — чей бы то ни было, — оставаясь в науке невозмутимым либералом. Вероятно, поэтому среди его друзей и корреспондентов мы находим таких людей, как сэр Исая Берлин и Чеслав Милош. Поэтому же его книги печатались в Англии, Италии, Испании, Японии и других т.н. капиталистических странах. В историю философской мысли он вошел как один из создателей варшавской школы истории идей вместе с Брониславом Бачко, Лешеком Колаковским и Ежи Шацким. Его книги стали учебниками для нескольких поколений философов, историков, филологов и политологов, интересующихся русской и польской философской и общественной мыслью. Такая судьба, безусловно, ждет и рецензируемую книгу, но...

Первое «но». Мое поколение будет несколько разочаровано. Валицкий здесь ничего нового не открыл. То, о чем он пишет, мы уже находили в его более ранних польских или английских трудах (назову хотя бы «В кругу консервативной утопии», Варшава, 1964; «Философия и мессианство», Варшава, 1970; «Русская философия и общественная мысль от эпохи Просвещения до марксизма», Варшава, 1973). Более молодые, наоборот, будут удовлетворены: вся тема в одном томе.

Второе «но». А вот и не вся — только до конца XIX века. Выходит, XX век и то, что всего интересней, т.е. современность, им придется изучать по каким-то другим трудам. Жаль, потому что Валицкий отлично ориентируется в хитросплетениях как советской мысли («Марксизм и скачок в царство свободы. История коммунистической утопии», Варшава, 1996), так и постсоветской: он не раз участвовал в дискуссиях о современной России. Или современная Россия для него не Россия, а в ней не стоят вопросы католичества и Польши? Чуть, конечно. Отсюда мое сожаление о том, что в книге нет хотя бы послесловия.

Третье «но». Валицкий лишь слегка затронул официальную «церковную» и «государственно-чиновничью» мысль. Его книга ограничивается проблемой «Русские мыслители XIX века перед лицом католичества и (при случае) польского вопроса», а эти мыслители, как правило, стояли в оппозиции к официальной Церкви и государству.

Уменьшают ли эти «но» ценность книги? Ни в коем случае! Просто я поддался внушению заголовка и знакомой мне продукции того же издательства и ожидал че-

го-то вроде недавней книги Валицкого «Польские борения со свободой» (Краков, 2000) — научно-публицистической, а не на сто процентов научной.

Разумные и неразумные утопии

В своей Нобелевской лекции Александр Солженицын повторил своими словами прекрасную мысль романтика Аполлона Григорьева: «Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла». И многие другие русские сегодня продолжают отождествлять историософию с эсхатологией и убеждены в святости Руси и ее необыкновенном предназначении. Для меня это свидетельствует о том, что немалая часть русской мысли остается внутри романтического мировоззрения, противопоставляющего русскую «интуицию и веру» западному «стеклышку и глазу». Анджей Валицкий своей книгой укрепляет мою уверенность в этом.

Прослеживая русскую мысль перед лицом «католического вызова» от Чаадаева до Соловьева, т.е. на протяжении всего XIX века, он показывает, что романтическая утопия лежит в основе мировосприятия самых видных русских мыслителей, которые и были учителями Солженицына. Все они в своем филокатоличестве (Чаадаев, Печерин, Гагарин, Соловьев) или антикатоличестве (Иван Киреевский, Хомяков, Тютчев, Иван Аксаков, Достоевский и многие другие) опирались на утопический образ «всесоборности», «кафоличности» (в принципе, Валицкому следовало бы гово-

рить не об отношении к католичеству, а к Римско-католической Церкви, ибо «кафолическое»/«католическое» и значит «соборное»). «Всесоборности» предстояло воплотиться в так или иначе объединенном христианстве — с Римско-католической Церковью или без нее, с Русской Православной Церковью или без нее, с соединенными католической и православной Церквями или вообще без Церкви как института (например, в анархистской утопии Льва Толстого). На первом месте всегда стояло утопическое «всесоборное» (даже Христос отходил на второй план), вытекавшее из утопической всеобщей любви (не раз подпираемой штыками: Достоевский во время польского восстания 1863 г. и русско-турецкой войны), осуществленное в утопической общине (славянофилы), соборности (Хомяков), всеединстве (Соловьев) и т.п., чтобы в конечном счете воплотиться в жизнь в советском муравейнике. Этого муравейника в книге Валицкого уже нет. Нет в ней и мысли о том, что по сути нам, современникам, не так уж важно, кто из русских был филокатоликом, а кто антикатоликом. Те и другие создали идею утопической «всесоборности», а, как пишет сам Валицкий, цитируя фон Хайека, невозможно «переоценить то влияние, которое в долгосрочной перспективе оказывают идеи».

Анджей Валицкий,

*«Россия, католичество и польский вопрос»,
Варшава, «Прушинский и К°»,*

2002. 462 с. — На польск. яз.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Признаться, у меня возникло некоторое затруднение. Уже довольно долго я жду, когда же на страницах наших журналов начнется живая и принципиальная дискуссия о том, каковы должны быть место и роль Польши в Евросоюзе. Я охотно пересказал бы ее, притом по целому ряду причин: во-первых, потому что нашим читателям может быть попросту интересен такой образ новой Польши; во-вторых, потому что нам самим важно определить состояние нашего европейского самосознания; и, наконец (чтобы не продолжать до бесконечности), потому что такой образ — или столкновение разных образов — просто нужен самой Польше. Он представляется особенно важным, когда слышишь постоянные жалобы на наших западных партнеров (а сейчас, пока я пишу этот обзор, как раз завершаются переговоры об условиях нашего приема в ЕС): они, мол, вместо того чтобы говорить о таких существенных вопросах, как осознание принадлежности к Европе и дух Старого Света, свели союзную линию к бухгалтерским расчетам. Но чему же тут удивляться: если рядовой поляк и связывает какие-то надежды со вступлением в Евросоюз, то они касаются прежде всего улучшения его материального положения. Жаль, что наши политические верхи и интеллектуальные сливки общества тоже неспособны или не желают выйти за эти рамки. Дело обстоит так же, как во времена оппозиции 80-х, когда эти же сливки общества были неспособны создавать образ суверенной Польши, ограничиваясь одной поставленной целью — свержением коммунизма. Коммунизм, твердил я тогда, и так будет свергнут, а дело интеллигенции — сказать обществу, что делать со свободой. Вот то же самое и сейчас: в Евросоюз, как известно по крайней мере с 1989 г., мы раньше или позже вступим — вопрос же важно ставить не столько о том, что нам это даст, сколько о том, какую роль мы собираемся играть в европейском сообществе. Пока единственное, что можно услышать, — это общие места насчет того, что страна стоит перед историческим решением. Да ведь любое решение, касающееся будущего, историческое. И что из этого?

Боюсь, однако, что такой дискуссии еще придется подождать, поэтому пока примем участие в дискуссии о настоящем и будущем нашей литературы. Недавно я рассказывал о том, как сурово оценил Чеслав Милош состояние польской словесности на страницах быдгощского «**Квартальника артистичного**». Дискуссия продолжается. В последнем номере журнала (2002, №3) слово берут несколько авторов, и двое из них сказали, по-моему, важные вещи. Один из этих двоих — Михал Гловинский, видный литературовед, в последнее время выступивший и как прозаик с замечательными рассказами. Он пишет:

«Я знаю одно: продукция огромна. Причем, пожалуй, не за счет умелых и опытных писателей, которые пережили расцвет своего творчества еще во времена ПНР. Нет, благодаря авторам младшего поколения, иногда совсем молодым. Это относится прежде всего к поэтам, что легко объяснимо, поскольку издать сборник стихов сегодня и нетрудно, и финансово не слишком обременительно. Чего только люди не делают ради славы! Ее благосклонность капризна и непредсказуема. Кому во второй половине XIX века могло присниться, что величайшим поэтом того времени окажется обнищавший, полный горечи, несчастливый обитатель богадельни св. Казимира на окраине Парижа [Циприан Камиль Норвид]! Кто несколько десятилетий спустя мог предположить, что величайшим поэтом эпохи окажется небольшого росточка господин, трудившийся в провинциальном городе в должности нотариуса [Болеслав Лесьмян]! (...) Перемены в иерархии, как правило, создают серьезные трудности для историков новейшей литературы и литературных критиков, профессионально занимающихся сегодняшним днем. Я к ним не принадлежу, и потому могу смотреть на нынешние литературные игры со стороны — что я и делаю с некоторым интересом».

Подчеркнув, что общее состояние новейшей литературы он оценить неспособен, Гловинский продолжает:

«...и все-таки я должен признаться, что некоторые книги читаю с любопытством и удовольствием, хотя и от случая к случаю. (...) Труднее всего ориентироваться в поэзии: ее слишком много. (...) Одно я знаю твердо: мне решительно не нравится программа возвышенной поэзии, она приводит к скуке (...) и дает широкий простор общим словам, банальности и эпигонству. В такого рода поэзии ничего не происходит в сфере языка, а язык — это самое главное. Гораздо интереснее мне то поэтическое течение, которое не составляет единого направления и не имеет названия. Я решительно предпочитаю поэтов, которые не становятся на котурны, обращаются к разговорному языку, пишут короткие стихотворения, где нередко находишь поразительную игру воображения и слов. Они идут от тех польских поэтов XX века, которые мне особенно близки: Лесьмяна, Бялошевского, Шимборской, — а может быть, и от тех лириков, которые избрали языковые игры как средство разоблачения жалкой действительности ПНР».

Как нетрудно догадаться, речь идет прежде всего о Станиславе Баранчаке и Рышарде Криницком. И, пожалуй, остальные оценки верны: как в отношении возвышенной поэзии, программу которой выдвигает, в частности, Адам Загаевский в сборнике статей «Защита энтузиазма» (одну из них, «Заметки о высоком стиле», я представлял в этой рубрике), так и в отношении авторов, родившихся в 70-80-е, у которых отчетливо видны тенденции «верификации» языка современности, а тем самым — стремление раскрыть маскируемую языком действительность.

Интересно и выступление в дискуссии Ярослава Клейноцкого, поэта и критика из поколения, взошедшего на литературную сцену в середине 80-х, т.е. для сегодняшних дебютантов — уже «старшего поколения»:

«Усердным трудом мы вот уже несколько лет отработываем потери, которые принесло участие польской словесности XX века в политическом дискурсе. Мы постепенно усваиваем этот аспект эмигрантской литературы (...) свидетельствующей, что на фоне сделанного другими народами нам, в общем-то, нечего стыдиться. Меня радует, что серьезные польские писатели в удивительном большинстве высказываются в духе критицизма и мудрого недоверия к миру (к польскому духу, общественным стереотипам, коммерциализации, религиозному, политическому и идейному глубокомыслию по мелким поводам и т.п.), причем даже те, кого — вероятно, в результате невнимательного и поспешного чтения — стало принято называть жизнеутверждающими (это, безусловно, относится к Загаевскому, а отчасти и к Баранчаку). Меня радуют языковые эксперименты и игры многочисленных поэтов младших поколений (...) хоть я и не любитель подобной герметической поэзии. Но она очерчивает стандарты и границы эстетики, исследует стыки воображения и языка, продолжает традиции Чеховича, Бялошевского, Карповича... Меня радует экзистенциально-философская поэзия и проза (...) пускающаяся в исследование областей, недооцененных в нашей словесности XX века (...) Огорчает же меня то, что этому развитию не сопутствует развитие, так сказать, инфраструктуры, которая могла бы поддерживать и «раскручивать» труд писателей. (...) Сегодня польскому писателю легче получить немецкую, французскую и даже швейцарскую или американскую творческую стипендию, чем отечественную (если таковые вообще существуют). Творческие союзы стали архаическим заповедником, министерство культуры — ненужным балластом. Литературные журналы обречены на полное прозябание (...). Нам довелось жить во времена хищного капитализма, т.е. во времена малого культурного апокалипсиса».

По старой поговорке, все хорошо, но еще не безнадежно. Однако независимо от диагноза Клейноцкого стоит обратить внимание на то, что среди этих полста с лишним культурно-литературных журналов, «обреченных на полное прозябание», по крайней мере несколько заслуживают внимания, отдавая свои страницы самым молодым авторам — тем, кто родился в 70-80-е. Среди них особую роль играют университетские журналы: в Познани — «Pro Arte», во Вроцлаве — «Дикция», в Кракове — «Студиум». На страницах «Студиума», выходящего раз в два месяца и важного еще и тем, что изданию каждого номера сопутствует представление четырех новых книг из серии «Новая польская проза и поэзия», в последнее время идет оживленная дискуссия о положении дебютантов. В последнем номере (2002, №5) помещен ряд высказываний о состоянии самой молодой поэзии. Интересно, что молодежь уже не так решительно отмежевывается от политики, и это заметно не только в их публицистике и программных выступлениях, но и в лирике: политическое — не черта их произведений, а тема.

Важное знамение состояния молодой литературы — осознание своего положения, отход от утопической уверенности в том, что поэзия должна ориентироваться на широкий круг читателей. Одна из самых интересных поэтесс этого поколения Мария Циранович, занимающаяся также литературной критикой, пишет:

«Если молодая поэзия кого-то и интересует, то прежде всего самих молодых поэтов (они же нередко — молодые критики). (...) Я считаю, что поэзия всегда требует внимания и сосредоточенности. А наибольшего внимания требует чтение — то есть прочтение, истолкование — хорошей поэзии. Трудность такой поэзии состоит не в непонятности ее, а в сложности».

Интересно связывает Циранович изменения в сфере художественного восприятия с изменениями в медиа-мире:

«Однако главный показатель нового восприятия — это всегда новые средства коммуникации: какая революция сознания была вызвана Гутенбергом или в XIX веке развитием периодической печати после изобретения ротационных машин! Такие же фундаментальные перемены в сознании влечет сегодня компьютер и развитие аудиовизуальных методов. (...) Думаю, что новая ценность молодой поэзии будет опираться главным образом на проверку новых методов передачи информации, их тестирование и использование».

Это слегка напоминает увлечение футуристов достижениями цивилизации, но сегодняшняя действительность медиа-методов и новые технические возможности оперирования словом к таким увлечениям склоняют. Жаль, что вне поля интереса осталась область искусства, называемая «конкретной поэзией», — в Польше у нее довольно скромные традиции, но в 70-е она сыграла некоторую роль, а самый известный ее представитель, Станислав Дрозд, в прошлом году получил премию Фонда Новосельских, о чем Юзеф Лозинский писал в «Твурчости» (2002, №11-12):

«Это беспрецедентно! 8 мая 2002 г. частная художественная премия Фонда Новосельских присуждена вроцлавскому поэту Станиславу Дрозду. Премия нешуточная — 30 тыс. злотых, а вдобавок это премия большого художника и позитивного богослова (не побоимся назвать богословом религиозно вдохновляемого художника, для которого Существо Божие всегда остается трансцендентным, ибо погружено в Троицу)».

Действительно, что, казалось бы, может быть отдаленней друг от друга, чем конкретная поэзия и иконопись Ежи Новосельского. Но если подойти без предубеждений, то в конце концов в искусстве речь идет об одном и том же — о том, чтобы уловить смысл.

Однако вернемся к дискуссии, идущей на страницах «Студиума». Быть может, полнее всего ее атмосферу передают слова поэта и критика Радослава Вишневекого:

«Новые черты? Не знаю, есть ли в молодой поэзии какие-то новые черты, которых не было у давних или более молодых предшественников. Разве что появилось благословение (проклятие?) преемственности. (...) То тут, то там я замечаю усиленные попытки выбрать из собственного мирка и принять вызовы, которые бросает окружающая действительность, а не только предаваться блаженному бытию-самим-собой. Несмотря ни на что кто-то вновь и вновь пытается что-то рассказать с помощью мира опосредованных культурой образов и не пугается заглавных букв (...) кто-то драматически ставит вопросы об одиночестве, страхе и границах действительности, создает проект мирского исповедания веры в сверхчеловеческий порядок. Неоклассическое предложение встречает слабый спрос, его почти не заметно. Осмеяние держится крепко. На фоне разнообразных соотнесений и в разных воплощениях появляется по-новому называемый город, театр лирических ситуаций, может быть, метафора молоха, цивилизации, взрывающейся под собственной тяжестью? (...) Я жду новой программы дискурса о человеке и его месте в мире. После откровенного отказа от соучастия, после воцарения приватности и интимности на продажу, говорения только за себя и с маленькой буквы — по этому пути пошли многие молодые поэты — я ожидал бы чего-то более направленного вовне, чего-то философски и социально более отважного. Похоже, действительность давно до этого дозрела. Да только как это сделать после насмешек над пафосом и издевательств над какой бы то ни было общечеловеческой миссией поэзии? Как не впасть в дешевое эпигонство, сохранить оригинальность языка? Как, не впадая в герметизм (а он молодой поэзии грозит), говорить о важном, когда со стольких слов уже содрано значение? Как говорить об абсолютном, не абсолютизируя языка, не путая средств с целью? Может быть, когда все твердят, что нечто невозможно, непременно появится такой, кто об этом попросту не слышал?»

Вот так мы и возвращаемся к исходной точке. Прав Вишневский, говоря — и выражая этим ощущения своих ровесников, — что «действительность давно до этого дозрела». До чего? До того, чтобы померяться с ней силами, чтобы начать дискуссию о том, что по-настоящему важно. И будем надеяться, что началом этих дебатов, возможно, станет нынешняя, все более крепнущая дискуссия о молодой литературе, особенно о молодой поэзии. Ибо, как говорит Чеслав Милош в своем «Поэтическом трактате», «все поэты в Польше — как барометр».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Фонд польской науки в 11-й раз присудил свои премии — общепризнанные главные научные награды страны. Премии получили: в области гуманитарных и общественных наук — проф. Лех Лещевич (Вроцлавский университет) за работу «Новый облик мира. Рождение средневековой европейской цивилизации»; в области естественных наук и медицины — проф. Мариуш Яскульский (Университет им. Адама Мицкевича в Познани) за раскрытие механизма возникновения отложений амлоидального белка у человека, способствующее пониманию некоторых заболеваний мозга; в области точных наук — проф. Анджей Удальский (Варшавский университет) за пересмотр масштаба расстояний во Вселенной и открытие ряда темных объектов, вероятно планет, сопутствующих звездам; в области технических наук — проф. Адам Пронь (Варшавский политехнический институт) за вклад в исследование полупроводников и получение аналогичных искусственных материалов. Премии в области экономики, учрежденную Торговым банком в Варшаве, получил проф. Эугениуш Квятковский (Лодзинский университет) за труд «Безработица. Теоретические основы».

◆ Хотя уже известно, что местом проведения Всемирной выставки 2010 г. избран Шанхай, проигравший в этой конкуренции Вроцлав не слишком огорчается. Президент (мэр) города Рафал Дуткевич еще до принятия окончательного решения говорил, что, во-первых, существует аварийный план, а во-вторых, «даже если мы проиграем битву за «Экспо-2010», все равно весь шум вокруг ее организации уже принес положительные для Вроцлава результаты. Выдвижение города на проведение Всемирной выставки подобно выдвижению на «Оскара». Оно значительно облегчает экономические переговоры и привлекает инвесторов... Кроме того, мы избавились от комплексов, а сама идея сплотила вроцлавское общество».

◆ В октябре-ноябре Вроцлав праздновал 300-летие своего университета. Акт учреждения Вроцлавского университета подписал в Вене австрийский император Леопольд I. Сразу после войны в Польше мало говорили о немецком прошлом университета, тем более что большая часть его профессорского состава раньше преподавала в польских университетах — Виленском и Львовском. Один из профессоров, предыдущий ректор Войцех Вшесинский, говорит: «Сегодня вроцлавские

ученые делают ставку на многокультурное прошлое университета. Университеты вообще действуют поверх границ народов и государств. Наследуются не только стены, но и интеллектуальные традиции. И мы чувствуем себя обязанными продолжать эти традиции». Одним из важнейших моментов юбилея было присвоение степени почетного доктора Лешеку Колаковскому, самому выдающемуся сегодня польскому философу. В обосновании решения об этом говорится: «Научной проницательности и оригинальности Лешека Колаковского сопутствует кристально чистая нравственная позиция, гражданское мужество и непреклонность в деле защиты свободы и демократии».

◆ Годовщину основания отметил и Варшавский университет. Правда, дата была не круглой (годом основания университета считается 1816-й), а юбилей не таким громким, как вроцлавский. И все же состоялось немало заслуживающих внимания мероприятий, а степень почетного доктора была присвоена Владиславу Бартошевскому, дважды министру иностранных дел Речи Посполитой, ныне президенту польской секции Международного ПЕН-Клуба

◆ Осенью исполнилось 60 лет со дня создания совета помощи евреям «Жегота» при делегате польского правительства (в изгнании) на территории оккупированной Польши. В варшавском Королевском замке журналистам и публике была представлена книга, посвященная «Жеготе». Это была единственная организация во всей оккупированной Европе, специально занимавшаяся противостоянием планомерному уничтожению евреев, которое проводила гитлеровская Германия. В декабре английский перевод этой книги будет представлен в вашингтонском Музее Катастрофы.

◆ В Варшаве в 11-й раз прошла Ярмарка исторической книги. Около 60 издательств представили свыше 1300 названий. Публика, как обычно, была многочисленной, а присуждаемые в день открытия ярмарки премии «Клио» получили Анджей Пачковский за работу «Путь к меньшему злу. Стратегия и тактика лагеря власти [в ПНР], Июль 1980 — январь 1982» и Мартин Заремба за монографию «Коммунизм, легитимизация, национализм». Среди книг, получивших другие премии, есть, в частности, работа Петра Вечоркевича «Цепь смерти» — первое масштабное исследование истории чисток в Красной Армии в 1937-1939 гг.

◆ «Если бы автором «Наррентурма» был не Сапковский, в рецензиях, вероятно, никогда не появи-

лось бы слово «фэнтези». Самое большое, — пишет в «Газете о книгах» (приложении к «Газете wyborczej») Войцех Орлинский, — «исторический роман с волшебными мотивами». То же самое с «Экстенсиой» Дукая — в этот роман нас вводит ребенок, и мы можем спокойно признать всю сверхъестественную часть действия работой его фантазии». Между тем перед нами два крупнейших польских писателя в области научной фантастики, которая, как утверждает рецензент, продолжает страдать «комплексом Лема».

◆ «Наррентурм» Анджея Сапковского — книга, уже вошедшая в список бестселлеров. Из других названий этого списка стоит отметить прежде всего те, что появились там недавно и относятся к литературе факта: последний, 5-й том «Лапидариума» Рышарда Капустинского и «Молитва о дожде» Войцека Ягельского, о которой критик пишет: «...я был восхищен познаниями, скромностью [автора] и его увлеченностью Афганистаном. Это одна из лучших книг литературы факта, которые вышли за последние годы в Польше. И прекрасно написана».

◆ Премию польского ПЕН-клуба за творчество в целом получил писатель (и кинорежиссер) Тадеуш Конвицкий. «Пессимист, который с первого, еще юношеского романа начал описывать конец света» — так определяет Конвицкого Тадеуш Соболевский.

◆ Посвященный Конвицкому документальный фильм Анджея Титкова получил главную премию VIII Независимого просмотра документальных форм в Кельце. Одним из самых интересных кинофильмов этого фестиваля была также картина Марии Змаж-Кочанович «Дети революции» — свидетельства о начале и конце демократической оппозиции в Польше, Чехии и Венгрии.

◆ Польские авторы научной фантастики уже десятки лет сражаются с «комплексом Лема». А сам Лем тем временем сражается с киношниками. Состоялась премьера американского фильма «Солярис», снятого по роману Лема. Режиссер фильма Стивен Содерберг обещал снять нечто среднее между «Космической Одиссеей-2001» и «Последним танго в Париже», на что встревоженный Лем отвечал: «Простите, где Рим, а где Крым? Харви, трагическая любовь Келвина, которая воскресает в «Солярисе», — это отражение романтического, а не постельного будущего». Широко известна предыдущая экранизация «Соляриса», поставленная Андреем Тарковским, премированная в Каннах и признанная одним из важнейших фильмов в области научной фантастики. Но и тут у Лема были возражения: в частности, он утверждал, что русский режиссер перепутал «Солярис» с «Преступлением и наказанием». По всему видно, что лучшей из существующих экранизаций Лема была «Больница Преображения» Эдварда Жебровского, но этот

фильм не имеет ничего общего с фантастикой: он снят по автобиографическому роману Лема.

◆ Международный фестиваль кинооператоров «Camerimage» приобретает все более высокий уровень. В этом году, на X фестивале, было показано 14 кинофильмов, а жюри под председательством Криса Менгеса (оператор «Миссии») присудило «Золотую лягушку» двум операторам: Конраду Холлу («Пути к утрате») и Кшиштофу Птаку («Эди»). На фестивале возникла новая идея, авторство которой принадлежит американскому режиссеру Дэвиду Линчу. Вместе с организаторами фестиваля он хочет ввести в строй новую киностудию в Лодзи. Переговоры по формальным вопросам уже сильно продвинулись, а известные режиссеры Питер Уэйр и Рональд Джоффе объявили, что готовы сотрудничать с новой студией. Это дало бы возможность вдохнуть жизнь в почти пустые сегодня цеха старой Лодзинской киностудии и вернуть городу ранг киностолицы, притом уже не только польской.

◆ Среди лауреатов премии, присуждаемой Европейской киноакадемией, — польский оператор Павел Эдельман, снявший фильм Романа Полянского «Пианист».

◆ Поэт и драматург Тадеуш Ружевич в речи на вроцлавском форуме современной драматургии «Евродрама-2002», обращаясь к его организаторам, сказал: «Желаю вам, чтобы во вроцлавских мастер-классах наконец родился новый театр. (...) Я хотел бы обрести театр заново не с помощью инсценировок или все большего числа формальных и технических новшеств. Я хотел бы обрести театр для людей через слово. (...) Обретение места в действительности может происходить путем сверхреалистических постановок. Сверхреализм преобразуется в сторреализм, и в этом чудо театра. Реализм не стареет, а новаторство создает схемы и стареет куда быстрее». На форум прибыли молодые драматурги из нескольких стран.

◆ В Варшаве в качестве дирижера выступил Мстислав Ростропович (см. статью К.Гардины в этом номере). Отвечая на вопрос, где он чувствует себя как дома, музыкант ответил: «В самолете... у меня не так уж много квартир... а теперь есть большой дом в Петербурге, где я собираюсь разместить весь свой архив, все документы, накопившиеся за мою бурную жизнь... Однажды безо всякой уверенности я приобрел на аукционе в Лондоне полицейский рапорт по делу убийц Распутина... Потом мне в руки попали записки императрицы Марии Федоровны, матери последнего русского царя... Кто знает, может, я в своих путешествиях наткнулся еще не на один любопытный документ».

◆ Артистическим событием стал совместный концерт польской певицы Анны Марии Йопек и американского гитариста Пэта Метени. Концерт был посвящен выходу их совместной пластинки «Упоение».

◆ В двадцатилетие своей краковской галереи художник-график Анджей Млечко открыл авторскую галерею и в Варшаве.

◆ К 150-летию со дня рождения Леона Вычулковского (1852-1936) открылась выставка его работ в краковском Национальном музее. «Вычулковский, — пишет рецензентка, — писал картины маслом, темперой, рисовал тушью, карандашом, углем, пастелью, мелками. Занимался скульптурой и интересовался гравюрой, пробуя различные методы гравирования. (...) Он не был артистом одной только эпохи, привязанным к единственному стилю. Его влекли материя предметов, свет и цвет».

◆ В Лодзинском Музее искусства открыта выставка работ живописца и графика Кароля Хиллера (1891-1939), создателя техники, названной гелиографией. «Большой талант раскрылся в абстрактных композициях Кароля Хиллера, — пишет Дорота Ярецкая, — хотя, может быть, лучше назвать их видениями. (...) При полном освобождении от ограничений реалистического повествования в них тянется какая-то повесть, которую можно сравнить с мифологией Бруно Шульца (...) стихии человеческой природы и природные стихии выступают вместе».

◆ В Варшавской галерее «Захента» показана ретроспективная выставка живописи Лукаша Королькевича под названием «В неподвижной точке». «Это документация совершенствования мастерства живописца, — пишет Моника Малковская, — свидетельство созревания, формирования личности. От юношеских экспериментов с формой он быстро перешел к более серьезным темам, начав исследовать закоулки психики — дремлющий во многих из нас бисексуализм, чувство отчужденности, одиночества среди людей, необъяснимую переменчивость настроений».

◆ Видный польский художник Павел Альтхамер подготовил весьма необычное мероприятие. В залах Уздовского замка состоялся костюмированный бал для детей, посвященный Янушу Корчаку. Уздовский замок на одну ночь превратился в настоящий сказочный дворец, где могут исполняться все желания.

◆ Крупнейшим событием в области изобразительного искусства стала варшавская выставка произведений Пабло Пикассо «Перемены», на которой экспонировались работы из нескольких зарубежных и всех польских собраний. Выставка жготно показывает необычный путь этого художника, сделавшего много открытий и многократно менявшего характер своего творчества, как говорит куратор выставки Дорота Фольга-Янушевская. И хотя знатоки слегка кривятся, в Варшаву съезжаются экскурсии со всей страны, а выставка, по-видимому, будет пользоваться таким же успехом, как показанные в прошлом году в том же самом месте произведения импрессионистов.

◆ Премию и звание «Журналиста года», присуждаемые ежемесячным журналом «Пресс», получила в этом году публицистка «Политики» Янина Парадовская.

◆ «Большой блеск», единственная премия для сотрудников радио, присуждена в этом году актеру Театра Польского радио Кшиштофу Вакулинскому за выдающиеся роли и «творческий вклад, послуживший развитию и упрочению ранга артистического радио в Польше».

◆ Событием, вызвавшим отклики по всей стране, стал показанный Общественным телевидением фильм Ежи Моравского «Империя отца Рыдзика», посвященный спорам вокруг «Радио Мария», католической радиостанции, руководимой о. Рыдзиком, который наделен разнообразными хитроумными талантами. Материалы, аналогичные обнародованным в фильме, опубликовала также пресса, а делом занялся Епископат. Однако, хотя сомнения по поводу некоторых хозяйственных нарушений и содержания передач радиостанции выглядят обоснованными, дело требует гораздо более серьезного подхода, чем тот, что избрал тележурналист. Еще раз добросовестность в достижении истины перевесили поиски сенсации, а это не всегда служит пользе дела, даже самого справедливого. И еще раз оказалось, что не всегда важно, что говорится, но и — где говорится. Часть участников дискуссии сочла, что Общественное телевидение, главный грех которого — приверженность нынешней власти, — не самое лучшее СМИ для показа фильма об учреждении, которое этой власти безусловно недружественно. И это не такой уж маловажный аргумент...

◆ 15 января 2003 года в 10 час. 30 мин. в Варшаве в здании Сената (ул. Вейска 6, парадная В2) под высоким покровительством президента Польши Александра Квасневского, и вице-маршала Сената Иоланты Данеляк откроется выставка «История, настоящее и будущее польской нефтяной промышленности», организованная всеми подразделениями АО «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» (Polskie Górnictwo Naftowe i Gazownictwo S.A.). Выставка положит начало целому ряду мероприятий, посвященных 150-й годовщине зажигания первой керосиновой лампы. В связи с этим нынешний год объявлен Годом Игнация Лукаевича, который в 1853 г. подверг перегонке нефть и в результате получил чистый керосин. Это изобретение ознаменовало новую эпоху в развитии цивилизации, в особенности мировой экономики. После торжественного открытия выставки в 11 час. в комнате 179 Сената РП состоится пресс-конференция с участием представителей Сената и АО ПНГП.

Катажина Гардзина

ЗВЕЗДЫ БОЛЬШОЙ МУЗЫКИ В ВАРШАВЕ

ЕВА МАРТОН В «ТУРАНДОТ»

В начале ноября одна из самых выдающихся сопрано нашего времени Ева Мартон исполнила в Большом театре — Национальной опере заглавную партию в опере «Турандот». Этот гала-спектакль был своего рода генеральной репетицией перед заграничными гастролями Оперы. В январе будущего года коллектив выезжает в Японию со спектаклями «Турандот» и «Отелло». Партию Турандот вновь будет исполнять Ева Мартон.

Ева Мартон — всесторонняя артистка. Дебютировав в 1968 г. на сцене Будапештской оперы, она с тех пор успешно выступает на крупнейших сценах мира в операх Верди, Пуччини, Р. Штрауса, Джордано, Вагнера и других. Она делает исключительно много записей: на ее счету запись всего «Кольца Нибелунгов», многочисленные диски целых оперных спектаклей, а также несчетное число сольных концертов, альбомы оперных и симфонических сочинений с ее участием.

Певица уже выступала в варшавском Большом театре. В 1999 г. она исполнила роль Юдит на премьере «Замка герцога Синяя Борода» Бартока, а в сентябре этого года выступала с коллективом Большого театра на Фестивале Афродиты на Кипре.

В историю современной оперы Ева Мартон вошла прежде всего как «Турандот нашего времени» — так ее окрестили после выступления на сцене Венской государственной оперы в 1983 году. Эта необыкновенно трудная партия нашла в венгерской артистке великолепную исполнительницу, и в этой партии мы ее и увидели на варшавской сцене. К сожалению, лучшие годы артистки, кажется, остались позади. Поэтому в спектакле она брала больше техникой, нежели самим голосом. В сцене трех загадок из ее горла вырывались со страшным трудом издаваемые звуки. Несколько лучше было в более лиричной концовке. Рядом с Мартон выступили Янез Лотрич в партии Калафа, Изабелла Клосинская — Лю и талантливый молодой бас Рафал Сивек — Тимур.

ЗНАМЕНИТЫЙ ОТЕЛЛО

Выступление Хосе Куры в роли Отелло на сцене того же театра, ожидавшееся как крупное событие, оказалось успехом разве что наполовину: спектакль был успехом польских певцов — партнеров знаменитого тенора, зато едва ли не провалом аргентинского певца.

Коллектив театра доказал, что он в состоянии прекрасно исполнить шедевр Верди, даже если исполнитель главной роли Отелло не в лучшей вокальной форме. И хотя публика пришла в театр как раз «на Куру», приходится признаться, что на этом единственном спектакле аргентинцу, кажется, не удалось очаровать польских меломанов. Хосе Кура кашлял почти весь спектакль, нисколько не пытаясь замаскировать проблемы с горлом. Мы же, не предполагавшие, что артист нездоров, имели полное право ожидать выступления без всяких скидок.

Однако скрыть то, что тенор не в лучшей форме, никоим образом не удалось. В первом акте знаменитое «Esultate!» прозвучало пискливо, во втором акте артист пел на разные голоса, редко своим. После антракта было уже лучше, и только последний, четвертый акт можно считать вполне удачным. В полной сосредоточенности финальной сцене с Дездемоной Кура, наконец, отказался от своей чрезмерно экспрессивной игры и постарался выразить чувства пением. Если на основании варшавского выступления Хосе Куры можно говорить о концепции роли (которая, вероятно, была результатом соединения довольно специфичной сценической концепции Мариуша Трелинского с собственным опытом и темпераментом певца), то, конечно, как говорит и сам певец, это не был благородный Отелло. Мавр Верди в исполнении Куры был резок, нетерпелив, а с момента, когда он поддался нашептываниям Яго, — едва ли не невменяем. Впрочем, когда звучал голос «настоящего Куры», было видно, что артист обладает сценическим инстинктом: некоторые детали его исполнения звучали убедительно.

Рядом с этим «нездоровым» Отелло превосходно выглядели остальные солисты. Изабелла Клосинская показала, сколько прелести можно отыскать в хрупком образе Дездемоны. Адам Крушевский в роли Яго стал открытием вечера. Он создал цельный, продуманный образ — такого Яго, как с точки

зрения вокала, так и с точки зрения актерской игры, не постыдился бы ни один театр в мире. Заслуживали одобрения и созданный Рышардом Минкевичем Кассио, Эмилия (Анна Любанская) и Рафал Сивек, дебютировавший в партии Лодовико. Все замечательно вписались в музыкальную ткань сочинения Верди, которым мастерски дирижировал Яцек Каспшик.

Выступление Хосе Куры тоже было репетицией перед совместными гастролями варшавского Большого театра и аргентинского певца в Японии, где в январе 2003 г. «Отелло» будет показан четырежды. У нашего Большого театра есть что показать японской публике. Лишь бы у Хосе Куры было на этот раз что показать, кроме своего имени.

СОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ БЕНА ХЕПНЕРА

Еще не стихли аплодисменты после «Отелло» с Хосе Курой, а Большой театр уже подготовил следующую встречу со всемирно известным тенором. В столицу приехал Бен Хепнер, считающийся крупнейшим драматическим тенором современности. Певец выступил в сольном концерте с ариями из опер Вагнера, Галеви и Берлиоза.

Мы слушали Бена Хепнера в репертуаре, который лучше всего отвечает его голосовым данным. Великие вагнеровские теноровые партии принесли ему признание критики и меломанов, а также ангажементы в крупнейшие оперные театры мира. Хепнер родился в Канаде, там же закончил Британскую университетскую музыкальную школу. В 1988 г. он получил первую премию имени прославленной вагнеровской певицы Биргит Нильсон и исполнил партию Лоэнгина на сцене Шведской Королевской оперы. В том же году он победил на прослушивании в «Метрополитен-опере». В августе 1998 г. певец впервые выступил в заглавной роли в «Тристане и Изольде» в новой постановке театра в Сигтле. Хепнера нарекли «Тристаном нового тысячелетия». Эту партию он затем с успехом пел в «Метрополитен-опере», чикагской «Лирик-опере», на Пасхальном фестивале в Зальцбурге и на фестивале «Флорентийский музыкальный май». Особое место в его карьере занимает также партия Вальтера в «Нюрнбергских мастерзингерах», в которой он дебютировал на сцене «Ла Скала», а позднее исполнял ее в Сан-Франциско, в Баварской опере, в Марселе, Ницце и Нью-Йорке с оркестром под управлением Джеймса Левина, а недавно — в лондонском «Ковент-Гардене». Певец с равным успехом берется как за драматические партии в операх Верди, Пуччини и Берлиоза, так и за произведения славянских композиторов — «Енуфу» Яначека, «Русалку» Дворжака и «Пиковую даму». Не чурается он также современного и концертного репертуара. В частности, он пел в 8-й симфонии Малера, в «Песни о земле» Шенберга и в «Военном реквиеме» Бриттена с лучшими оркестрами и крупнейшими дирижерами.

Варшавский концерт был для польских меломанов первой возможностью сравнить записи Бена Хепнера с «живым» исполнением. Интересно построенная программа концерта, в которую, кроме арий, вошли многочисленные оркестровые фрагменты, стал проверкой мастерства певца и аккомпанировавшего ему оркестра Большого театра под управлением Яцека Каспшика. Канадский тенор полностью покориł публику как в вагнеровском, так и во французском репертуаре. Ария Энея из «Троянцев» Берлиоза и единственная, но зато великолепная ария из Галеви — ария Элиазара в редко играемой опере «Жидовка» — заставили восхищенную публику устроить овацию стоя.

РОСТРОПОВИЧ ДИРИЖИРОВАЛ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛАРМОНИИ

22 ноября на сцене Национальной филармонии выступил Мстислав Ростропович. Знаменитый виолончелист и дирижер управлял Молодежным оркестром фестиваля в Вербье, где играют молодые инструменталисты из 34 стран. Мы услышали две 5-х симфонии — Чайковского и Шостаковича.

Мстислав Ростропович — это живая легенда. Это не только великий музыкант, но и человек по-настоящему большого сердца. Отсюда, наверное, и магия притяжения, которая сопутствует каждому его выступлению. Для него и его волшебного Страдивариуса писали музыку Шостакович, Лютославский и многие другие. Неоценим его вклад в пропаганду композиторского наследия его учителя и друга Дмитрия Шостаковича.

Мстислав Ростропович в последний раз был в Польше в 1998 году. На краковском фестивале Кишиштофа Пендерещкого он исполнил концерт Антонина Дворжака. А за год до этого Ростропович выступил в Варшаве, здесь же, в филармонии, в двойной роли дирижера и виолончелиста, и получил звание доктора honoris causa Музыкальной академии им. Шопена. Тогда он выкроил время, чтобы навестить дом своей семьи под Сохачевом и могилу бабушки на варшавском кладбище Повонзки. На этот раз он прилетел всего на один день: концерт в Варшаве был частью длительных гастролей оркестра по странам Европы.

Наталья Будзан

ТРИУМФ СПЕКТАКЛЯ ИЗ НОВОСИБИРСКА

В ноябре во Вроцлаве проходили 36-е Встречи театров одного актера. Их директор Веслав Грас, он же автор замысла и организатор Всепольского фестиваля театров одного актера, пригласил директоров подобных мероприятий из соседних стран: Белоруссии, Германии, Латвии, России и Украины. Встречи проходили под девизом «Мы и наши соседи». Кроме немецких, русских и украинских актрис, зрители увидели выдающуюся греческую актрису Аглаю Паппас, которая получила премию журналистов за спектакль «Молли Блум» по мотивам прозы Джеймса Джойса в постановке Димитриса Иконому. Этот монолог, запись потока сознания женщины, потребовал от нее необычайного актерского мастерства.

«Гран-при» и премию публики получила Ирина Серебровская из новосибирского театра «Старый дом». Она привезла во Вроцлав спектакль «Акт», на Всероссийском фестивале моноспектаклей в Перми тоже удостоенный «Гран-при». (До Вроцлава «Акт» был показан на киевском фестивале камерных театров «Видлуння»; спектакль был также приглашен на международные фестивали театров одного актера в Кишиневе и Москве. — *Ред.*) На новосибирском театральном конкурсе Ирина Серебровская получила премию за лучшую женскую роль (спектакль «Играем Довлатова» — *Ред.*).

Премьера спектакля «Акт» состоялась в 1998 г. Поставил его Сергей Бобровский, он же вместе с Серебровской автор сценографии и монтажа текста, куда вошли фрагменты произведений русских писателей и «Саломеи» Оскара Уайльда. Спектакль заканчивается знаменитыми строчками из «Бармалея» Корнея Чуковского: «...не ходите в Африку, в Африку гулять...»

Выход актрисы на сцену начался провокационно: она дважды вышла и, пробормотав «Нет», спряталась за занавес. Публике пришлось дожидаться иллюзии, актера. Рассказ о театре, о встрече с женщиной, о грехе и чувстве вины, мечте о материнстве — все это как по волшебству ожило на сцене с помощью ее голоса и жестов. Пьеса говорит не только об актере и обществе, но вообще о художнике, которого общество по-всякому унижает. Верная своей внутренней правде, занятию искусством, ремеслом, актриса старается спасти в себе человека даже в крайних обстоятельствах. А может быть, безумие и отказ от участия в коллективной лжи путем бегства в болезнь лучше, чем согласие на предлагаемые условия?

Монолог Саломеи с тувельками, танец в изорванных бинтах актриса исполнила так, что зрители были потрясены, даже если не полностью понимали текст. Созданный актрисой архетип любви Саломеи, которой не удалось соблазнить Иоанна Крестителя, — любви ослепленной, порывистой, не умеющей снести поражения принцессы, к человеку, который живет в ином мире, избавленный от вождельний, не заботящийся о плотских наслаждениях, приводит мне на ум вечное расхождение мира ислама и мира христианства и даже страстей южан и рациональности западной цивилизации.

Совершенно иным был спектакль «Стена», показанный Галиной Стефановой из Львова. Пьеса, написанная Юрием Щербаком по мотивам переписки аристократки с ее задушевым другом, швейцарским пастором, пробудила у зрителей смешанные чувства. Постановщик спектакля Микола Мерзлин постарался оосовременить образ героини, но вместо психологического театра дал одномерную фигуру, в результате чего сам замысел показать любовные страдания княгини был воспринят зрителями как довольно сомнительный. Тем не менее актриса получила премию «Свидницкого погребка», где в 1966 г. все начиналось.

Премию директоров фестивалей театра одного актера получил Марек Калига за монодраму «Я в третьем лице» по мотивам фрагментов пьес Томаса Бернгарда в постановке Марека Кендзерского.

Спектакли проходили в Кукольном театре и в Центре Гротовского. Новинкой этого года был показ некоторых спектаклей, уже премированных в других городах Нижней Силезии. Во время фестиваля прошла конференция с участием актеров на тему «Мой театр одного актера: как я его вижу и воплощаю».

В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ВСЕГО

Беседа с о. проф. Михалом Хеллером

О. проф. Михал Хеллер (род. в 1936 г.), физик-космолог, философ, богослов, профессор Папской богословской академии, член Папской академии наук, научный сотрудник Ватиканской астрономической обсерватории в Капель-Гандольфо. Автор многочисленных научных трудов по теоретической физике и космологии. Опубли-

ковал несколько десятков книг, популяризирующих космологию, философию, историю науки и богословие. Преподавал в Лувэнском, Оксфордском, Лестерском и Бохумском университетах. Вместе с архиепископом Юзефом Жицинским основал научный журнал «Philosophy in Science», издающийся в Аризоне.

— Я думала, что космолог, исследующий Вселенную, должен смотреть на звезды. Между тем, судя по вашей комнате, гораздо чаще, чем к звездам, вы обращаетесь к числам. Каким образом с помощью математики можно объяснить физическую реальность? Можно ли из чисел узнать больше, чем из звездного неба?

— Это огромная загадка, которую еще никому не удалось до конца разгадать. В этой связи мне вспоминается прекрасный фрагмент из «Республики» Платона. Философ, как и все на свете, хотел реформировать государство, а если государство, то и образование. Он задавал вопрос: чему учить в школах? И давал ответ: прежде всего — геометрии, которая в то время отождествлялась с математикой и считалась царицей наук.

— Однако дальше Платон спрашивал: что на втором месте? — Астрономия, ибо необходимо научить людей смотреть на звезды.

— На что Платон отвечал: астрономия — да, но смотреть на звезды? Это пустая трата времени. Лучше заглянуть в геометрию — там все написано.

Платон верил: то, что совершенно и прекрасно, должно реализовываться в [физическом] мире. Симметричные тела должны описывать действительность. Мир сферичен, ибо сферическая симметрия — самая совершенная. Как ни странно, сегодня мы пользуемся тем же методом, и он действует.

Каждое физическое взаимодействие (а их четыре: гравитационное, электромагнитное и два ядерных) характеризуется математической симметрией. Пытаясь построить теорию всего, т.е. такую, которая охватывала бы все взаимодействия, мы по сути дела ищем некую сверхсимметрию, содержащую в себе все известные на сегодняшний день симметрии, ответственные за отдельные взаимодействия. Если мы найдем нужную симметрию — а для этого необходимо хорошее чутье, — то в известном смысле эксперименты — действительно пустая трата времени: все записано в математической структуре. Как правило, теория значительно раньше предсказывает, каковы будут результаты измерений.

— В начале XX века были сделаны два переломных для современной физики открытия: появилась теория относительности и квантовая механика. С тех пор вот уже четвертое поколение физиков во всем мире пытается найти сверхтеорию, которая объединила бы два способа описания единого мира. Пока безрезультатно. Неужели физика зашла в тупик?

— Давайте напомним, в чем дело. Теория относительности Эйнштейна говорит о том, что происходит во Вселенной, т.е. в системе очень большой, квантовая же механика, начало которой положил Макс Планк, касается систем очень маленьких, таких, как атомы и элементарные частицы. Обе теории базируются на разных математических предпосылках. Проблемы возникают, когда ученые пытаются описать состояние, соединяющее в себе свойства микро- и макромира, т.е. такое, которое должно было характеризовать Большой Взрыв. Вселенная тогда была очень плотной

и горячей. Физики считают, что в то время эти две теории функционировали как одна. Поэтому скорее всего они — приближения одной теории, в действительности и управляющей Вселенной. Теорию эту называют квантовой теорией гравитации. Ее поиски — одно из основных направлений современной физики, и здесь мы действительно зашли в тупик.

Существует множество вариантов такой теории, но ни один из них не подтвердился. А в физике обычно действует правило: если верная теория найдена, то в течение нескольких лет ее истинность подтверждается. Некоторое время была модна теория суперструн — сегодня мы уже знаем, что она не окончательна. Окончательная теория должна быть одна, в то время как теорий суперструн — пять. Сейчас физики изучают т.н. теорию М, от английского слова mysterious (таинственная, загадочная), которая должна объединить все теории струн, однако пока что исследования находятся на очень раннем этапе.

— *Физики говорят, что каждый занимающийся космологией рано или поздно придет к квантовой гравитации. Вам, кажется, тоже снятся сны об окончательной теории. Недавно вы опубликовали книгу «Квантовая космология», одно название которой наводит на мысль, что вы пытаетесь соединить микро- и макроуровни. В научной среде ходят слухи, что вместе с учеными из Варшавского политехнического института вы ведете исследования или, скорее, расчеты, приближающие нас к открытию теории всего. Как далеко вы продвинулись? Неужели снам физиков всего мира суждено сбыться в Польше?*

— Должен вас огорчить: таких сенсационных результатов у нас нет. Я всегда подчеркиваю, что модель, над которой мы работаем, указывает не более чем направление поисков сверхтеории. Мне кажется убедительным мышление Платона, утверждавшего, что стоит положиться на красоту. Мое внимание привлекла т.н. некоммутативная геометрия, восхитившая меня своим общим характером. Математика, а за ней и физика развиваются в направлении все более абстрактных структур. В отличие от других областей, развитие науки

не перечеркивает прежних достижений. Некоммутативная геометрия, на которой мы базируемся в наших исследованиях, содержит в себе старую геометрию, но выходит за ее пределы. Пока что мы создали игрушечную модель, предназначенную для тестирования определенных концепций.

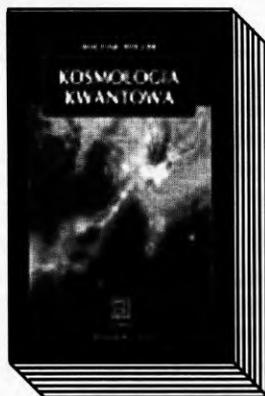
Нам еще далеко до окончательного решения, но даже если наша теория окажется ложной с физической точки зрения, она все равно останется математически стройной, а вытекающие из нее заключения будут верными. В теоретической физике в расчет принимаются и идеи,

лишь приближающие нас к решению проблемы. Наши труды публикуются в международных научных журналах — следовательно, они прошли суровое рецензирование. Любопытно, что математики интересуются ими в большей степени, чем физики. Я объясняю это тем, что некоммутативная геометрия — область новая и математики знают ее лучше, чем физики.

— *Переворачивает ли новаторская теория, над которой вы работаете, все наши представления о мире и действующих в нем законах?*

— Этот метод действительно имеет далеко идущие последствия. Если руководствоваться им, получается, что на заре Вселенной, в т.н. эру Планка, существовало пространство, совершенно не согласующееся с нашими представлениями. Пространство, в котором нет точек. Следовательно, не могло быть и времени, состоящего из мгновений. Когда мы сделали это открытие, перед нами возникла серьезная проблема: можно ли вообще заниматься физикой без понятий обычного пространства и времени? Процесс становления — важный аспект физики, а динамика ассоциируется у нас с движением, с течением времени. К нашей радости оказалось, что это условие ее существования не необходимо. В абстрактном, некоммутативном пространстве есть динамика, однако движение происходит не от точки к точке: изменяются состояния, действуют некие силы, которые наш разговорный язык не в состоянии описать. Следовательно, мы можем продолжать нашу работу.

Любопытная вещь: на определенном этапе я почувствовал, что меня перестает интересовать,

действительно ли мир таков, или нет. Выстраивая некую логически непротиворечивую модель мира, я чувствую себя немного художником, создающим что-то собственное. Но, конечно, у меня нет такой свободы. Я должен делать выводы, подчиняясь железным законам логики.

— *Может ли математик вообще говорить, что он свободен?*

— Если я совершаю какие-то математические действия, я должен быть внутренне свободен, готов к тому, что мое рассуждение может пойти в различных направлениях, что некоторые пути ошибочны, и от них нужно отказаться. Если бы я был полностью детерминирован, процесс рассуждения, скорее всего, был бы невозможен. Старый философский тезис гласит, что разумность и свободная воля — де-факто одно и то же. В этом смысле я свободен. Но с другой стороны, несколько раз в жизни мне случалось верить, что я нашел правильное решение той или иной математической проблемы. К сожалению, у меня все время что-то не сходилось.

Если бы мне нужно было пробить стену, я бы мог попытаться сделать это с помощью кирки, динамита, бомбы, и в конце концов стена бы рухнула. В математике же, несмотря на отсутствие оказывающей сопротивление материи, если в рассуждении есть ошибка, устранить препятствие невозможно. В этом ограничение математики, но в этом и ее сила. Можно прибегнуть к такому сравнению: в каждом компьютере есть hardware, т.е. электронное устройство, и software, т.е. программы. Математика — это software Вселенной.

— *Быть может, благодаря теории, над которой вы работаете, человечество осуществит свою мечту и освободится от времени. Может ли человек освободиться от времени?*

— Может, только очень не хочет. Чтобы освободиться от времени, достаточно умереть. Другого пути нет.

— *В своей книге вы пишете, что начало повсюду. Что это значит?*

— До уровня Планка, т.е. до начала Вселенной, можно пойти двумя путями. Можно двигать-

ся назад во времени — тогда мир будет уплотняться, сжиматься, и в конце концов мы достигнем эры Планка, в которой время и пространство исчезают.

Но можно проникнуть туда и другим способом — ведь уровень Планка существует и сегодня. Для этого нам не придется выходить за пределы мира: будет довольно, если мы войдем в него достаточно глубоко. В ускорителях, где сталкиваются частицы, мы ужеходим ниже уровня ядра атома. Однако, чтобы добраться до эры Планка, необходима энергия гораздо больше той, которую мы можем получить на сегодняшний день. Если бы это когда-нибудь удалось, в чем я сомневаюсь, мы достигли бы начала... и в то же время конца.

— *Если на заре Вселенной, на уровне элементарных частиц, не было времени и пространства, то, может, нам не стоит беспокоиться и о конце Вселенной? Может быть, вы дадите нам надежду на физическую вечность Вселенной?*

— С нашей точки зрения, т.е. с точки зрения макронаблюдателей (время действует на нас), вопрос о начале, а следовательно, и о конце Вселенной, имеет смысл. У Вселенной есть своя история, насчитывающая 12 млрд. лет, — значит, будет у

нее и конец.

Известно, что судьба Вселенной зависит от средней плотности материи. Если мир будет слишком плотным, он коллапсирует и сгорит. Если же он будет бесконечно расширяться, то в конце концов «растворится» в пустоте и абсолютном холоде. Он будет существовать, но в нем не будет жизни. У нас нет шансов на вечность Вселенной. Однако вас это не должно беспокоить. Это вопрос очень отдаленного будущего, на которое мы имеем весьма ограниченное влияние.

— *Мы говорим о физике, но на самом деле все время вертимся вокруг математики. Неужели математика — единственный язык познания Вселенной?*

— Сегодня невозможно представить себе физическую теорию, у которой не было бы математических основ. Этот метод эффективен со времен Архимеда, он позволяет нам познавать мир: ведь если он действует, а другие методы — нет, значит, мир обладает неким весьма зага-

дочным свойством, благодаря которому его можно исследовать математически. Коротко говорится, что мир математичен.

— *Известные нам математические теории вы называете вершинами подводного горного массива, вздымающимися над поверхностью океана. Возникает вопрос: что представляет собой этот подводный массив — только абстрактный мир математики или же структуру мира, в котором мы живем?*

— Математика — это великая структура структур. Отдельные учебники описывают лишь ее фрагменты, но все они связаны между собой. Математики, не занимающиеся физикой, восхищаются их красотой. Должен признаться, что вхождение в мир математики — ни с чем не сравнимое переживание. Это сверхпоэзия, соединенная с необходимостью и свободой. Некоторые из этих структур подходят к реальному миру, но, наверное, не все. Математика несравненно более богата, чем Вселенная. Я могу придумать бесконечное множество математических структур, однако в физике используется лишь малая их доля. Остальное — искусство ради искусства.

— *Зачем тратить деньги на дорогостоящие экспериментальные исследования, если все это можно сделать гораздо дешевле с помощью математики? Физик-теоретик для работы нужны лист бумаги и карандаш. Какая экономия для государственного бюджета!*

— И все же последнее слово в науке остается за экспериментом. Предположим, мы создали прекрасную теорию, которую сочли окончательной. Однако нам все равно придется свериться с опытом, чтобы узнать, истинна ли она. Иначе у нас никогда не будет уверенности.

Другое дело, что понятие опыта в физике изменится. Во времена Архимеда или Галилея отличить теорию от опыта было легко. Сейчас это совсем не так просто. Осматривая большой ускоритель в ЦЕРНе под Женевой, я попросил сопровождавшего нас профессора показать результаты проводившегося в тот момент эксперимента. Он немного смешался и привел нас в подземное помещение, где находились только компьютеры, пересчитывавшие полученные данные. Результаты вычислений тотчас же

передавались на спутник, который рассылал их по разным университетам, где расчеты велись дальше. Вот и скажите мне: где здесь опыт, а где теория?

— *Вы говорите, что для выбора правильного направления поисков кроме знаний необходимо хорошее чутье. Выдающийся физик Стивен Вейнберг утверждал, что выбрать верную теорию ученым помогает ощущение красоты.*

— Это действительно важный критерий. Красота физических теорий заключается в простоте и неизбежности совершенной структуры, в которой все элементы идеально подходят друг к другу и не могут быть изменены. Это красота логической однозначности. Красота сдержанная, классическая, как в греческих трагедиях. Если теория некрасива, можно быть почти уверенным, что она неверна.

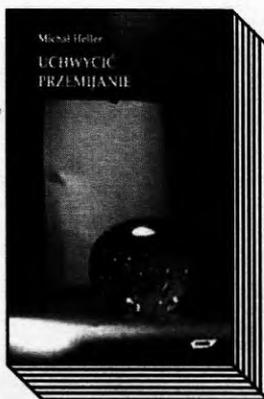
Часто физики удивляются, что математики, руководствуясь ощущением красоты, создают структуры, которые спустя десятилетия оказываются полезными физикам. Я всегда повторяю, что люди, знакомые с высшей математикой, имеют ничтожное представление о красоте.

— *Что ж, я могу вам только позавидовать. Боюсь, что мне уже слишком поздно братья за высшую математику. Таким, как я, остается лишь наслаждаться красотой закатов.*

— Я тоже очень люблю смотреть на закаты. Может, вам и не стоит мне завидовать: математика — источник не только красоты, но и страданий. Если я чувствую близость какого-то решения, но что-то у меня не получается и я ищу, ошибаюсь, то зачастую это причиняет почти физическую боль.

— *Космология появилась сравнительно недавно, после открытия в 1917 г. теории относительности.*

— Да, но она очень быстро развивалась. Уже в 1929 г. американский астроном Эдвин Хаббл на основании наблюдений пришел к выводу, что чем дальше от нас находится какая-либо галактика, тем быстрее она отдаляется. Во второй половине XX века было открыто фоновое излучение. Оказалось, что молодая Вселенная была заполнена главным образом электромагнитным излучением.

остатки которого существуют в космосе по сей день. Это и есть т.н. фоновое излучение. Исследования этого излучения позволяют нам увидеть, как выглядела Вселенная спустя 200-300 тыс. лет после Большого Взрыва. Следовательно, мы имеем наблюдательные данные, описывающие почти всю историю Вселенной. Вне нашего поля зрения остается лишь малая доля процента.

— Но ведь эта малая доля процента все-таки остается. Что происходит в космологии сегодня?

— Конечно, с этим остатком (т.е. с самым началом!) труднее всего. Похоже, на сегодняшний день темп теоретических исследований в космологии (но не в других областях физики) замедлился. Сейчас мы выходим на новый этап — лавинообразного наплыва данных наблюдения. Новая эра в космологии началась с запуска телескопа Хаббла, который показал значительно больше, чем можно было увидеть прежде, с разработки новых технологий наземных телескопов, состоящих из множества небольших зеркал, и, конечно же, со спутниковых наблюдений. В настоящее время идет строительство международной орбитальной станции «Альфа», которая через несколько лет начнет действовать как общая обсерватория. Спутники исследуют количество черной материи, исследуется также фоновое излучение. Распределение температуры фонового излучения даст нам очень точную информацию о том, что делалось в молодой Вселенной. Думаю, что в космологии в любой момент может начаться большое оживление.

— Ваша последняя книга называется «Смысл жизни и смысл Вселенной». Какова взаимосвязь этих двух смыслов?

— То, что вопрос о смысле жизни важен для каждого человека, не нужно даже обосновывать. Мы сталкиваемся с проблемой смысла с момента рождения и вплоть до самой смер-

ти. Человек укоренен в истории Вселенной. Если Вселенная имеет смысл, то, вероятнее всего, он охватывает и человека.

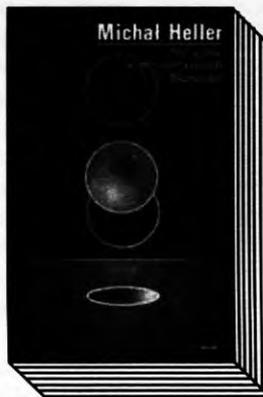
На этом наука останавливается. Ответ, который я дал, для нас недостаточен — он не решает наших экзистенциальных проблем. Поэтому в своей книге я пишу, что надо идти дальше, переходя в область богословия. Человек может выбрать одно из двух: либо он признает, что смысл существует, хотя этот смысл и непонятен ему, ибо он — тайна, либо он придет к выводу, что смысла нет.

Мне кажется, выбор тайны и смысла более рационален, чем выбор бессмысленности. Через человеческую бессмысленность иррациональность проникала бы в более чем рациональную Вселенную.

— Задавая вопрос о смысле, мы выходим за пределы физики и входим в сферу философии. Означает ли это, что физика, как утверждают некоторые, подходит к концу? А может, когда мы откроем окончательную теорию, о которой мечтают ученые, физика кончится?

— Границы физики, которые сегодня, быть может, видны отчетливее, чем раньше, существовали всегда. Когда Ньютон вел свои исследования, тоже казалось, что он достиг пределов познания. И все же эти пределы постоянно расширялись. Открытие теории, объединяющей теорию относительности с квантовой механикой, тоже не станет концом физики. Просто появится физическая теория, в пределах которой уже не будет внутренних противоречий. Вероятно, с ее появлением возникнут и новые вопросы. Мы никогда не будем знать всего.

Проблемы, выходящие за пределы научного метода, существовали всегда. Почему мы выбираем рациональность, а не иррациональность? Или знаменитый вопрос Лейбница: почему существует скорее нечто, чем ничто? На эти вопросы мы не найдем ответов в физике. Было бы проще, если бы ничего не было. Но ведь что-то есть!

Беседу вела Катажина Яновская

ПОЛІТІКА

Андрей Буровский

ПОЛЬСКИЙ СОБЛАЗН СЕГОДНЯ, ИЛИ ЧТО УДИВЛЯЕТ В ПОЛЬШЕ РОССИЯНИНА

Почему мы друг друга плохо понимаем?

*Я часто вижу, что приятелям
Уже не верится, что где-то
Есть мир, где врать — не обязательно
И даже глупо делать это.*

Игорь Губерман

По крайней мере с XVI столетия — как только они смогли это осознать — московиты обнаружили, что, «оказываясь», за западными границами их страны существует огромное общество, миллионы и десятки миллионов человеческих существ, говорящих на славянском языке. На языке, почти понятном русскому без переводчика; на языке, на котором он может читать... И притом это общество обладает как раз всем, чего россиянин «благодарно» лишен.

В польский соблазн входят и каменные города с мощеными улицами и фонтанами, и университеты, действующие с XIV века, и выборность городских властей, и вездесущее «пан». Заметьте — соблазны я расположил по мере нарастания. Каменный город — это здорово, но этого хочется меньше, чем гражданской свободы. А выборность городских властей чарует меньше, чем возможность быть паном. Для всех и всегда — паном, а не холопом... Даже не верится!

Великое множество русских людей за три века всячески «соблазнилось» от Польши — и продолжают «соблазняться».

«Польский соблазн» для образованных русских легко переходил в «польский кошмар» для бюрократии и для имперской верхушки государства российского.

Сколько было пролито чернил, лишь бы доказать любой ценой: русскому человеку не нужна личная свобода! Ему вовсе не хочется быть независимым от своего государства! Это немцы и англосаксы так устроены — чуть ли не на уровне генетики. Истинно русский человек любит вовсе

не свободу, а начальство, и не самостоятельность, а холопство. Так уж он устроен, и термин «истинно русский» принципиально важен — ведь очевидно, что множество русских людей вовсе не любили начальства и не хотели холопства... А это — не истинные русские! Так сказать, ущербные экземпляры.

Начать список «ненастоящих русских» следует, вероятно, с моего полного тезки Андрея Михайловича Курбского — сбежал, сволочь, от Ивана Грозного в Речь Посполитую, а Богом данного ему начальника, царя Ивана, обвинил в преступлениях и казнях. Весь список таких «ненастоящих русских», если его составлять, получится огромным, и даже не всегда понятно, кого больше — «настоящих» русских или «ненастоящих»?

Когда речь идет о романских, германских народах, можно еще ссылаться на их «менталитет», рассказывать сказки о том, что у них-де гражданское общество ну прямо-таки на генетическом уровне... И вообще — «это же немцы!». А вот с Польшей эти сказки не проходят.

Поляки — такие же. Поляки — оттуда же. Не случайно же их самоназвание так похоже на название племени, сплотившего Русь вокруг своей столицы — Киева. Поляне — поляки... Люди, кормившиеся на распаханых лесных полянах.

То есть какое-то сходство можно найти кого угодно с кем угодно, даже у русских с полинезийцами например. Но с поляками у русских общего столько, что временами просто перестаешь чувствовать себя за границей.

Если в Германии вы проходите мимо людей, которые пытаются восстановить разбитую машину, эти люди остаются где-то «у себя», в своей частной жизни. Они в твою жизнь не полезут, и ты не лезь. В Польше стоит обратить внимание на парней, пытающихся вставить в корпус одной маши-

ны двигатель от другой, и они обязательно кинут вам хоть словечко. Начните посреди Кракова крутить головой и вертеться — и вам придется долго объяснять прохожим, что вы не заблудились, просто вы иностранец, вам интересно... И хоть один из этих людей да начнет вам рассказывать про город.

И в недостатках поляки и русские схожи. Поляки — точно такие же болтуны, такие же ругатели и охальники, как русские. Они тоже любят разухабистые «орательные», их многословие, их готовность полгода дебатировать, в какой цвет красить здание польского землячества, их способность орать песни до трех часов ночи удивляют и чуть ли не пугают англосаксов и немцев. А русский в польской компании будет так же орать песню про развратную Марысю, спавшую с кем попало... и почувствует себя вполне «как дома».

Поляк так же сочетает в себе комплекс превосходства и комплекс неполноценности, как и большинство русских. И «самой маленькой из великих наций», и гордящейся своей громадностью Руси одинаково свойственна черта, характерная скорее для малых наций, особенно для пребывающих в рассеянии. Мы (и поляки, и русские) очень ранимы, очень зависимы от того, что и кто о нас говорит, каково мнение о нас у соседей... Как дети, право.

Как же тут не родиться чувству общности?!

С особым чувством перелистываю я страницы журнала «Новая Польша». Не только потому, что очень рад явной удаче журнала — в том числе и как организатора русско-польского диалога.

Но и потому, что этот сугубо «иностраннный» журнал постоянно поднимает до боли знакомые проблемы.

Взять хотя бы спор шановных панов Анджея Шипёрского и Адама Михника («Хамы и ангель», «Новая Польша», 1999, №1). Проблемы совершенно «российские»: место интеллигенции, интеллигентности в мире, охамение общества, наследие коммунистического режима.

Многое узнаваемо и в общих обстоятельствах, в том фоне, на котором происходит спор: социальная психология образованных слоев общества, противостояние «городского» общества и моря «хамов», перед которыми интеллигенция испытывает пресловутый комплекс «исторической вины», но и не считает себе ровней. Проблемы слабого развития среднего класса, столкновения крайностей, омуничивания и одичания. Все это очень родное — не зря же мы так остро чувствуем свою общность.

Была и зависть: потому, что все эти общие — и «наши», и «ваши» — проблемы ставятся и решаются все же в обществе европейского типа. У «вас» в составе нации были и есть 10% шляхтичей, прошедших все-таки школу демократии, уважения к человеческой личности, отношений «как равный с равным и свободный со свободным». Лично у меня щиплет глаза от этой формулы, потому что я далеко не уверен, что наши дворяне, составлявшие 2% населения, прошли хотя бы отдаленно похожую школу.

Политическое раздувание «польского жуэла», шизофренические обвинения во всех грехах, от религиозной ереси до бытового зазнайства и высокомерной хитрости, явственно отражают не только убеждения людей, но и истерическое желание отторгнуть дразнящий, манящий соблазн славянского европеизма. Любой ценой высмеять то, чего хочется больше всего. Доказать самому себе, что «не очень-то и хотелось», что виноград все равно зелен.

Можно говорить, наверное, даже о своего рода «польском укор»... Имея такое же наследие, как и все славяне, поляки стали частью Европы. И весь многовековой «спор славян между собою» всегда был окрашен в краски не национального, не религиозного, а именно цивилизационного спора.

Предки очень точно определили Россию — как поле борьбы азиатчины и европейства. По сей день происходит этот выбор — и народом, страной, и в каждой отдельной голове.

Анджей Новак в своей статье «Соблазны геополитики» («Новая Польша», 2002, №6) показывает, как живучи стереотипы, опирающиеся все на те же геополитические — сиречь на имперские амбиции. Один из стереотипов, просто позарез необходимых военщине, — как раз отрицание права славян быть европейцами. Польша ненавистна как весомое, грубое, зримое доказательство: славяне могут быть частью Европы.

Пересекая польскую границу, русский оказывается вдруг в стране, где вместе с множеством общих славянских черт поведения и образа жизни присутствуют такие, которые вовсе не свойственны ни России, ни Украине. Черты, объединяющие Польшу уже не с Россией, а с Германией или Францией.

Первое, что бросится в глаза россиянина, будет вежливость. Такое ощущение, что многие окружающие расположены к вам и готовы отвлечься от своих дел, лишь бы оказать вам какую-то мелкую услугу. Ощущение, кстати,

не такое уж глупое: поляки и впрямь легко оказывают любые услуги, с удовольствием помогают незнакомым людям — в том числе и иностранцам.

И уж конечно, почти никто вам не наругает и не скажет ничего обидного. И скандалов с воплями и взаимными обзывательствами вы в Польше, скорее всего, не увидите. Через какой бы город вы не покинули Польшу, после ее привычной вежливости бытовая грубость языка ударит вам по уху что в Бресте, что во Львове. Оказывается, русский человек просто мгновенно привыкает к тому, что он не «мужик», не «чувак», и не «эй, ты!» — а некоторым образом пан. И что именно так и должны относиться к нему все окружающие.

Второе, что поразит воображение гостя из России, будет стремление поляков расписать свою жизнь по дням и часам. При всей своей импульсивности и эмоциональности поляк обычно хочет знать, что и когда он будет делать.

Теоретически россиянин хотел бы, чтобы общество функционировало с точностью часового механизма и осуждает российское разгильдяйство. Печаль в том, что для такой четкой работы экономического и государственного механизма нужна еще и четкость поведения отдельных граждан... Что и не всегда удобно для приезжего, и «скучновато», и вообще как-то «неправильно».

Третье открытие, которое быстро совершает россиянин в Польше, — это удивительный культ частной жизни! Рабочие места пустеют в три часа, и если вы попросите перенести встречу на четверть четвертого, поляк согласится... но с интонациями жертвы.

— Долго мы засиделись! — скажет поляк, если в обществе «Союз сибиряков» разойдутся около семи часов вечера.

Для русского это совсем рано, русский и ложится и встает позже поляка. Но и помимо этого русский плохо понимает: куда спешат поляки с работы? Раз не домой — это тем более непостижимо, еще в большей степени странно. «Кабачок 13 стульев» казался россиянам чем-то сугубо условным, они как-то и не задумывались о том, что вовсе не герои сериала, а самые живые и реальные поляки встречаются в кабачках и проводят там довольно много времени, общаясь между собой.

Для россиянина такое общение — это нечто, идущее от избытка денег и свободного времени. Ему трудно понять, что так живут самые обычные и вовсе не богатые интеллигенты.

Россиянин проведет в Польше чуть больше времени и обнаружит еще одно странное качество польского национального характера. Я имею в виду редкую доверчивость и даже наивность поляков.

Полякам нравится нравиться. Им приятно быть приятными, и они любят быть любимыми. Я уверен, что эта черта и лежит в основе стереотипа хитрого и подлого поляка. Наверное, русскому или украинцу, воспитанному в совсем иных традициях, не так просто понять: можно вести себя так, вовсе не стремясь ни к какой корысти. Можно хотеть понравиться просто так... И в темной голове забитого, постоянно вынужденного врать «начальству» — то станovому, то участковому, то налоговому инспектору, то пану куренному... (меняются, мелькают, как в калейдоскопе, времена, империи и страны, а необходимость врать все остается и порой даже усиливается), — так вот, в голове этого вынужденного враля возникает стойкое убеждение: поляки хитро втираются в доверие. Чего-то они наверняка хотят от тех, кому пытаются понравиться! Ведь никак не может быть, чтобы они хотели быть приятными так просто... Без всякого умысла!

До какой степени расходятся стереотипы поведения поляка и русского, свидетельствует хотя бы сюжет в «Новой Польше» — о жизни Мариуша Вилька, поселившегося на Соловецких островах (С Мариушем Вильком беседует Станислав Бересь // «Новая Польша», 2001, №5). Вот пан Мариуш, среди всех прочих писаний, рассказывает с умилением: гражданину другой страны немыслимо трудно официально зарегистрировать оружие, а участковый все же регистрирует его двустволку в обход закона... Вот она, душевность русского человека!

У россиянина бюрократизм вызывает все-таки меньше сопротивления — привыкли. Но и читая о милом участковом, я хотел бы эдак кротко спросить пана Мариуша Вилька: он что, действительно не понимает, что сделал гадость этому милому участковому? Разве он, взрослый человек, хоть и поляк, не в силах понять, что сделал участковый? Милиционер вошел в положение пана Мариуша и оказал ему услугу, нарушив закон. Вдумайтесь: полицейский сам нарушает закон, чтобы помочь человеку... А пан Мариуш платит ему благодарностью — рассказывает об этом на страницах международного журнала...

Мы очень хорошо знаем, что люди постоянно оказывают друг другу услуги в обход закона. Не всегда это коррупция — часто такие услуги оказываются даже не по знакомству, а просто из чувства справедливости или чтобы вполне бескорыстно помочь человеку. Но, конечно же, болтать о таких услугах просто глупо.

Так вот, поляки выросли в другом мире. В мире россиян лгать надо на каждом шагу, и даже глупо этого не делать. А в мире, где живут поляки, лгать совершенно не обязательно, и даже глупо делать это.

В результате поляки удивительно (для россиян) открыты и легко сообщают о себе какие-то сведения. Им просто не приходит в голову, что не только в суде все сказанное вами может быть использовано против вас.

Поляки верят на слово собеседнику. Если вы понравились поляку, он легко доверит вам свои вещи и даже деньги. Поляку часто не приходит в голову, что вы можете его обмануть. Коварный,

хитрый поляк — это яркий персонаж Достоевского. Но в реальной жизни я часто слышал о том, как украинцы (реже русские) обманули поляков, но почти не встречал обратных случаев. «Почему-то» поляки или не стремятся обжулить восточных славян, или у них не получается. Причину я вижу одну: мир, в котором врать не обязательно, и даже глупо делать это, лежит сразу к западу за Брестом. Поезд пересекает границу миров между Брестом и Тересполем, сразу после белорусской таможни.

Красноярск, 2002

ОТ РЕДАКЦИИ

Мне кажется, автор этой интересной и яркой статьи, отлично, между прочим, подметивший, что полякам нравятся нравиться, сам не учел этого обстоятельства, описывая мир, начинающийся от Бреста и идущий через Польшу дальше на Запад, как мир, где врать не обязательно и даже глупо. Увы, достаточно перелистать хотя бы «Хронику (некоторых) текущих событий» Виктора Кулерского в нашем журнале, чтобы обнаружить, сколько врут поляки. Конечно, в хронике речь идет преимущественно о политиках, и можно счесть, что в этой профессии врать обязательно (хотя все равно глупо) — что в России, что в Польше, что на Западе. Но и в обычной жизни, увы, врут и поляки, и французы, и американцы, и кто хошь (врут, когда обязательно, и когда совсем не обязательно). Тогда, может быть, разница только количественная, а не качественная? А это уже иной коленкор.

Думаю, что, в общем-то, недостатки у людей (вплоть до упомянутой автором Полинезии) всюду примерно те же — как и достоинства. Другое дело, что существует еще идеологическая ложь — та, против которой было сказано: «Жить не по лжи». Жить по лжи — это посерьезней, чем просто врать, и привычка жить по лжи (продолжая лгать уже не в рамках рухнувшей идеологии) не быстро выветривается: нужно время. И чем дольше приучали жить по лжи, тем больше потребуется этого времени. Быть может, разница в этом? Но и она количественная, а не качественная.

Автор статьи, как я понимаю, впервые попал в Польшу из свободной России, и в Польшу тоже свободную. В его описании различия не так резки, как в воспоминаниях тех, кто из СССР попадал в тоже коммунистическую, но как же отличающуюся от нас Польшу (после 56-го года, разумеется), однако и здесь в конце концов отличия были количественными: не свобода, а «побольше свободы», особенно свободы творчества, или когда у нас в конце 70-х сажали на «семь и пять» (7 лет лагеря, 5 — ссылки), в Польше ограничивались задержаниями на 48 часов. Для сажаемых это, конечно, уже качественная разница, но и польская власть опомнилась, встряхнулась и после 13 декабря 1981 г. стала сажать всерьез.

Я впервые попала в Польшу, еще коммунистическую, в 1988 г. из Парижа, и впечатление (не от людей, с которыми я встречалась — а это был цвет польской оппозиции, — но от общего вида, от серых, запущенных городов — исключения не составлял и Краков) было гнетущее. Сейчас, конечно, и Польша выглядит несколько по-другому, но и Россия — тоже. Обе страны и оба общества кое-как залечивают раны от катастрофы длительностью в 45 или 70 с лишним лет, и в России до исцеления, конечно, дальше.

Мне кажется, статья может служить образцом «положительного предубеждения» русских по отношению к полякам: они-де и европейцы, и свободнее нас, и не врут, как мы. Это тоже, увы, один из стереотипов: помню, году в 72-м, читая полученный из моих рук русский номер «Культуры», мои московские друзья ахали: «Какие эти поляки умные, не то что мы...» — забывая, что на этих страницах были представлены лучшие авторы «Культуры» (все равно что собрать в один сборник лучшие тексты русского сам- и тамиздата за 10 лет). Нет, в их глазах поляки были умные, а мы, русские, если и не совсем дураки, то уж точно недотепы. Хорошо бы, избавляясь от польско-русских предубеждений, избавиться и от «положительных».

А в общем-то, думаю, автор, упоминая о том, чем близки поляки и русские, забыл упомянуть одно свойство: мы не просто «охальники и ругатели» — и поляки, и русские, все мы ужасно любим охавать и ругать себя. Чем, в конце концов, отчасти автор и занимается.

Наталья Горбаневская

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Наша анкета — новые голоса

К.Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцерович о будущем Европы

Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский, Гуго Штейнгауз, Леопольд Козловский, Генрик Маркевич

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд,

В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Рымкевича, Подсядло и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ № 77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

музыкознавство ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%